

КАК ПРИРУЧИТЬ ДРАКОНА

КНИГА II

КАК ПРЕДАТЬ ГЕРОЯ

НИКОГДА
НЕ ТЕРЯЙ
НАДЕЖДУ!

КРЕССИДА КОУЭЛЛ

корабли Драконьей
Печати

ДУШЕГУБСКИЕ

Водопад

Коралловый
пляж

МАРОАЕРСКАЯ
ГАВАНЬ

Поющие
Пески
Аара
Перевоз-
чика

Риф

Теснина
Героев

Остров
Завтра

Последний Приют

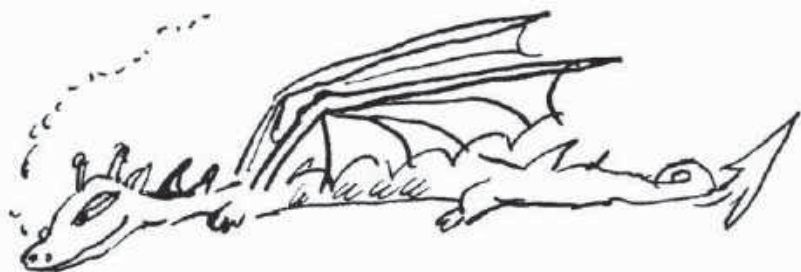

Совершенно необязательно читать книги Иккинга по порядку. Но если вам очень хочется, то порядок такой:

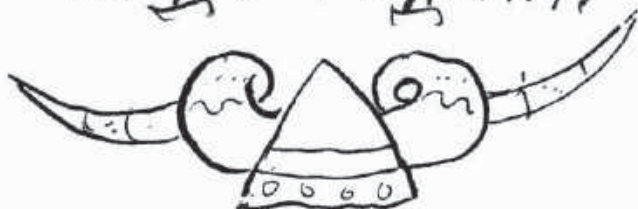
1. Как приручить дракона
2. Как стать пиратом
3. Как разговаривать по-драконьи
4. Как перехитрить дракона
5. Как разбудить дракона
6. Как одолеть дракона
7. Как разозлить дракона
8. Как освободить дракона
9. Как украсть Драконий меч
10. Как отыскать Драконий камень
11. Как предать Героя
12. Как спасти драконов

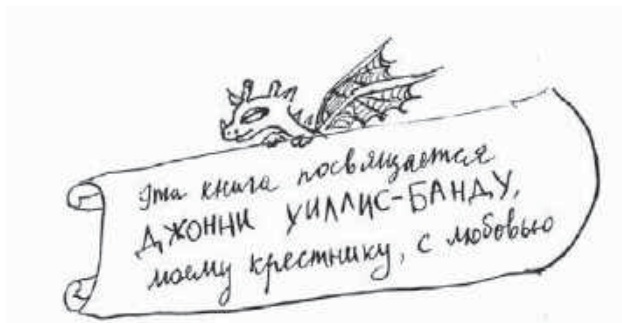

ВНИМАНИЕ!

Если вам вдруг покажется,
будто события этой книги
имеют какое-то отношение
к реальным историческим
фактам, имейте в виду — это
ЧИСТАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ.

МЫ ВАС
ПРЕДУПРЕДИЛИ!

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-44
К 73

Cressida Cowell
HOW TO BETRAY A DRAGON'S HERO
Text and illustrations copyright © 2013 by Cressida Cowell
All rights reserved
Originally published in Great Britain in 2013 by Hodder Children's Books

Перевод с английского Анастасии Кузнецовой
Серийное оформление и иллюстрация на обложке Екатерины Платоновой
Иллюстрации в тексте Крессиды Коуэлл

Коуэлл К.

К 73 Как предать Героя : повесть / Крессиды Коуэлл ; пер. с англ. А. Кузнецовой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 384 с. : ил. — (Как приручить дракона).

ISBN 978-5-389-10120-3

Драконы берут верх в войне с викингами. Спасти людей может только появление нового Короля, которому Стражи запретного острова Завтра откроют тайну Драконьего Камня. А для этого надо принести им все десять Утраченных Королевских Сокровищ и сделать это не позже чем в Канун Солнцеворота. У Иккинга Кроважадного Карасика III и его друзей остались считанные дни, чтобы вернуть Сокровища, украденные Элвином Вероломным, иначе драконы исчезнут навсегда...

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-44

© А. А. Кузнецова, перевод, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-10120-3

Саймону Коуэлу, Энн Макнил,
Ниами Поттесмек, Дженифер Стивенсон,
Джудит Калмер — за всю помощь
в создании этой книги

КАК ПРЕДАТЬ ГЕРОЯ

Сочинил ИККИНГ
КРОВОЖАДНЫЙ КАРАСИК III

Перевела с древненорвежского
КРЕССИДА КОУЭЛЛ

Санкт-Петербург

Валгалларама

Ветрогон

Сморкала

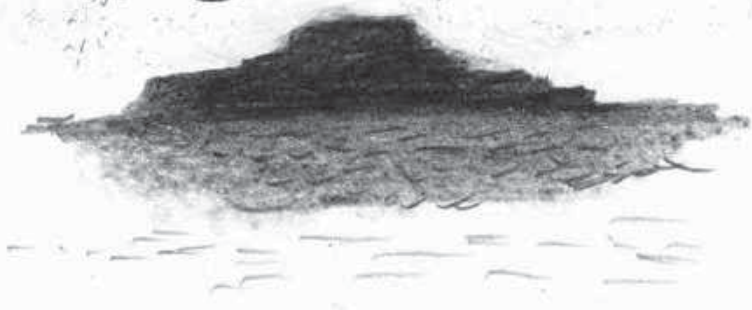

Элвин
Вероломный

ведьма Экселлинор

Проклятый остров Завтра

Мы еще не видели Завтра. Мы еще не осмелились вторгнуться в его пределы.

Некогда на острове Завтра процветал город. На башнях ста прекрасных замков гордо реяли флаги Дикозапада. Город держался на рабстве людей и драконов, но это не мешало ему быть красивым и величественным, как и многим другим городам рабовладельцев прежде и после него.

Однако сто лет назад Чернобород Оголтелый, Последний Король Дикозапада, совершил поистине ужасное злодеяние.

Сын Черноборода, Иккинг Кровожадный Карасик II, вместе со своим побратимом, драконом Ярогневом, возглавил мирное драконье воззвание — он хотел уговорить отца покончить с раб-

ством. Чернобород по ошибке принял воззвание за восстание. Он убил сына своим мечом, Лезвием Бури, обогрив кровью Трон.

Вот так на Трон и остров Завтра пало Проклятие. Полчища драконов, собравшиеся только для того, чтобы мирно выразить свое несогласие, разрушили город. Сотня прекрасных замков сгорела дотла, но Ярогнева схватили и сковали неразрывными цепями в глубинах лесной тюрьмы.

Чернобород Оголтелый горько раскаялся в содеянном. Он поклялся, что лишь по-настоящему хороший человек, лучше его самого, сможет стать новым Королем Дикозапада, а до тех пор Трон не достанется никому. И придумал Чернобород Оголтелый Невыполнимую Задачу.

Он запрятал Десять Королевских Сокровищ в самых далеких и тайных уголках архипелага и поставил сторожить их самых ужасных чудовищ и драконов. Только настоящий Герой сможет собрать Сокровища, снять Проклятие и стать новым Королем Дикозапада.

И если когда-нибудь появится Герой столь великий, что ему по силам окажется добыть все Десять Утраченных Сокровищ, только тогда его можно будет короновать. Однако принять корону Дикозапада он сможет лишь на двенадцатый день Зимнего Солнцеворота, который зовется еще Светопреставлением Солнцеворота (и недаром), и лишь

на острове Завтра, на обломках Трона, где умер сын Черноборода.

Тем временем Чернобород назначил воинов из числа людей и драконов Стражами разрушенной островной крепости Завтра. Избранные были невообразимо страшны и ужасны. Все они поклялись убить на месте любого, кто проникнет в крепость.

А сейчас архипелаг нуждается в Короле больше, чем когда-либо прежде, ибо дракон Ярогнев вырвался из лесной тюрьмы, куда некогда заточил его Чернобород Оголтый, и несет собственное Проклятие людям. Он возненавидел род людской и намерен истребить его под корень.

И Ярогнев берет верх. Север Варварского архипелага в огне. Из страха перед драконом люди вынуждены были уйти в подземные убежища.

Ничто не может остановить Ярогнева. Ничто, кроме нового Короля, ибо новый Король постигнет тайну Десятого Утраченного Сокровища, драгоценного Драконьего Камня, обладающего властью уничтожить драконов навеки.

Раз в году наступает время, когда претенденту на Трон дозволено ступить на землю острова Завтра — утром в один из Двенадцати Дней Зимнего Солнцеворота.

Сейчас середина зимы и утро девятого дня Солнцеворота.

И вот через пролив под названием Теснина Героев к большой земле Душегубских гор плывет

одинокая лодка. Лодкой правит человек огромного роста — Перевозчик.

Перевозчик — один из Друидов-Стражей острова Завтра. Глаза у него завязаны, и он не может снять повязку, пока не будет коронован новый Король Дикозапада. Повязка символизирует его роль беспристрастного и неподкупного Судьи, безграничную преданность долгу Друида-Стража. Однако шестое чувство подсказывает ему, что на берегу его ждет некто, окруженный небольшой кучкой последователей. Это СТР Страхолюд. В сердце Перевозчика вспыхивает надежда.

Наконец... в последний миг... Герой пришел, чтобы предъявить права на Королевство!

Ибо Друид-Страж боится, что еще немного — и Ярогнев истребит весь род людской.

Друид-Страж заставляет лодку плавно скользнуть на Поющие Пески берега, который зовется Дар Перевозчика, и, широко раскинув руки, произносит нараспев, как делали его отец, и отец его отца, и отец отца его отца год за годом до него:

— О Будущий Король или Королева, ступи же навстречу Завтра, если посмеешь! Только тот, кто собрал Утраченные Королевские Сокровища, может принять корону и остаться в живых...

Он поворачивается к СТРу Страхолюду и вопрошает со всей серьезностью:

— Ты ли Будущий Король?

— Я, — отвечает СТР.

— Избран ли ты всеми племенами архипелага, чтобы править? — спрашивает Друид-Страж.

СТР кивает.

— Привез ли ты дар для Перевозчика? — спрашивает Друид-Страж.

— Привез, — отвечает СТР Страхолюд.

Торжественно, но не в силах скрыть надежду, Перевозчик произносит:

— Тогда покажи мне Сокровища.

СТР Страхолюд щелкает пальцами своим присным, и они одно за другим выносят вперед Сокровища.

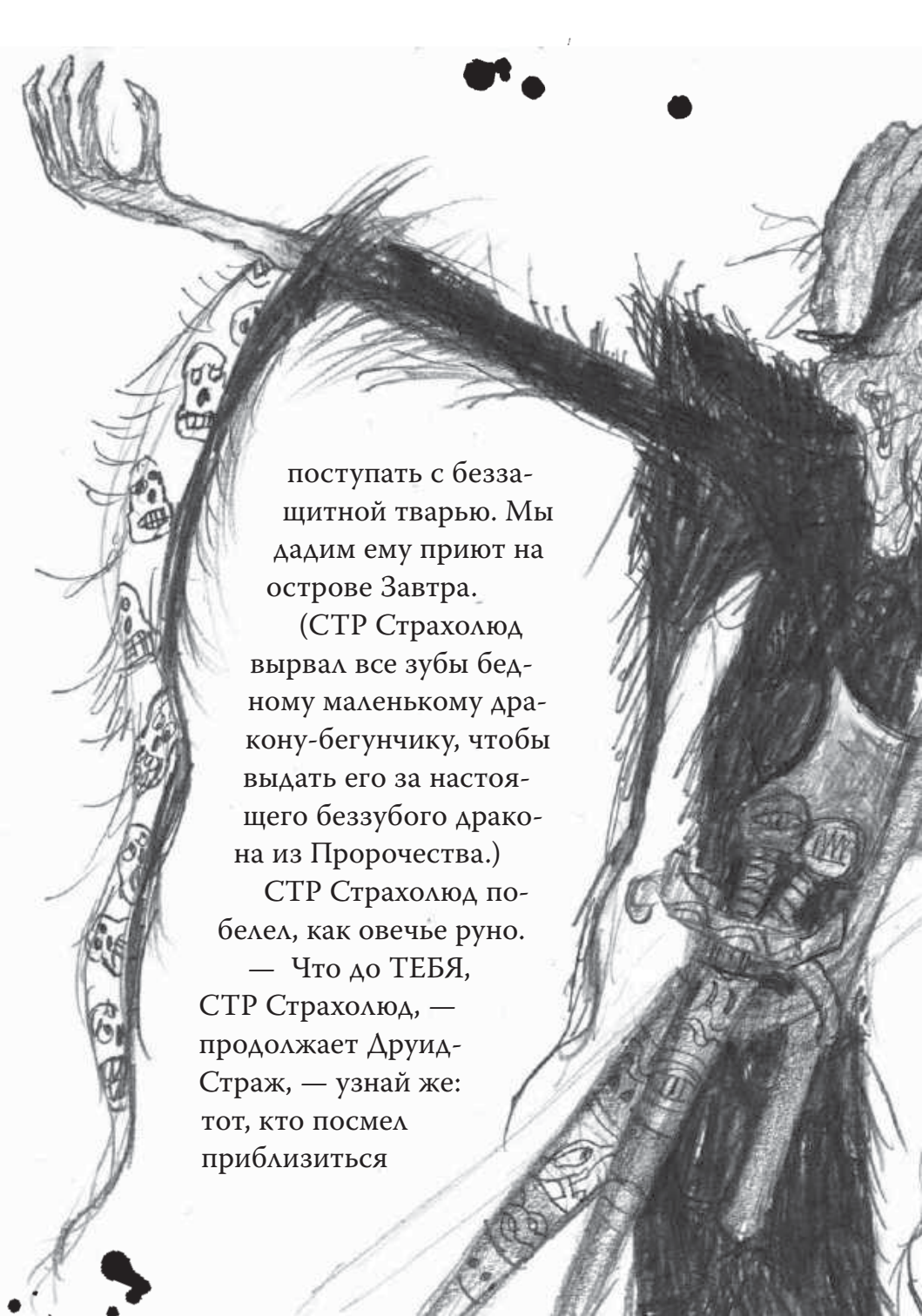
Это беззубый дракон, второй лучший Чернобородов меч, римский щит, стрела из небывалой страны, рубин в форме сердца, тикалка, ключ, Трон, корона и Дракониий Камень.

Приспешники СТРа Страхолюда раскладывают их на песке перед Друидом-Стражем и отступают. Друид-Страж выходит вперед, чтобы осмотреть Сокровища.

Долго-долго перебирает он их, ощупывая каждое длинными чуткими пальцами, стараясь почувствовать каждый предмет со всех сторон, дабы убедиться в его подлинности.

А затем отходит на шаг и мрачно объявляет:

— Эти все — ПОДДЕЛКИ. Особенно отвратительна подделка беззубого дракона — жестоко так

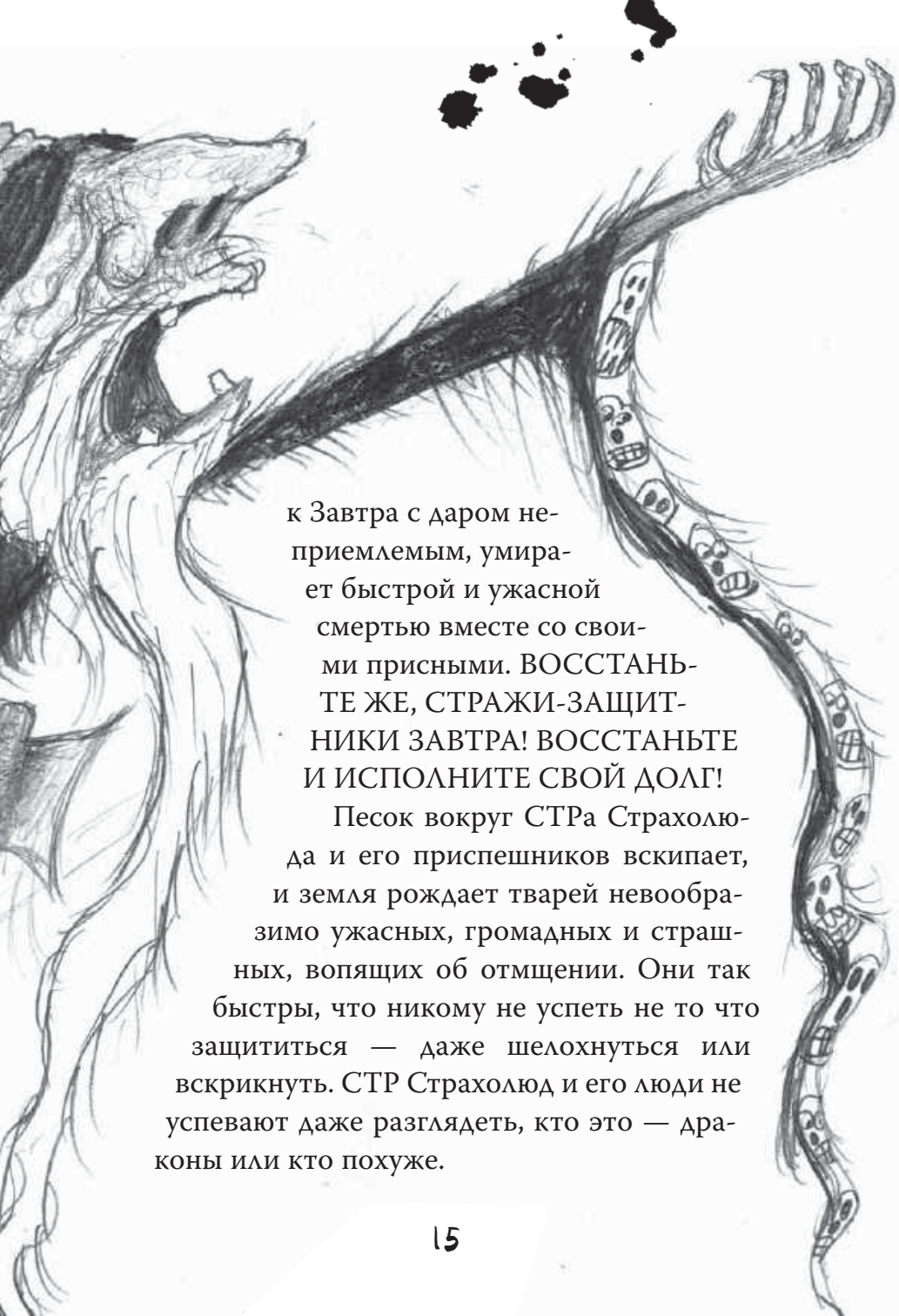

поступать с безза-
щитной тварью. Мы
дадим ему приют на
острове Завтра.

(СТР Страхолюд
вырвал все зубы бед-
ному маленькому дра-
кону-бегунчику, чтобы
выдать его за настоя-
щего беззубого драко-
на из Пророчества.)

СТР Страхолюд по-
белел, как овечье руно.

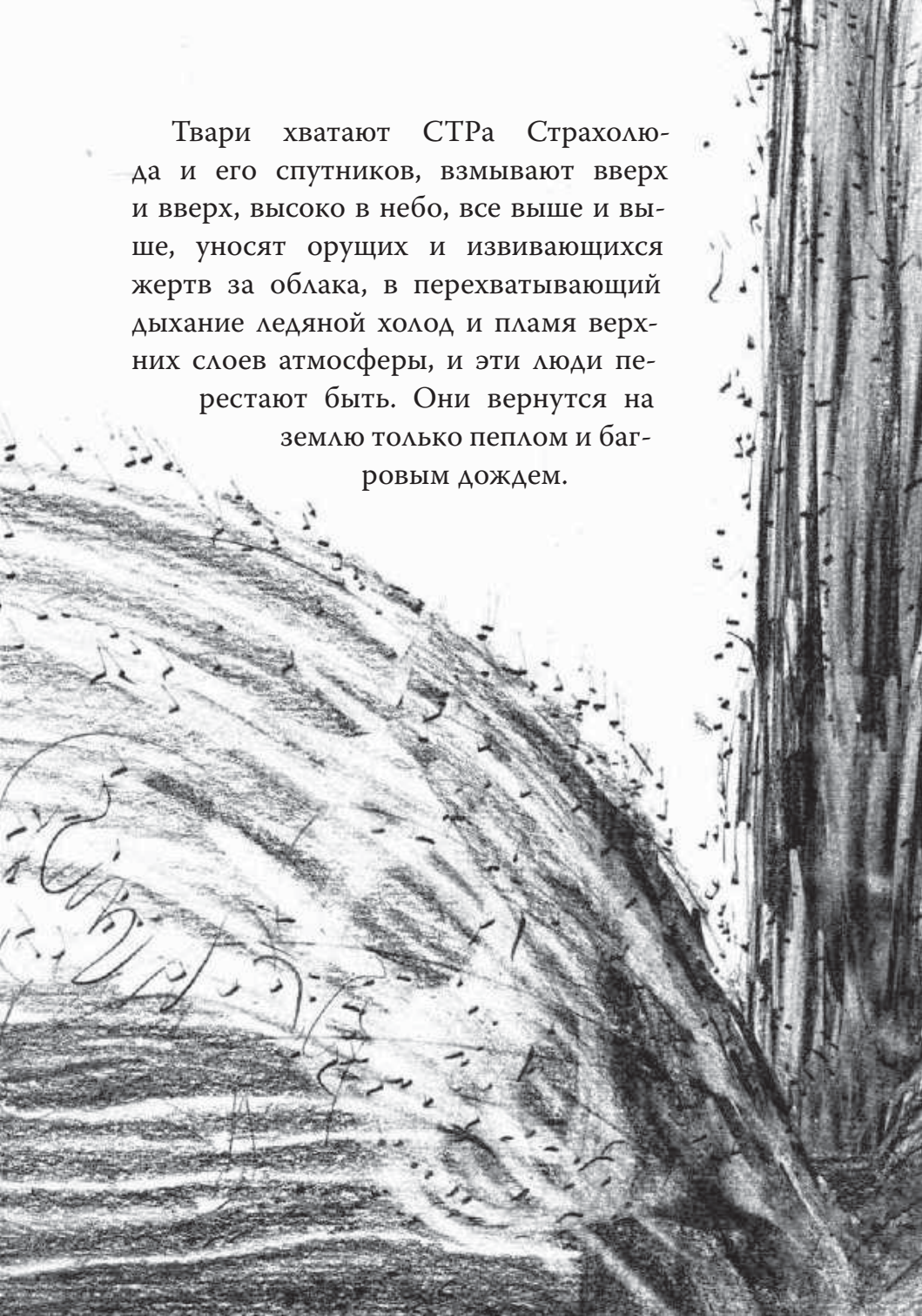
— Что до ТЕБЯ,
СТР Страхолюд, —
продолжает Друид-
Страж, — узнай же:
тот, кто посмел
приблизиться

к Завтра с даром неприемлемым, умирает быстрой и ужасной смертью вместе со своими присными. ВОССТАНЬТЕ ЖЕ, СТРАЖИ-ЗАЩИТНИКИ ЗАВТРА! ВОССТАНЬТЕ И ИСПОЛНИТЕ СВОЙ ДОЛГ!

Песок вокруг СТРа Страхолюда и его приспешников вскипает, и земля рождает тварей невообразимо ужасных, громадных и страшных, вопящих об отмщении. Они так быстры, что никому не успеть не то что защититься — даже шелохнуться или вскрикнуть. СТР Страхолюд и его люди не успевают даже разглядеть, кто это — драконы или кто похуже.

Твари хватают СТРа Страхолю-
да и его спутников, взмывают вверх
и вверх, высоко в небо, все выше и вы-
ше, уносят орущих и извивающихся
жертв за облака, в перехватывающий
дыхание ледяной холод и пламя верх-
них слоев атмосферы, и эти люди пе-
рестают быть. Они вернутся на
землю только пеплом и баг-
ровым дождем.

Такова месть Стражей Завтра тем, кто осмелится ступить на их берега без истинных Сокровищ.

Друид-Страж вздыхает и ласково гладит по голове бедного беззубого бегунчика, тихо уверяя его, что все будет хорошо. Он бормочет про себя:

— Еще два дня... Всего два дня у Героя, чтобы явиться и спасти нас всех.

Страж устало забирается обратно в лодочку. На самом деле он и не ждал, что придет настоящий Герой. Да и с чего бы? Этот ритуал совершается каждый год вот уже девяносто девять лет подряд, но являлись только недостойные. Старик начинает грести обратно к Завтра.

Он будет выкликать Героя, чтобы тот пришел и заявил права на корону, еще два дня. Если Герой не явится на одиннадцатый день, в Канун Солнцеворота, будет слишком поздно. Правила, установленные Чернобородом сто лет назад, непреложны. Границы Завтра замкнутся снова до следующего года.

А на следующий год будет и правда ПОЗДНО. К тому времени Ярогнев станет слишком силен. Этот год — их единственный шанс.

Герой должен прийти и заявить права на Трон, со всеми Утраченными Сокровищами, на одиннадцатый день Солнцеворота...

...или все потеряно.

Пролог, написанный Иккингом Кровожадным Карасиком III, последним из великих героев- викингов

Все события последних двух книг моих воспоминаний уместились в сорок восемь часов, последние два дня Солнцеворота. В ту пору мне было четырнадцать лет. Предупреждаю, эти главы самые мрачные и страшные, их было труднее всего писать. Ибо тогда мне пришлось иметь дело и со Стражами-Защитниками Завтра, исполняющими волю Черноборода Оголтелого, и с истинной мощью и злобой дракона Ярогнева.

В то время драконы оказались на грани исчезновения.

В начале этой книги архипелаг охвачен войной. Драконы и люди пытаются уничтожить друг друга, а за мной охотятся и ужасные Мятежные драконы, и ведьма с Элвином Вероломным.

Я оглядываюсь на того бледного, тощего четырнадцатилетнего мальчика, каким я был тогда, и безумно тревожусь за него. Ведь он еще не знает, что ему грозит. Он живет в этой жуткой войне,

он уже видел смерть, но ему пока не доводилось терять тех, кого любит. Он начинает понимать, что значит нести бремя вины и ответственности, которое всегда ложится на плечи вождя. Но он еще не принял это бремя как свою судьбу и предназначение.

Сумеет ли он в конце концов спасти драконов?

Мне отчаянно хочется ему помочь.

Я тянусь к нему через бездну пространства, звезд и времени, чтобы взять его за руку и помочь пройти через все это. Но Прошлое — страна столь далекая, что, как бы я ни кричал, он меня не услышит.

Теперь я древний-предревный старик, я оглядываюсь на прожитую жизнь и вижу, что тьма в те времена пала на землю не зря.

Великие дела совершаются лишь из любви и боли.

Великий меч куют из самой лучшей стали. Но по-настоящему великим делает меч то, что происходит с ним потом.

Мы зовем это закалкой меча.

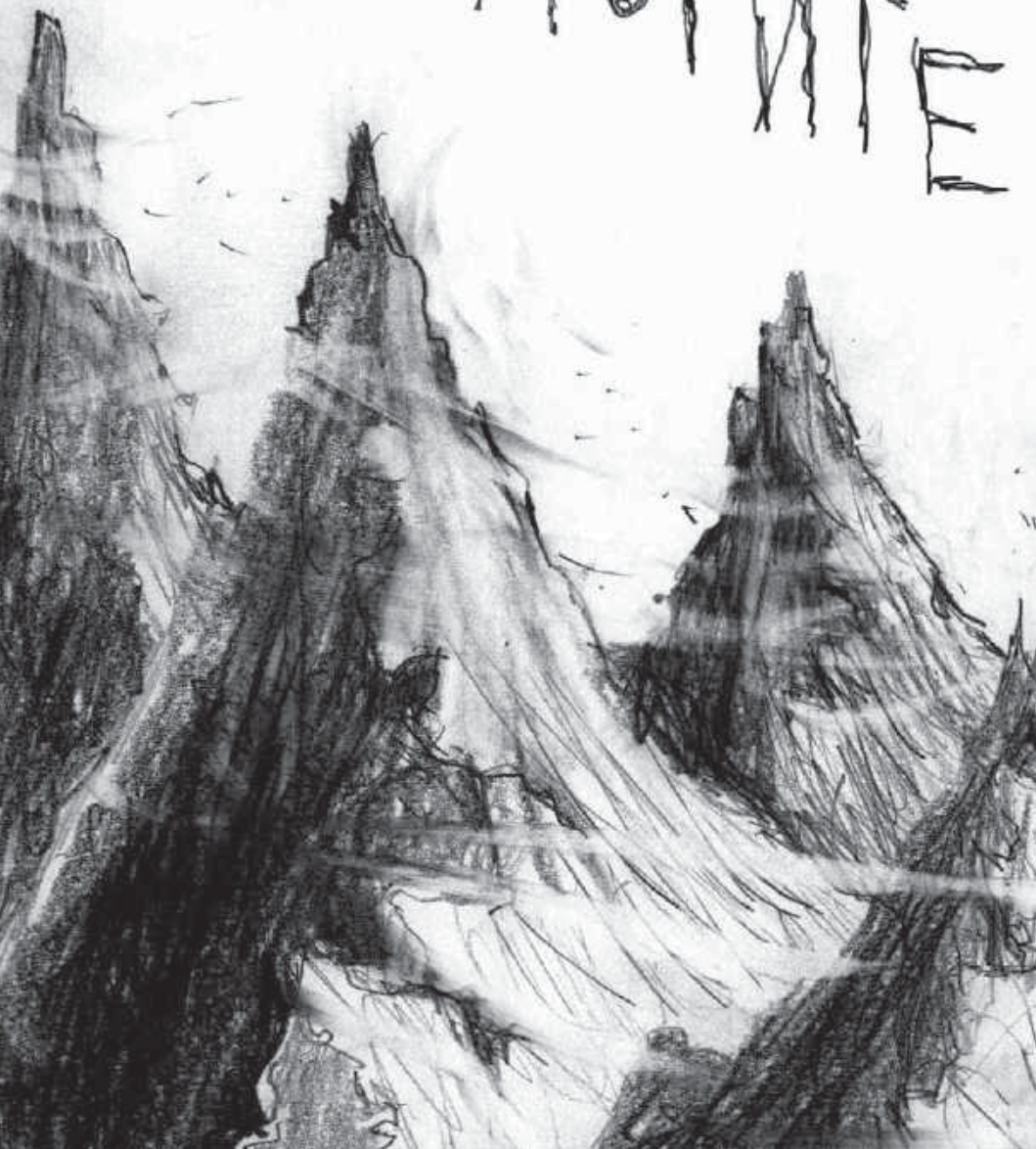
Меч колотят, бьют и выстукивают сверкающим молотом, придавая клинку форму. Его погружают в яростный жар горна, где он размягчается, и тут же окунают в ледяную воду, где он снова затвердевает. Чем горячее, чем яростней пламя, тем крепче и лучше становится в скором времени меч.

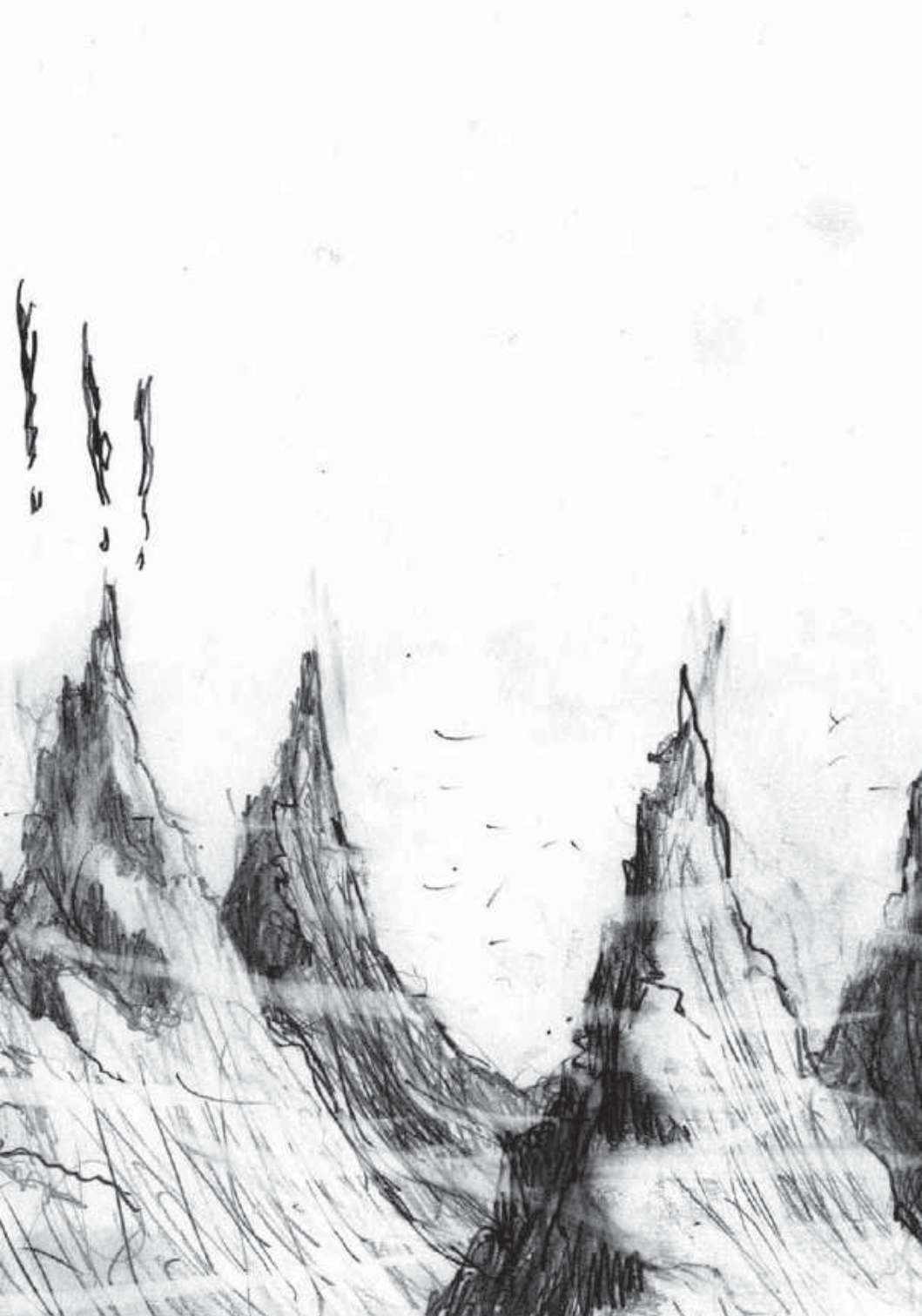
И после этой мучительной закалки клинок либо становится прочным и совершенным, либо ломается.

То же происходит и при Становлении Героя.

ПОМОГИТЕ

1. МАМА НЕ ВЕЛЕЛА ПОКИДАТЬ НОРУ

В Душегубских горах стояла зябкая и туманная ночь.

Отличная ночь для предательства.

В эти мрачные времена войны люди старались не соваться в леса на склонах Душегубских гор. Стоило Мятажным драконам уловить хоть малейший намек на человеческое шевеление среди обугленных деревьев на мглистых горных перевалах, они обрушивались на несчастных и убивали.

Но где-то в глубине леса, вдали от любой помощи, исполненный ужаса человеческий голос орал: «Помогите! Помогите! Помогите!» — и крохотный отряд храбрых, но глупых людей и драконов спешил ему на выручку.

TE!

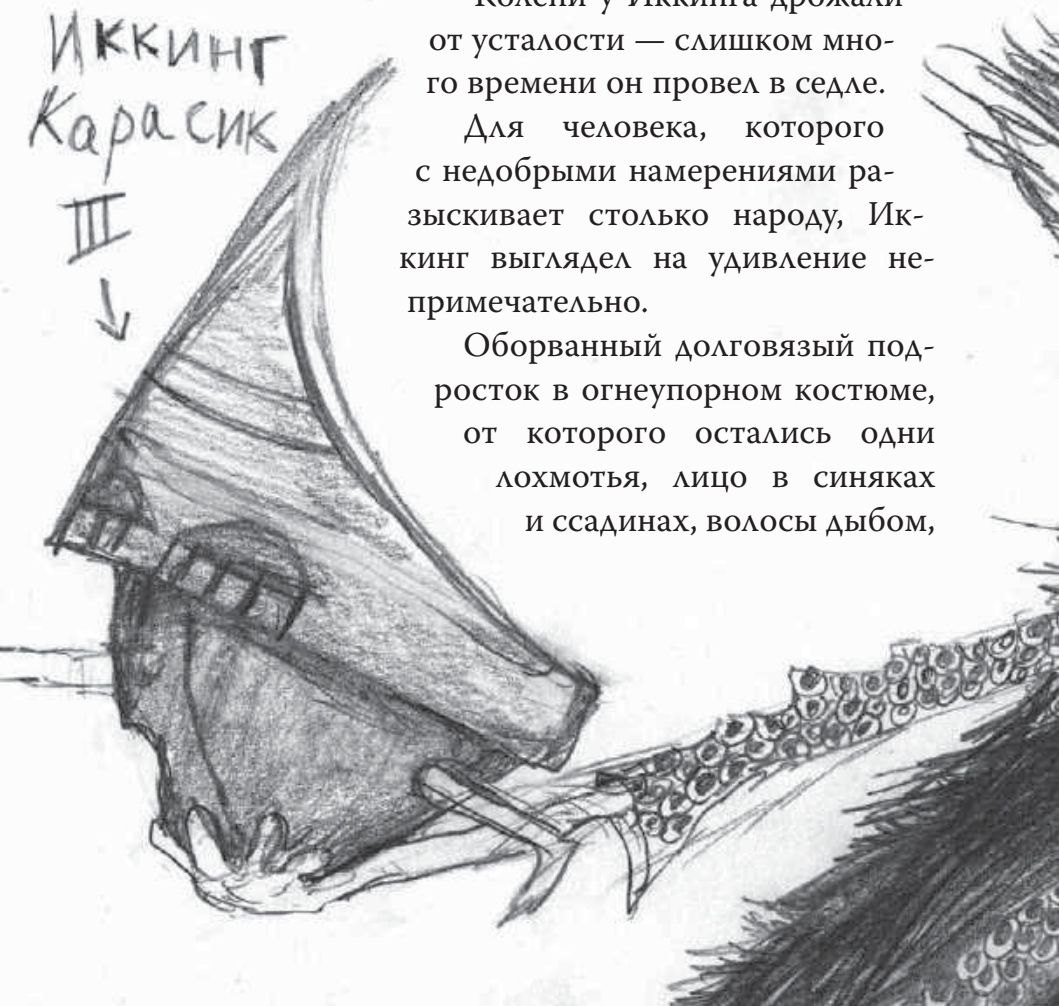
Иккинг Кровожадный Карасик III сидел на спине Смертенья, летевшего низко-низко над верхушками деревьев. Драконьи крылья медленно взмывали и опускались, порой задевая обугленные верхние сучья.

Смертени — хамелеоны, и потому красивый трехглавый дракон сливался с ночным небом и по его сияющим бокам проплывали звезды.

Колени у Иккинга дрожали от усталости — слишком много времени он провел в седле.

Для человека, которого с недобрыми намерениями разыскивает столько народу, Иккинг выглядел на удивление непримечательно.

Оборванный долговязый подросток в огнеупорном костюме, от которого остались одни лохмотья, лицо в синяках и ссадинах, волосы дыбом,

а в глазах застыл страх человека, уставшего быть в бегах. Война и изгнание превратили его в пугало.

Он стискивал в руке меч, в ушах звенело от пронизывающего холода и кусачего ветра. Иккинг вглядывался через крыло Смертеня в обугленную пустыню далеко внизу, и сердце у него колотилось.

«Помогите! Помогите! Помогите!» — вопил голос, и уже виднелся в глубине лесов крохотный мерцающий огонек костра, то вспыхивающий, то

пропадающий, словно светлячок или мерцание их собственного любопытства.

Нетрудно понять, почему Иккинг так тревожился. Эта обугленная, сожранная огнем территория принадлежала дракону Ярогневу и Драконьему восстанию. А Ярогнев больше всего на

свете хотел поймать Иккинга. Дракон торжественно поклялся обратить в пепел весь мир, лишь бы найти его, поклялся, что не останется ни скалы, ни острова, ни пещеры, ни утеса, где этот мальчишка сможет укрыться от возмездия. И вот Смерть летел над тем, во что превратился

мир из-за безумной охоты Ярогнева: под ними простиралась оплавленная, искаленная земля, изломанные трупы деревьев, закопченные останки разбитых скал.

— Ох, ради Тора, — шептал лучший друг Иккинга, Рыбьенот, сидевший за спиной у него на Смертене.

Рыбьенот был еще более тощим и потрепанным, чем Иккинг, хотя казалось бы, дальше некуда. На кончике носа у него болтались разбитые очки — того и гляди свалятся.

— Мятежные драконы разорвут нас в клочья! Твоя мама велела НИ ПОД КАКИМ ВИДОМ НЕ ПОКИДАТЬ НОРУ, — протестовал Рыбьеног. — Нам просто надо просидеть там еще два дня, до Кануна Солнцеворота, а потом встретиться с остальными сторонниками Драконьей Печати на Поющих

Песках Дара Перевозчика. Вот и ВСЁ. Об остальном твоя мама обещала позаботиться сама...

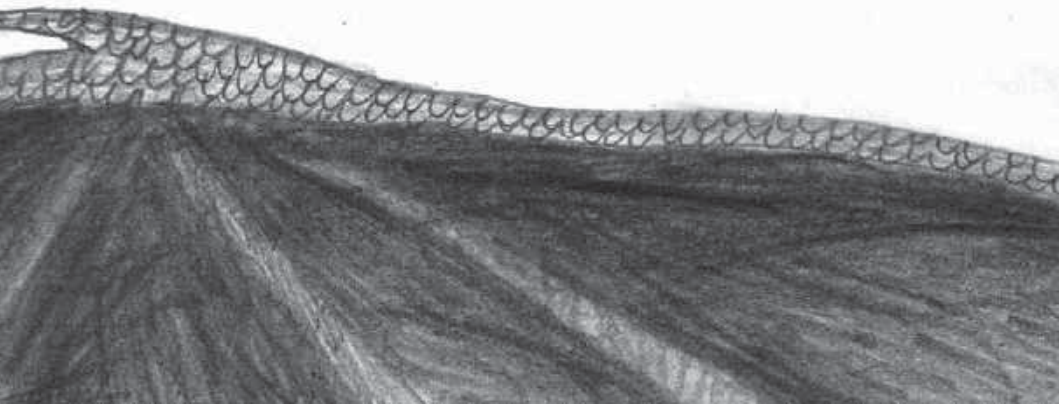
— Но что, если это кто-то из наших там, в лесу, один-одинешенек? — возражал Иккинг.

— Ты прав, — соглашался Рыбьенот, дрожащей рукой покрепче стискивая меч. — Я знаю, что ты прав... просто очень уж страшно...

Иккинг и двое его друзей-людей были белые, как муравьиные яйца. Они уже месяц не видели солнца и сегодня впервые вылезли наружу. А до этого только их драконы по очереди выбирались из укрытия за едой и дровами. Но теперь Десять Воинов Драконьей Печати выползли из безопасного убежища, заслышав вдалеке перепуганный человеческий голос.

Чем ближе они подлетали в скудном свете, тем отчетливее слышался отчаянный призыв. И невозможно было не откликнуться на звучащий в нем страх. Что должно происходить с человеком, чтобы он так орал?

Когда человек зовет человека, этот крик не пропустишь мимо ушей.

Иккинг слотнул и глянул вниз на проплывающие под ним деревья. Некогда этот лес жил и дышал. Теперь его сковала смертная неподвижность, сожженная и обугленная, уничтоженная в горниле драконьего гнева.

Третьим седоком на спине Смертеня была мелкая вертялая девчонка из племени Бой-баб. Звали ее Камикадза. Волосы у девчонки выглядели так, словно на ее макушке всю ночь веселилось семейство бешеных белок.

Это тебе не
викингская гимнастика
для девочек...

— Да ну, Рыбьеног, — весело шепнула Камикадза. — Ты же знаешь, мы должны это сделать. Кроме того, я лично не прочь поразмяться. Мы слишком долго торчали в этой Норе.

Честно говоря, Камикадзе уже настолько надоело сидеть под землей, что предложи Иккинг вручную отполировать Ярогневу задние когти, она и то подписалась бы.

— Поразмяться?! — взвился Рыбьеног. — Поразмяться? Это тебе не викингская гимнастика «Будь в форме» для девочек!

Три маленьких охотничьих дракона летели, держась строго над Смертением. Двое из них были драконы Иккинга: очень старый, Одиноклык, с рваными и мятыми крыльями, и очень юный, Беззубик, самый мелкий и капризный охотничий дракон в архипелаге. Третья, золотая нравная драконца по имени Буримуха, принадлежала Камикадзе.

Еще с ними был ездовой дракон Ветрогон — длиннопалый, неказистый и ласковый. Он вилял лохматым хвостом, с надеждой ожидая, пока все остальные решат, что делать.

— Ле-летим домой... — хныкал Беззубик по-драконьи.

Среди людей только Иккинг понимал драконье наречие, на котором общаются между собой драконы, поскольку единственный из викингов потрудился изучить его.

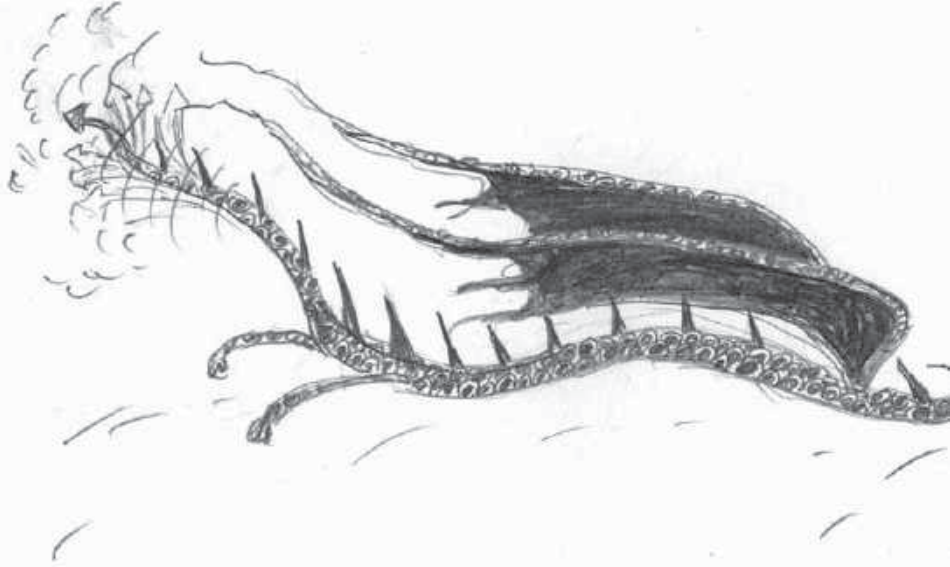
Громадные нефритовые глаза Беззубика так и лезли из орбит от ужаса. Ему не было особого дела до чужих людей, сколько бы они ни звали на помощь. Он просто хотел домой, но стеснялся признавать это перед Буримухой. Беззубик был неравнодушен к прекрасной драконице и в ее обществе из всех сил строил из себя большого и храброго.

— Тут с-с-слишком зя-зябко... — плакал Беззубик.

Дракончик заикался, а сейчас вдобавок сильно дрожал, отчего заикался еще сильнее.

— А разве я не говорил тебе надеть шубку, Беззубик? — возразил Иккинг. — Говорил, и не раз! Но ты сказал, ах нет, тебе будет жарко...

— Шубки — это для не-неженок... — возразил Беззубик. — На самом деле Б'бе-беззубику все-таки не-не х-холодно... Б'бе-беззубику очень те-те-тепло... Может, даже че-чересч'чур... Б'бе-беззубику надо обратно в укрытие, чтобы не-немного остыть...

Разгоряченный Беззубик аж посинел от холода.

— Это не потому что Б'бе-беззубик боится Мя-мятежных д'драконов, — пропыхтел дракончик. — Нет-нет-НЕТ. Б'бе-беззубик может сразиться с Драконьим восстанием, даже если ему одно к-крылышко за спиной привяжут! Да, Буримуха! — похвалялся он. — Правда же, Одиноклык? И Б'бе-беззубик однажды так уку-кусил Ярогнева за поп-пу, что тот аж плакал... Но Б'бе-беззубик немного пе-перегрелся, и крылышки у него че-чего-то не того... СМОТРИТЕ... — Беззубик вытянул одно крылыш-

ко, повесив кончик. — Бяк-бяк, бяк-бяк... — проворковал он тоном нежного самоутешения.

— Да у меня у самой в горле першит, — прошелестела Буримуха, хлопая ресницами. Она говорила на древненорвежском, языке викингов, ибо была одной из очень редких драконов, способных разговаривать по-человечески. — Может, нам лучше вернуться и немного полежать... Или давайте я слетаю и принесу Беззубику шубку... По-моему, она тебе очень идет, Беззубик.

— Ой, правда? — Беззубик срочно переменял мнение насчет одежды.

— Ерунда, — нахмурилась Камикадза. — Свежий ночной воздух пойдет вам обоим на пользу. В твоем случае, Буримуха, это, скорее всего, несварение. Нечего было глотать белку целиком.

— НЕСВАРЕНИЕ?! — в ярости пропыхтела Буримуха.

Ее красивое змеистое тельце сделалось лиловым (такой цвет оно обретало, когда хозяйка врала). Но чем больше она сердилась, тем темнее становилось черное облако, расплзавшееся от ее сердца, словно капля чернил в воде.

— **НЕСВАРЕНИЕ?** Я художник, свободный дух... я лечу туда, куда несет меня ветер... У свободных духов не бывает *несварения*...

— **Все-таки я должен предупредить, что это может быть ловушка, которую Элвин и его люди устроили специально для вас,** — еле слышно прошептал Одиноклык Иккингу.

Одиноклык был сморщенный, как изюм, бурый, как осенний лист, а в целом походил на дряхлую, мятую маленькую таксу. В эту минуту уши у него полиловили и дрожали, как всегда при близкой **ОПАСНОСТИ**.

— Послушай моего тысячелетнего опыта, Иккинг. Этот свет ведет себя очень странно для костра. Я никогда не видел, чтобы костер двигался... ни разу за тысячу лет.

Одинклык был прав.

Костер медленно-медленно полз вниз по долине. Порой его полностью заслонял густой подвижный туман или густые ветви. Но затем он снова возникал, мерцая чуть дальше.

Движущийся костер?

Но это же невозможно!

Человеческий голос умолк. Почему-то это пугало еще больше. Неужели его обладателя вынюхали и проглотили ужасы, таившиеся в этом неподвижном, изрезанном шрамами ландшафте?

Смерть и остальные нагоняли огонек. Тот становился все больше, ярче и сильнее, и Иккинг уже уловил отчетливый запах дыма.

Теперь они следовали за руслом реки. Она вилась, словно зловещая спящая змея по ущелью.

Река обогнула утес, и они увидели его...

Костер пылал на ледяном островке, который быстро несло течением по стремнине.

На льдине ничком лежал человек, прикованный к спящему верховому дракону, сплошь покрытому шрамами и следами бича.

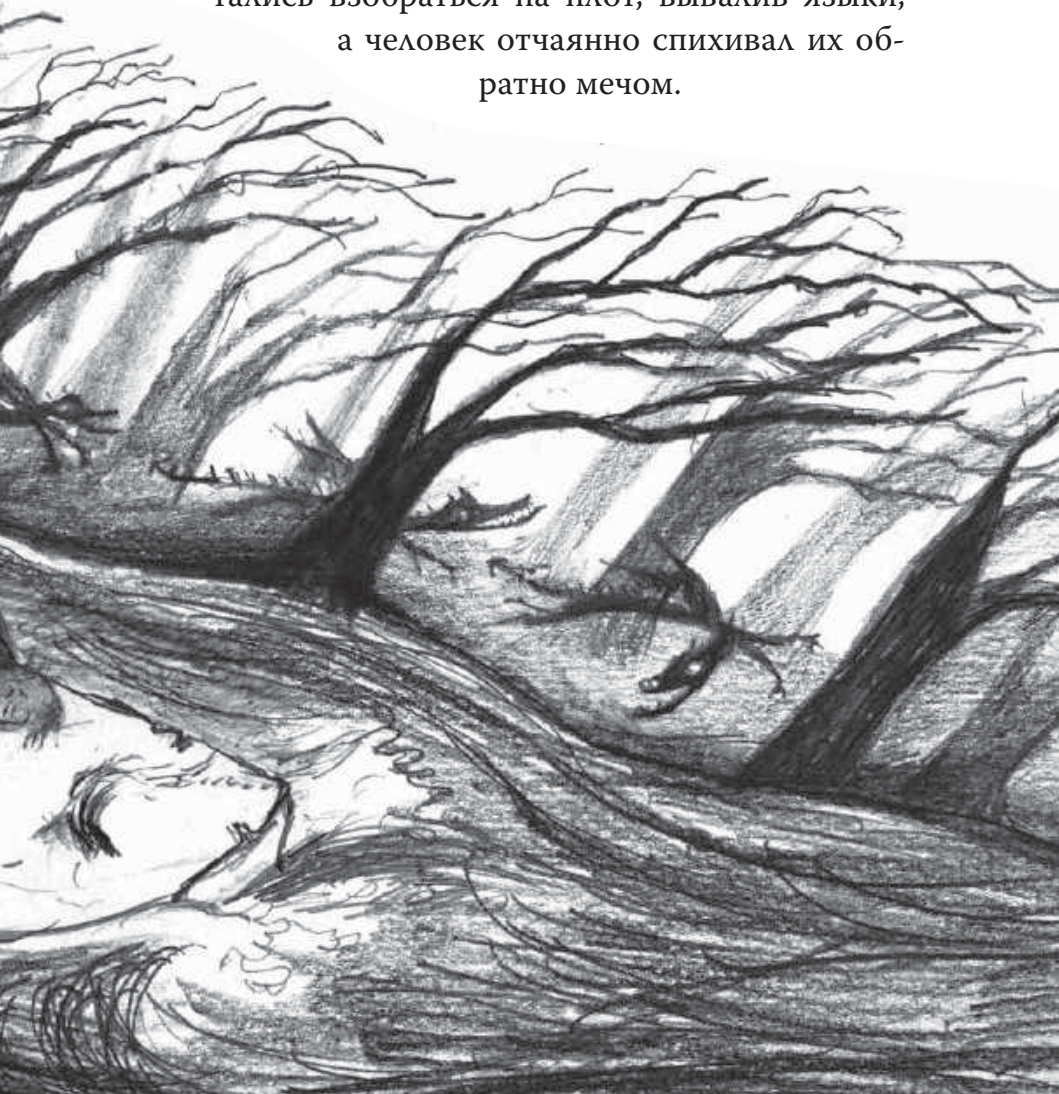
Иккинг сразу понял, почему этот человек так орал. По берегам, среди деревьев стремительно

скользили темные силуэты гигантской стаи волкозубов. Должно быть, путник разбил лагерь на замерзшем озере в верховьях реки, а лед ночью

треснул и понес маленький плот вниз по течению, где его запах привлек волкозубов. Хвала Тору, волкозубы не присоединились к восстанию, остались сами по себе. Они были бескрылые, но все равно закоренелые убийцы.

Некоторые уже попрыгали в воду и молча пытались взобраться на плот, вывалив языки, а человек отчаянно спихивал их обратно мечом.

Что ж, это объясняло, почему он звал на помощь.

Но почему он перестал?

И почему эти волкозубы, карабкающиеся на ледяной плот, преследуют свою жертву без единого звука?

Ох, Тор нас убереги...

Человек замолчал, потому что на ночь вдоль берегов реки расположился Кое-Кто Еще. Очень много Кое-Кого Еще дрыхло там, и они были куда страшнее волкозубов.

С легким ужасом Иккинг вдруг понял, что полуватонувшие стволы в камышах на отмелях — вовсе не стволы.

Это были бритвокрылы и вертокруты, мозгоеды и лютозавры, самые жуткие из участвовавших в восстании драконов.

И их там собралось немало.

Вдоль берегов реки, насколько хватало глаз, неподвижно лежали Мятажные драконы.

Повсюду вокруг на мелководье спали хищные и могучие, как пантеры, драконы, остужая свои раскаленные тела в ледяных струях реки. Вода омывала их чешуйчатые бока, и над рекой витал тошнотворный сернистый парок желто-зеленого цвета.

Один громадный лютозавр во сне глодал ободраный ствол гигантского дерева, жестоко вырванного из земли. Бедные нежные корни непристойно торчали во все стороны. Другой, мозгоед, обнимал

Бритвокрылы

~ ХАРАКТЕРИСТИКИ ~

ФАКТОР УСТРАШЕНИЯ.....	9
АТАКА.....	8
СКОРОСТЬ.....	8
РАЗМЕР.....	7
НЕПОСЛУШНОСТЬ.....	7

Бритвокрылы — очень неприятные драконы с крыльями настолько острыми, что они способны в мгновение ока обезглавить жертву. Они умеют делаться плоскими, как лезвие, и вдобавок плюются дротиками, отравленными слабым ядом.

жалкие окровавленные лохмотья, оставшиеся от человеческого плаща, и Иккинг всей душой уповал лишь на то, что в прошлом этот плащ не принадлежал какому-нибудь воину Драконьей Печати.

Темные зловещие силуэты источали злобу и страх.

Иккинг направил Смертеня вниз, стремясь нагнать перепуганного человека на стремительно уносящемся вниз по реке ледяном плоту.

Три пары человеческих и семь пар драконьих глаз щурились в туман, в надежде разглядеть беднягу, распластавшегося ничком на движущемся островке льда и колотившего по мордам волкозубов. Те не оставляли попыток залезть на плотик и утащить человека с собой.

Это был мужчина. Юноша.

Молодой викинг, уже утративший надежду на спасение. Это читалось по его побежденному, перепуганному лицу — он приготовился к смерти.

Иккинг потрясенно ахнул, когда узнал его.

Это был Сморкала.

2. НАМ ПРОСТО ИНТЕРЕСНО, НА ЧЬЕЙ ОН СТОРОНЕ

От потрясения Иккинг задохнулся, словно кто-то ударил его в живот. Сморкала приходился ему двоюродным братом, и они враждовали с самого рождения Иккинга.

Последний раз они видели Сморкалу на поле боя в Янтарных Рабовладениях. Тогда Сморкала пытался решить, на чьей он стороне — их или Элвина с ведьмой. Так кого же он выбрал?

Похоже, Камикадза и Рыбьеног считали, что уже знают ответ на этот вопрос.

— Возвращаемся в укрытие, — с отвращением прошептала Камикадза.

Рыбьеног вздохнул:

— Боюсь, я согласен.

— Погодите секунду! — шепотом воскликнул Иккинг. — Мы не можем просто ОТПРАВИТЬСЯ ДОМОЙ и оставить Сморкалу здесь!

Рыбьеног смотрел на друга запавшими глазами человека, который слишком долго скрывался от Драконьего восстания:

— Иккинг, я не думаю, что Сморкала выбрал Драконью Печать. Он лживый, двуличный, веро-

ломный разбойник. Он предавал тебя столько раз, что я со счета сбился, и он почти наверняка работает на Элвина.

— Люди меняются! — возразил Иккинг, глаза его вспыхнули воодушевлением. — Надо верить в людей, и тогда они, может быть, сумеют измениться!

Рыбьенег стал загибать пальцы:

— Давай посмотрим. Он пытался убить тебя на уроке Боя На Мечах В Море. Он пытался убить тебя, когда мы застряли на Истории. Он бросил камень, открыв всем твое Клеймо в школе «Гром и молния»... Он только и делал, что предавал тебя, снова и снова.

— На сей раз будет по-другому, — прошептал Иккинг с верой в лучшее. — Теперь-то он изменился... Я совершенно уверен.

— **Пытаясь по доброте душевной спасти Сморкалу, — предостерег Одиноклык, сгорая от беспокойства, — ты поставишь под угрозу нас всех, подвергнешь опасности жизнь тех, кто верен тебе, кто никогда тебя не предавал. Порой доброта оборачивается жестокостью. Это одно из тех трудных решений, которые приходится принимать вождю.**

Вот спасибо тебе, Одиноклык. Очень кстати. Большинству из нас повезло — мы не короли и не герои, и нам не приходится делать выбор, который

выпадает на их долю. Или я уже говорил это, да? Ну, не грех и повторить...

Ледяной плот затрещал, когда один из волкозубов едва не перевернул его. Показалось Иккингу или драконы, полулежавшие в воде вдоль берегов, тоже шевельнулись, когда раздался треск?

В этот миг Иккинг заметил очень маленького и очень уродливого дракончика-нюхача. Дракончик невинно дрых рядом со Сморкалой и его драконом, Ураганом, и больше всего походил на невинную маленькую свинку. Он был из породы мухрюнделей, самых глупых и добродушных драконов в мире.

Девять пар глаз, драконьих и человеческих, с тревогой глядели на Иккинга. Иккинг любил своих друзей. Он понимал, что не должен подвергать их опасности. Но он не мог обречь на ужасную гибель в когтях Мятежных драконов собрата-человека, даже если он на другой стороне, не говоря уже о бедном, покрытом шрамами верховом драконе и умильном глупом маленьком мухрюнделе.

— Давайте спасем его, — прошептал Иккинг. — Давайте его спасем!

— Ох, братец, — простонал Рыбьеног. — Я понимаю, что ты прав, но ох, братец...

— Попробуем спасти его с воздуха, — сказал Иккинг. — Я проведу Смертеня прямо над льдиной, а Камикадза сбросит Сморкале веревку.

— Позволь только заметить, что я АБСОЛЮТНО не согласна с твоим решением, — яростно прошипела Камикадза. — Это БЕЗУМИЕ! Это ИДИОТИЗМ!

Ты витаешь в облаках и не понимаешь, что происходит, Иккинг, Хулиганский ты полудурок... — Тут, как бывало часто, ее настроение мгновенно переменялось, и девчонка азартно выхватила меч. — Лучше я спущусь сама!

И прежде чем кто-то успел ее остановить, Камикадза привязала веревку к седлу Смертеня и полезла вниз, пока не зависла над ледяным островком, словно черный паучок.

— Это тоже часть плана? — спросил Рыбьепог.

— Унылые устрицы, нет... Камикадза! — прошипел Иккинг. — Давай обратно!

Но Бой-бабы обладают чудесной способностью временами начисто терять слух.

— Спроси его, на чьей он стороне! — подсказал Рыбьеног шепотом сверху.

Камикадза повисла на веревке ровно у Сморкалы над головой. Держась одной рукой за веревку и натянув лук другой, она подстрелила волкозуба (чтобы похвастаться одним из самых выпендренных своих умений).

— Привет, — бодро окликнула она Сморкалу. — Иккинг думает, что мы должны тебе помочь, а вот Рыбьеног хочет знать, на чьей ты стороне. Потому что, если ты из людей Элвина, я просто оставляю тебя здесь...

Сморкала был занят, отбивался от волкозубов, но, услышав голос из ниоткуда, резко обернулся и негромко вскрикнул от изумления.

Камикадза успокаивающе помахала Сморкале и наградила его самой лучшей и широкой своей улыбкой. Тот выдулся на девчонку, которая будто висела в воздухе, и решил, что ему мерещится. Потом он все-таки спохватился и, ткнув трясутимся пальцем в спящих по берегам драконов, с невыразимым облегчением прошептал одними губами:

— ПОМОГИТЕ... только тихо...

Камикадза, не обратив внимания на его попытки тихариться, отозвалась совершенно обычным голосом, беззаботно раскачиваясь в воздухе:

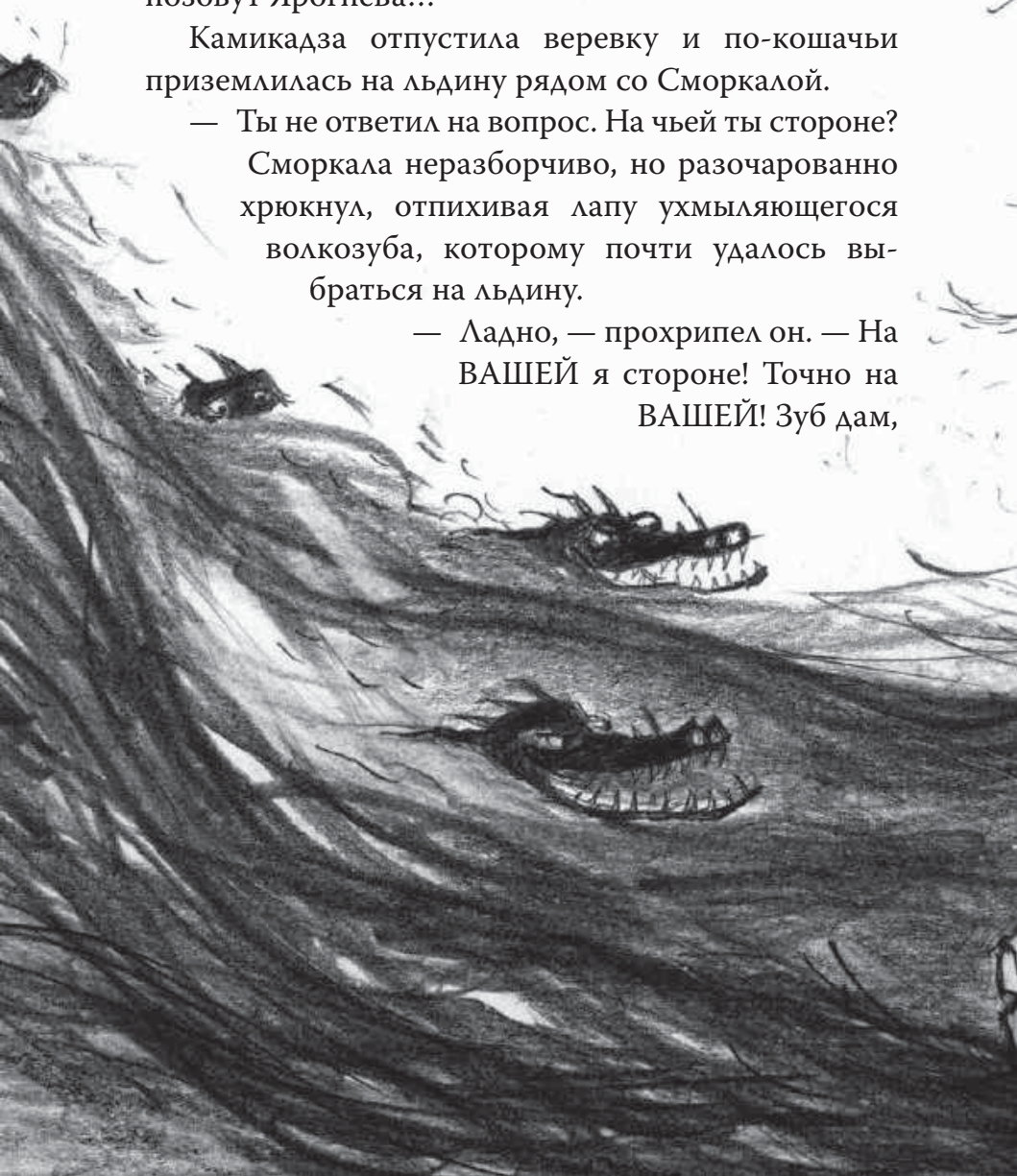
— Да, занятно, что ты об этом попросил. Мы как раз прикидывали, помогать тебе или нет.

— Ради Тора, ты, Бой-баба психованная... это же Мятажные драконы... ты видела, что они сотворили со здешним лесом? А если они проснутся, то позовут Ярогнева...

Камикадза отпустила веревку и по-кошачьи приземлилась на льдину рядом со Сморкалой.

— Ты не ответил на вопрос. На чьей ты стороне? Сморкала неразборчиво, но разочарованно хрюкнул, отпихивая лапу ухмыляющегося волкозуба, которому почти удалось выбраться на льдину.

— Ладно, — прохрипел он. — На ВАШЕЙ я стороне! Точно на ВАШЕЙ! Зуб дам,

на ВАШЕЙ! Я искал вас,
чтобы отвести вас в лагерь
ведьмы — там остальные
Утраченные Сокровища...

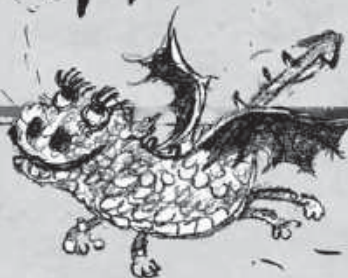
— Говорит, он на НАШЕЙ
стороне! — крикнула Ками-
кадза наверх. — Но я бы не ста-
ла доверять ему дальше, чем на
полет стрелы.

— Я же говорил! — прошептал
Иккинг сверху. — Но пожалуй-
ста, чуть потише, Камикадза...

— Ты точно уверен,
что нам надо его

Мухрюндели

~ ХАРАКТЕРИСТИКИ ~

ФАКТОР УСТРАШЕНИЯ:	0
АТАКА:	1
СКОРОСТЬ:	2
РАЗМЕР:	2
НЕПОСЛУШНОСТЬ:	1

Мухрюндели, очень ласковые и услужливые, — одни из самых глупых драконов в мире. Однако они обладают исключительно тонким чутьем, поэтому из них получаются отличные ищейки или драконы-нюхачи, если вам удастся преодолеть их невероятную глупость.

спасать? — еще раз спросила Камикадза, не скрывая разочарования. — Он правда не очень-то хороший парень.

— Нельзя потише, ты, жуткая мелкая Бойбаба... — прошипел Сморкала. — Оп-па...

— Оп-па... — отозвался Иккинг.

— Оп-па? — простонал Рыбьенег, закрыв ладонями лицо от ужаса. — Что ты хочешь сказать этим «оп-па»? ОП-ПА — это всегда плохо. Пожалуйста, возьми назад это «оп-па» и дай мне вместо него искреннее, облегченное «ура». Стесняюсь спросить, а что не так-то?

— Мухрюндель, — пояснил Иккинг. — По-моему, мухрюндель просыпается...

— Ну и что такого? — прошептал в ответ Рыбьенег. — Мухрюндели неопасны.

Слишком поздно.

Проснувшись, мухрюндель первым делом трижды громко и со вкусом чихнул, забрызгав все вокруг. Отскочил от живота спящего Урагана, резко расправил крылышки и повис в воздухе, жужжа, как толстый розовый шмель. Его завитой хвостик отчаянно вилял, пока хозяин поглядывал налево-направо.

— Гав! Гав! ГАВ! — пролаял веселый дракончик.

Он был такой глупый, что считал себя собакой.

Уж не напряглись ли Мятежные драконы вдоль берегов при этом последнем жизнерадостном «гав»?

— Эй! Как тебя? Мухрюндель! — прошептал Иккинг сверху вниз.

— Йу-ху-у! — отозвался дракончик, радостно помахав розовой ножкой. — Я тебя ви-и-ижу! Привет, бабушка! Где зубная щетка?

Он запорхал с жужжанием туда-сюда, обнюхивая воздух.

На сей раз Мятежные драконы вдоль берега определенно зашевелились. Конечности их подрагивали, глаза готовы были вот-вот открыться.

— О-О-О-О-О! — пропел Мухрюндель. Рыльце у него задрожало от возбуждения, когда он узнал запах Иккинга. — **Я ЗНАЮ ЭТОТ ЗАПАХ! Я ИСКАЛ ТЕБЯ! Я ВЫСЛЕЖИВАЛ ТЕБЯ!**

Для встревоженного слуха Иккинга этот вопль был такой же тихий и мирный, как трубный глас его старого учителя, Плеваки Крикливого, когда тот судил бейбольный матч, или любовная песнь гигантского болотного моржа, призывающего другого влюбленного болотного моржа через милую другую ледяных полей.

Йу-ху-у!

— Мы с Носатым играли в такую игру: я искал тебя, выслеживал тебя всю дорогу вверх по реке! Смотри, Носатый! — победно пропел Мухрюндель Сморкале, указывая на Иккинга всеми четырьмя ножками. — **Я НАШЕЛ ЕГО! Я УЗНАЮ ЭТОТ ЗАПАХ ГДЕ УГОДНО!**

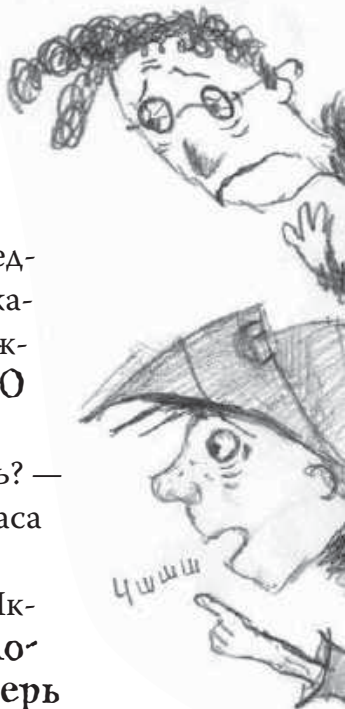
— Ты не можешь заткнуть эту тварь? — прошипел Сморкала с круглыми от ужаса глазами.

— Мухрюндель! — прошептал Иккинг со спины Смертеня. — Ты молодец, хорошо поработал, но теперь мы играем в ДРУГУЮ игру... совсем ДРУГУЮ игру... Эта новая игра называется «Как-Можно-Тише»... она очень-очень интересная. Играешь с нами?

— О-о, играю! — пропищал Мухрюндель. — Возьмите МЕНЯ в игру! Посмотрите, как я играю!

— Как можно тише... как можно тише... — напомнил Иккинг, прижимая палец к губам. — Чшшшш...

Мухрюндель изо всех сил сосредоточился, плотно сжал крохотные челюсти и задержал дыхание. Он постепенно багровел и раздулся раза в три, а затем внезапно сдулся с громким ЧПОК!

И удивленно открыл глаза.

— Извиняюсь... У тебя день рождения?
Я ВЫИГРАЛ! — пропищал Мухрюндель.

— Да-да-да... — прошептал Иккинг, нервно поглядывая на берег. — Но помни, как можно тише... как можно тише...

— Как можно тише... — добродушно повторил Мухрюндель. — Хи-хи-хи... какая смешная игра.

Он снова изо всех сил сосредоточился, задержал дыхание, завис в воздухе и раздулся в два, в три раза. Иккинг свесился со спины Смертеня и попытался его поймать, благо дракончик парил на расстоянии вытянутой руки, но как раз когда он его почти схватил...

ЧПОК!

Мухрюндель снова сдулся, отлетел от вытянутой руки Иккинга и принялся кувыркаться в воздухе, заливаясь смехом:

— **ИЗВИНИТЕ!** Как поживает ваш папенька? **Я ВЫИГРАЛ! Я ВЫИГРАЛ! Я ВЫИГРАЛ!**

Жуткие Мятежные драконы беспокойно ворочались во сне.

Мухрюндель с невинным видом порхнул к одной кошмарной куче: вертокруту с вываленным волосатым языком, мозгоеду с жалом, вонзенным в голову несчастного мертвого барсука, и бритвокрылу, который свернулся зловещим кольцом на мелководе, словно затаившийся велоцераптор. Тело его было наполовину в воде, но острые крылья касались берега.

Мухрюндель, весело хихикая, носился вокруг, игнорируя придушенные вопли Иккинга:

— Мухрюндель! Вернись, Мухрюндель!

— О-о! — в восторженном смущении верещал дракончик. — **Вы все такие красивые! Как мне выбрать, кто из вас будет моим другом?**

Он уселся на зловещий изгиб носа бритвокрылу.

— **Где мое печенье? Вы замужем? Будь моей подружкой...**

— Не могу это видеть... — простонал Рыбьенег.

И правда, это было все равно что смотреть, как кролик с энтузиазмом пытается подружиться с тягеловооруженной кроликоядной коброй.

Бритвокрыл не открывал глаз.

Но медленно, медленно, медленно его челюсти приоткрылись на крохотную-крохотную щелку.

И из зазубренного изгиба его пасти, словно из живота чревоушателя, донесся жуткий, скрипучий, хриплый голосок, который очень-очень тихо пропел:

КОГТИ ОМОЙТЕ КРОВЬЮ
ЛЮДСКОЙ...
МЕРЗОСТЬ ЛЮДСКУЮ ДОЛЖА С ЗЕМЛИ...

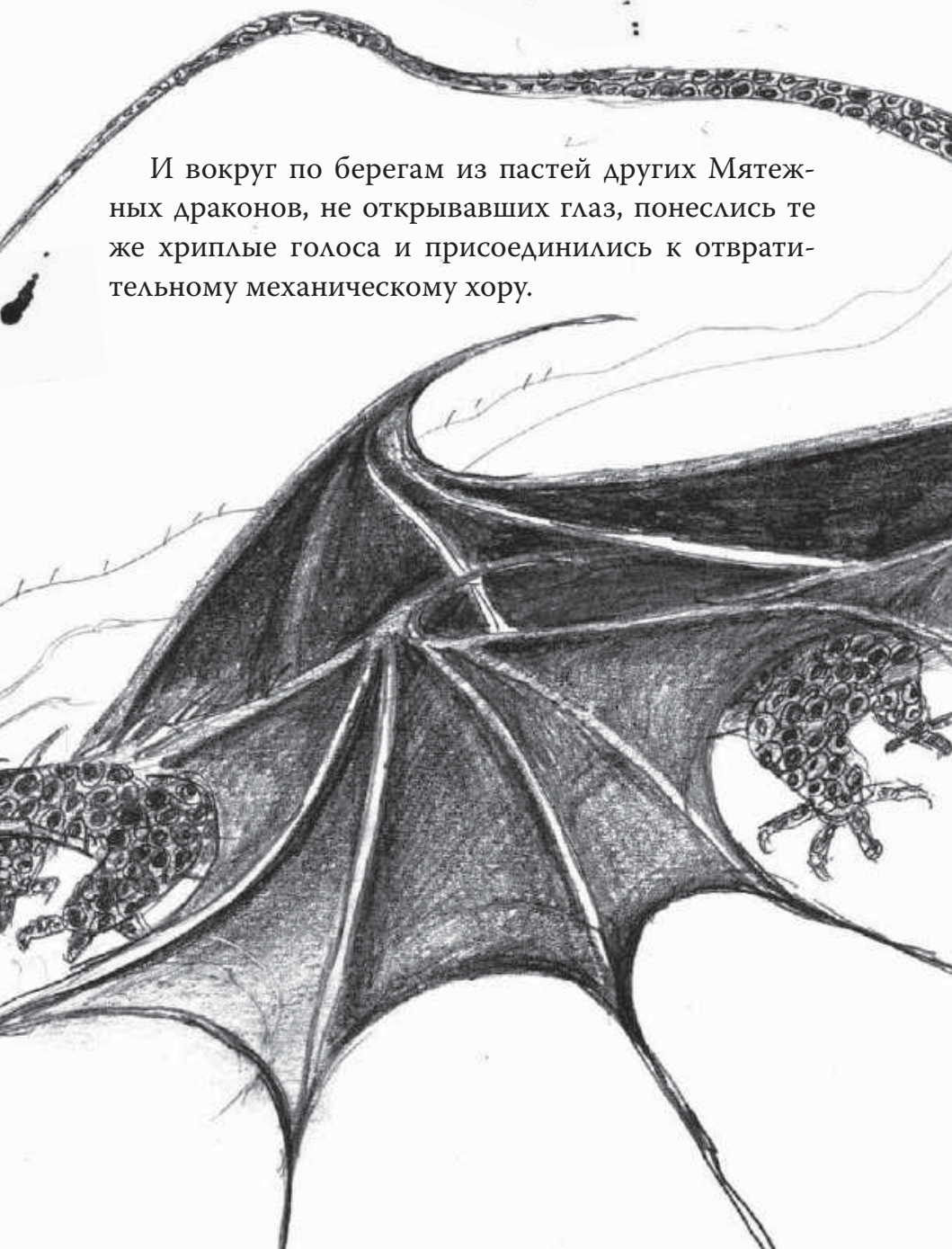
— Ой, какая славная песенка, — произнес Мухрюндель исключительно потому, что от природы был вежливым дракончиком.

Он вдруг несколько занервничал и смутился. Песнь Алаярости славной никак не назовешь.

Испепелите
людей
огнем...

И вокруг по берегам из пастей других Мятёжных драконов, не открывавших глаз, понеслись те же хриплые голоса и присоединились к отвратительному механическому хору.

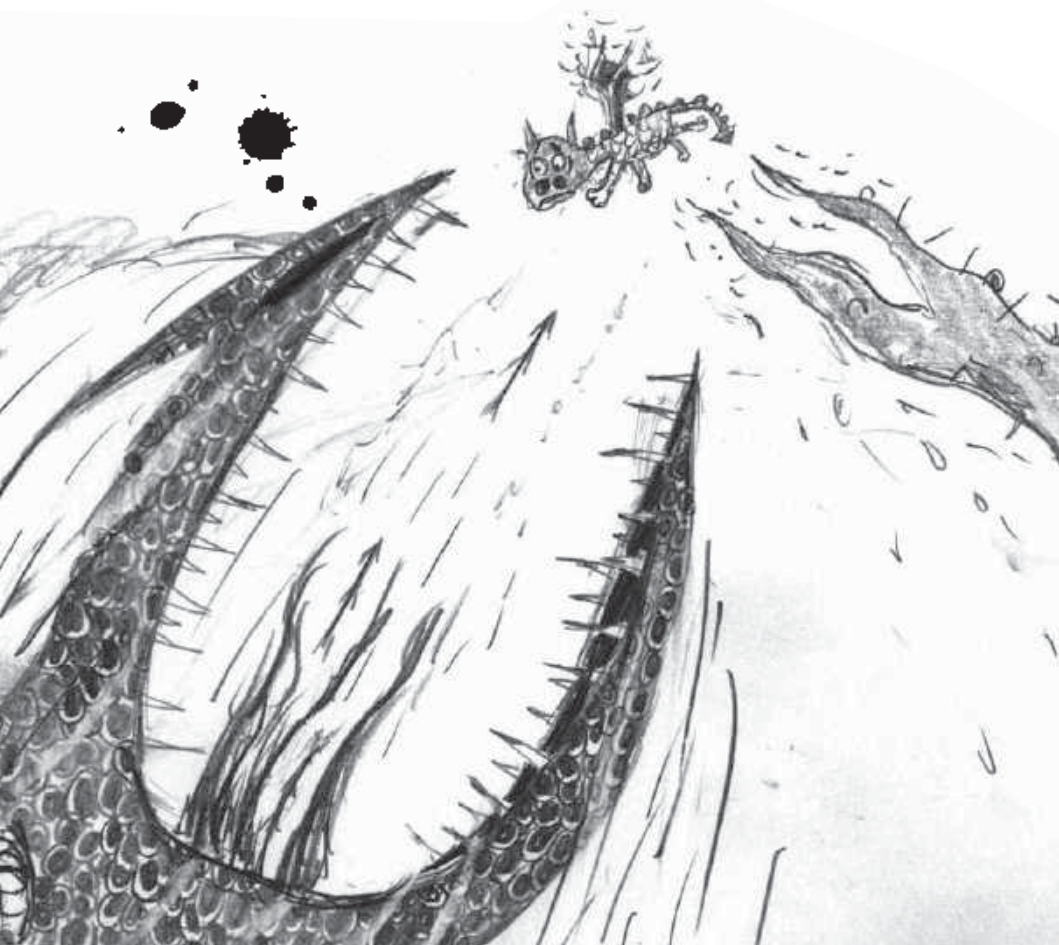
— Ох, братцы... ох, братцы... — шептал Рыбье-
ног. — Вот и приехали... плохо это кончится...

Драконы снова запели, на сей раз громче.

И...

ЩЕЛК!

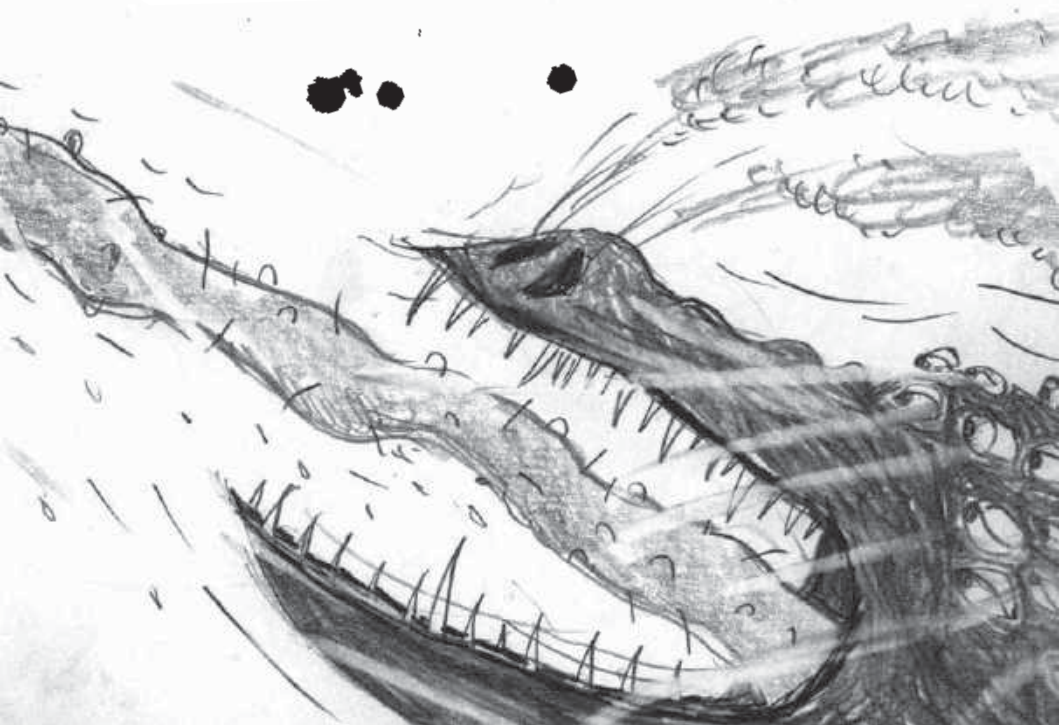
Веки бритвокрыла резко распахнулись, глаз
бритвокрыла зафиксировался на Мухрюнде с за-
думчивостью столь же ласковой и разумной, как
взгляд большой белой акулы.

Вертокрут открыл глаза одновременно с бритвокрылом и потянулся длинным, отвратительно толстым и волосатым языком к отчаянно трепыхающимся крылышкам Мухрюнделя в надежде оторвать хоть одно. Извините, но это правда.

Медленно-медленно бездонная пасть бритвокрыла распахнулась до предела. В глубине его глотки, в огненных железах, словно мелкие злые шершни, таились два маленьких ядовитых дротика. И теперь они были готовы вылететь из жуткой пасти...

На сей раз, когда песня дошла до строчки «испепелите людей огнем», бедный глупый Мухрюндель наконец-то сообразил, что дело плохо. Эти

драконы оказались вовсе не дружелюбными и не милыми. На самом деле все совсем наоборот.

Выражение добродушного изумления резко превратилось в бредовую панику. Веселый хвостик развернулся и жалобно повис, а Мухрюндель заскулил, пятясь:

— Извините, дядюшка... Где выход? Кто-то чихнул? Не падай духом! Покинуть корабль!

Невидимо спикировав вниз на спине Смертенья, Иккинг выхватил Мухрюнделя из воздуха, сунул в заплечный мешок и тут же взмыл вверх снова.

И успел он в самый распоследний момент, потому что — ДЫНЦ! ДЫНЦ! — прожужжали у них над головами маленькие

электрически-желтые и чернильно-черные дротики, когда бритвокрыл опорожнил огненные железы.

Одно хорошо — волкозубы прекратили атаковать льдину. При первых признаках пробуждения Восстания они удрали прочь и растворились во тьме искаленного леса. Те, что были в реке и пытались забраться на льдину, погрузились обратно в воду и по-лягушачьи бросились врассыпную. Они-то безошибочно распознали опасность.

Сморкала никакой благодарности за исчезновение волкозубов не испытывал. Благодарность — это было вообще не по его части.

— Что вы делаете, вы, медузоголовые ИДИОТЫ! Это так вы людей спасаете? Вы ж перебудили всех Мятежных драконов! — шипел он в недоверчивом ужасе. — А они позовут Ярогнева!

Ситуация стремительно выходила из-под контроля.

Драконы по краям реки резко перешли от застывшей сонной неподвижности к дикой лихорадочной жизни. Жуткая песнь Драконьего восстания гремела вокруг юных викингов, а льдина, удерживавшая на плаву Сморкалу, Камикадзу и спящего

Урагана, неслась вниз по течению. Боевой гимн звучал так пронзительно и громко, что сам по себе наносил вред людям. Драконы визжали, как гарпии, и так оглушительно, что ушам было больно.

— Пороги... — в ужасе выдохнул Иккинг, глядя вниз на бурлящую, пенную воду.

Впереди по курсу льдины из воды, словно чертовы зубы, торчали острые, зловещего вида скалы.

И что еще хуже, вдали раздавался гулкий рев, явственно различимый в неподвижном ночном воздухе. Что это за шум, рокот надвигающейся грозы?

Ох, ради Тора.

Иккинг внезапно вспомнил, что при впадении в океан вот эта самая река падает со скалы гигантским водопадом, самым большим в Варварском архипелаге.

— Водопад! — заорал Иккинг. Таиться уже не было никакого смысла. — БРОСАЙТЕ ЛЬДИНУ, А ТО УГОДИТЕ В ВОДОПАД!

3. ПЛАН ИДЕТ НАПЕРЕКОСЯК

Мятежные драконы атаковали в полную силу. Пение их достигло оглушительной громкости. Они пикировали, ныряли, визжали, метали отравленные дротики, жуткий огонь и взрывающиеся молнии.

Камикадза со Сморкалой поливали проносящиеся на бреющем кошмары стрелами и отчаянно цеплялись за кренящуюся льдину, бешено несущуюся вскачь по реке, словно неуправляемые санки. А Ураган, верховой дракон Сморкалы, как ни странно, продолжал крепко спать.

Рев водопада ниже по течению становился все громче, превращаясь в великий водяной гул. Даже в ночной тьме можно было различить клубящееся облако брызг, вспухающее над лесом впереди, словно тучи над курящимся вулканом.

Водопад был уже совсем близко. Еще один поворот, и они полетят в пропасть.

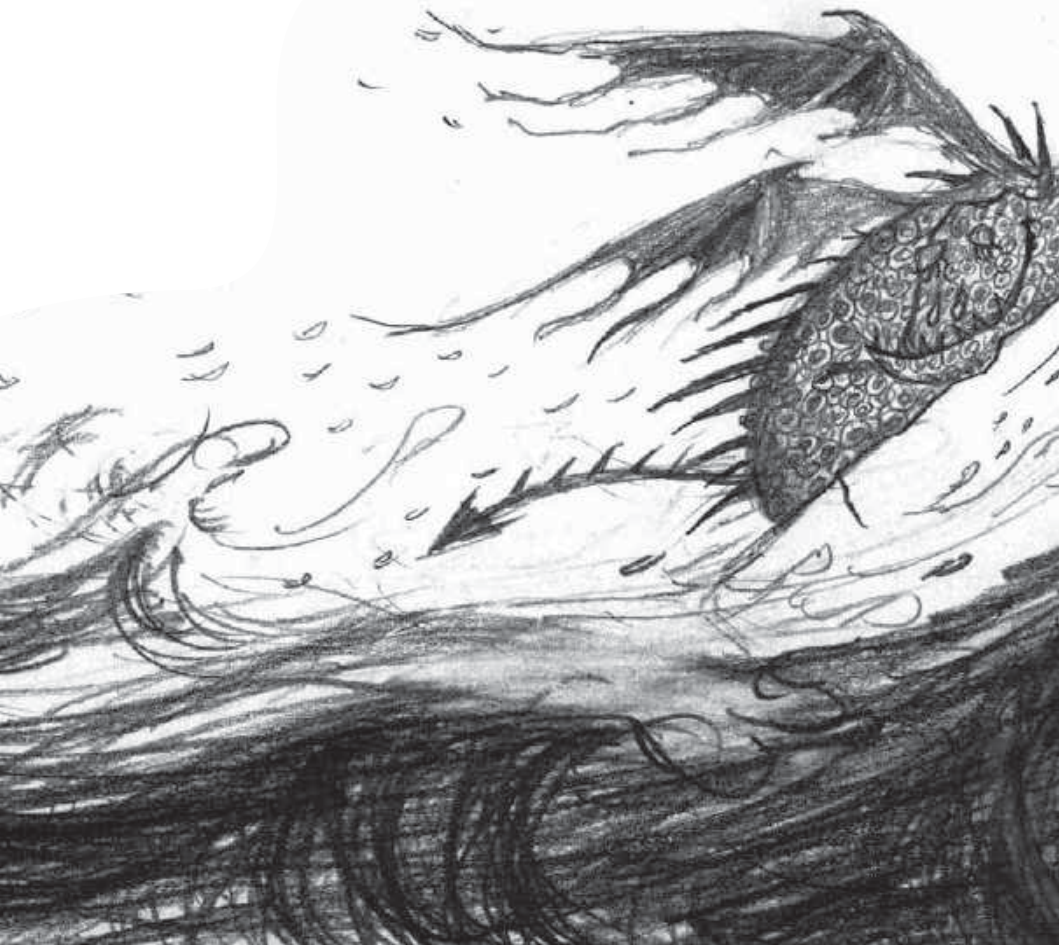
Иккинг с Рыбьенотом сеяли хаос и неразбериху, стреляя по атакующим драконам со спины практически невидимого Смертеня. Но драконы нападали в таких кошмарных количествах, что захват льдины был делом нескольких минут.

— ИИЙА-АОУ!

Еще один бритвокрыл сиганул со скалистого берега и со злобной ухмылкой стервятника приземлился на край льдины. Острые крылья проскрежетали по краям маленького островка. Льдина отчаянно закачалась и едва не ушла под воду.

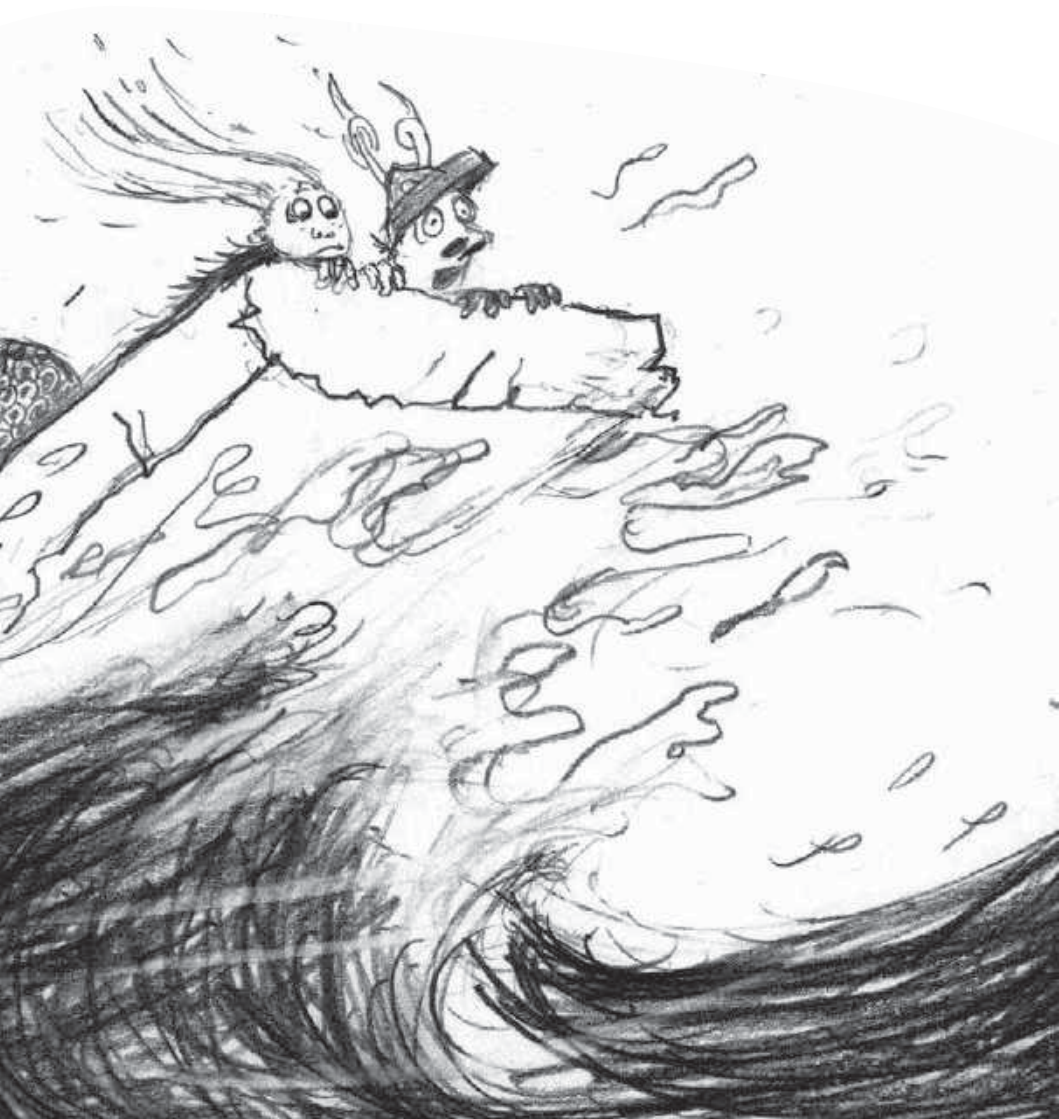
— Этот план точно пошел наперекосяк... — прошептала Камикадза, когда бритвокрыл приготовился броситься и располосовать их и...

БАМС!

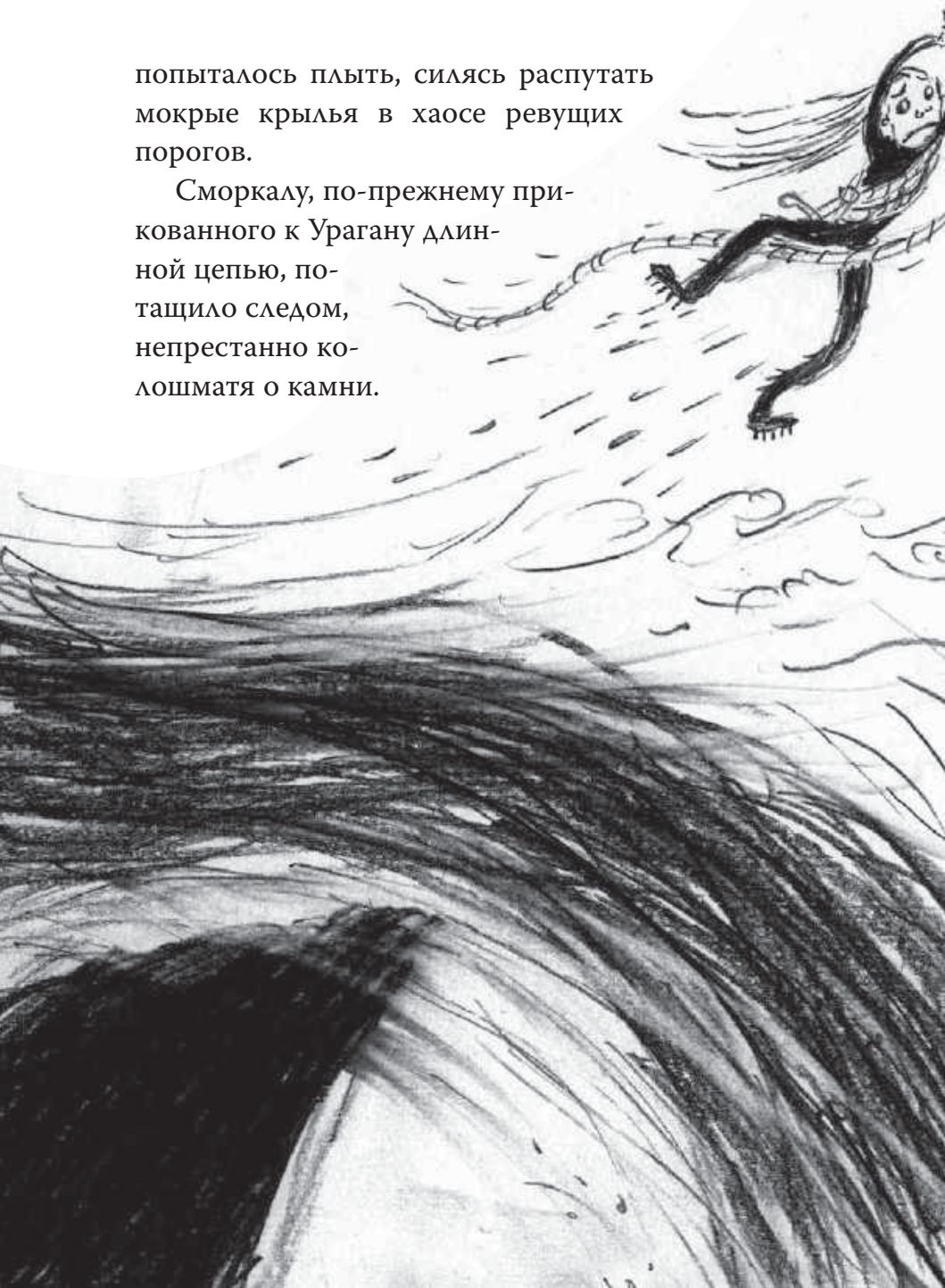
Брыкающийся, гарцующий ледяной островок
врезался в утес и рассыпался вдребезги... ката-
пультировав Камикадзу, Сморкалу и бритвокрыла
с Ураганом в ледяную реку.

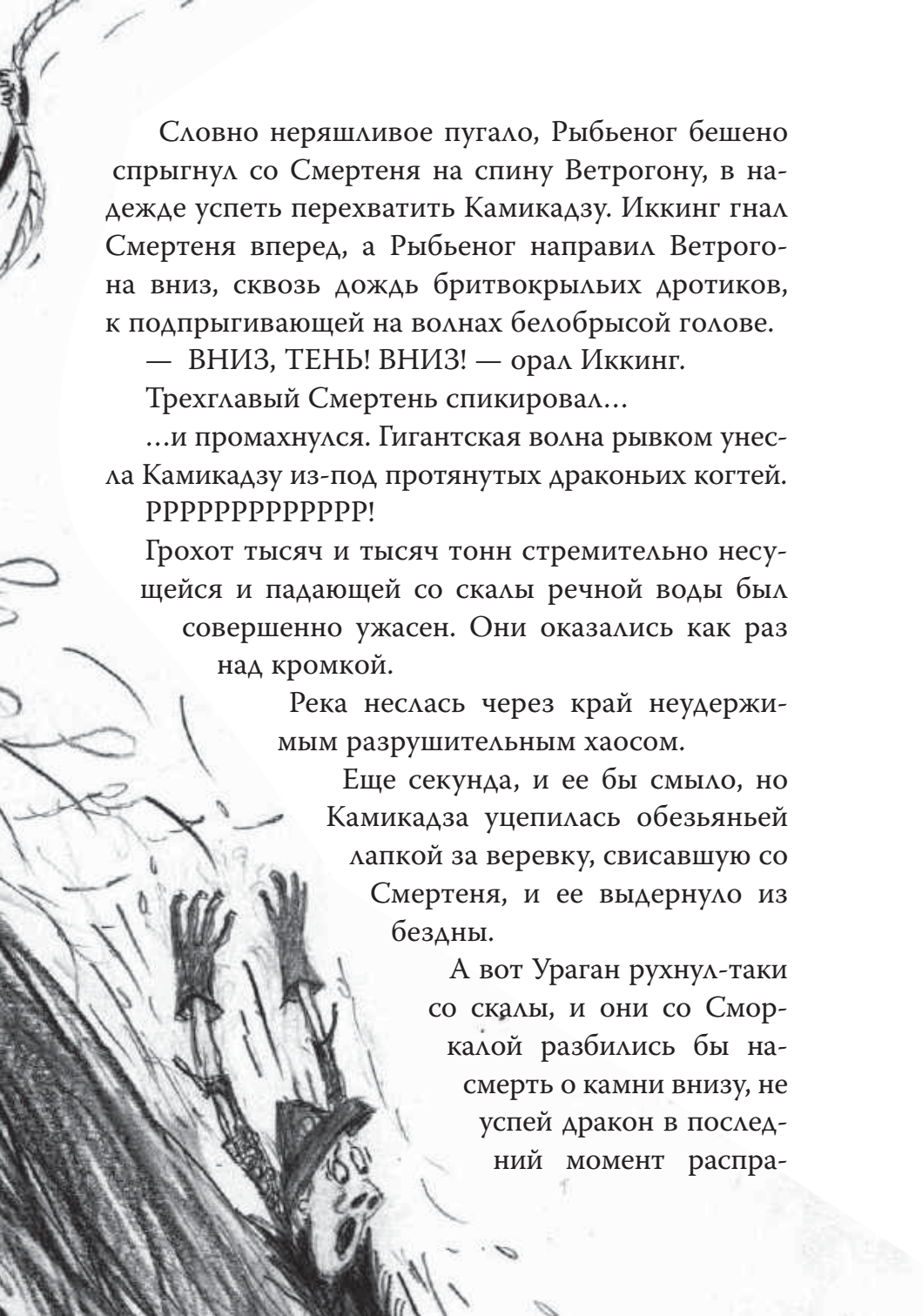
Окунувшись в холодную воду, Ураган наконец
проснулся. С тревожным воплем бедное животное

попыталось плыть, сисясь распутать
мокрые крылья в хаосе ревущих
порогов.

Сморкалу, по-прежнему при-
кованного к Урагану длин-
ной цепью, по-
тащило следом,
непрестанно ко-
лошматя о камни.

Словно неряшливое пугало, Рыбьеног бешено прыгнул со Смертения на спину Ветрогону, в надежде успеть перехватить Камикадзу. Иккинг гнал Смертения вперед, а Рыбьеног направил Ветрогона вниз, сквозь дождь бритвокрылых дротиков, к подпрыгивающей на волнах белобрысой голове.

— ВНИЗ, ТЕНЬ! ВНИЗ! — орал Иккинг.

Трехглавый Смертень спикировал...

...и промахнулся. Гигантская волна рывком унесла Камикадзу из-под протянутых драконьих когтей.
RRRRRRRRRRRRRR!

Грохот тысяч и тысяч тонн стремительно несущейся и падающей со скалы речной воды был совершенно ужасен. Они оказались как раз над кромкой.

Река неслась через край неудержимым разрушительным хаосом.

Еще секунда, и ее бы смыло, но Камикадза уцепилась обезьяньей лапкой за веревку, свисавшую со Смертения, и ее выдернуло из бездны.

А вот Ураган рухнул-таки со скалы, и они со Сморгалой разбились бы насмерть о камни внизу, не успей дракон в последний момент распра-

вить крылья и полететь. Он с воплем устремился вверх, волоча хозяина за собой.

Рыбьенот подвел Ветрогона так, чтобы тот оказался под болтающейся Камикадзой, и она рухнула дракону на спину. Тогда он направил Ветрогона вдогонку Урагану, драконы поравнялись, и Камикадза перескочила на Урагана, чтобы подтянуть Сморкалу за цепь в седло.

Затем три дракона развернулись, и Смерть рванул обратно вверх по реке к укрытию в горах. По пятам за ним неслись Ветрогон и испуганно храпящий Ураган. А за ними гналась разъяренная стая завывающих Мятежных драконов, обезумевших от стрел и предвкушения трапезы впереди.

Времени, чтобы добраться до Норы, оставалось в обрез.

И тут Иккинг услышал звук, от которого кровь у него в жилах застыла.

Это было гораздо хуже, чем водопад. Это был отдаленный визгливый, лающий рев, неизбежный результат жуткой песни Алаярости.

Рев Ярогнева.

Должно быть, один из Мятежных драконов полетел напрямик в крепость на севере и разбудил его. Даже с такого расстояния Иккинг различал слова:

— ОН НИ ЗА ЧТО НЕ ДОЛЖЕН СТАТЬ ВЗРОСЛЫМ! Я ЕГО НАСТИГНУ! Я ОБРУШУСЬ С НЕБЕС И УНИЧТОЖУ ЕГО!

Ярогнев кричал об Иккинге.

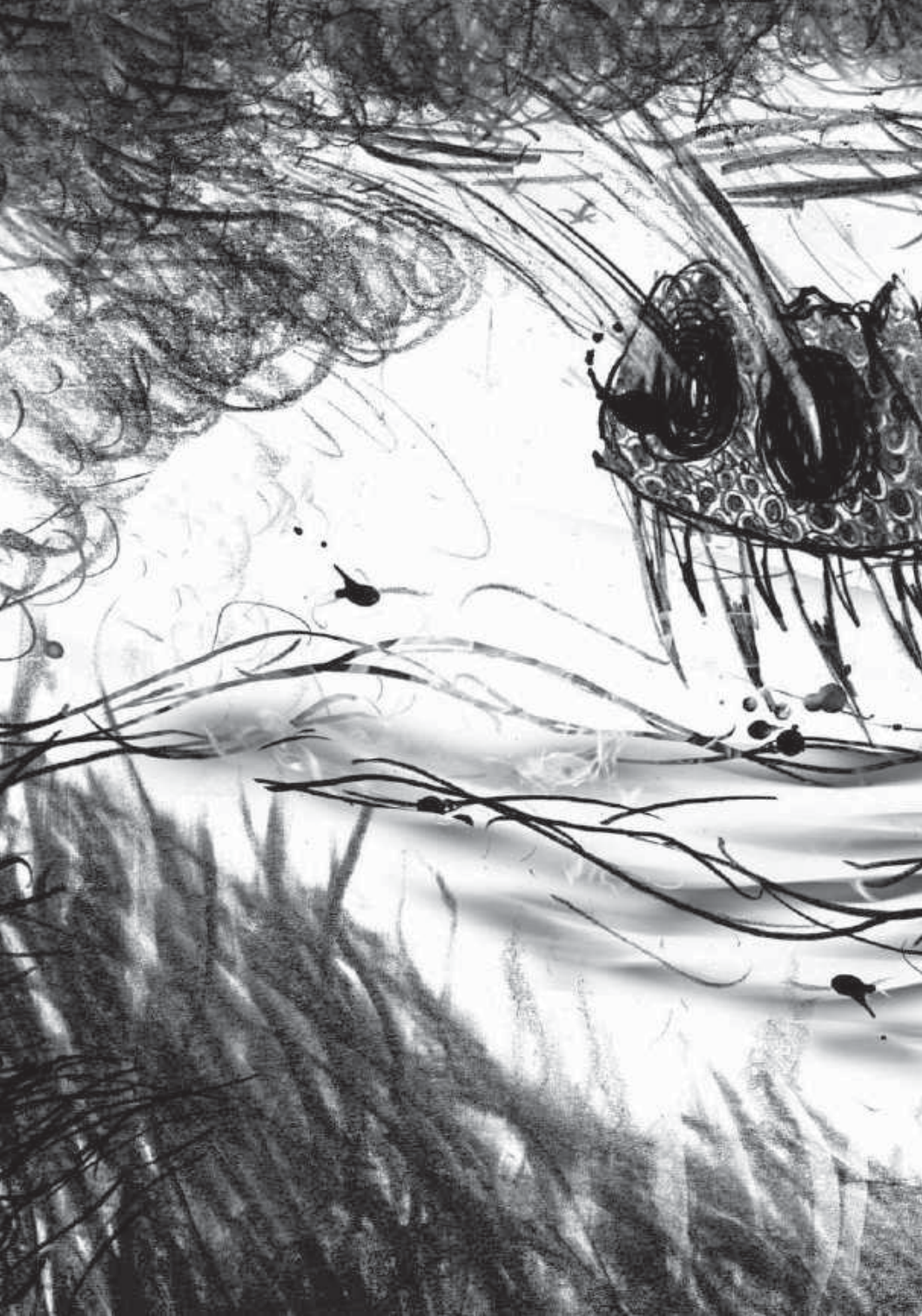
Далеко-далеко на севере изо льда и огня, из булькающих вулканических озер вздымался темный силуэт. Невообразимо огромный, он заслонял собой луну. Каждым взмахом громадных темных крыльев дракон преодолевал огромное расстояние с немыслимой быстротой. Тень направлялась на юг, прямо к беглецам в Душегубских горах. Глаза ее сочились пламенем, а огромная пасть изрыгала смерть, муки и невыразимые ужасы.

— Срочно в укрытие! — истерически завопил Иккинг.

Мятежных драконов было столько, что они казались массой грозовых облаков или тучей саранчи. Тысячи, и тысячи, и тысячи.

Они летели таким плотным строем, что бритвокрылы то и дело случайно отсекали головы соседям, и чешуйчатые головы сыпались в ущелье, не переставая вопить и изрыгать пламя, молнии или отравленные стрелы.

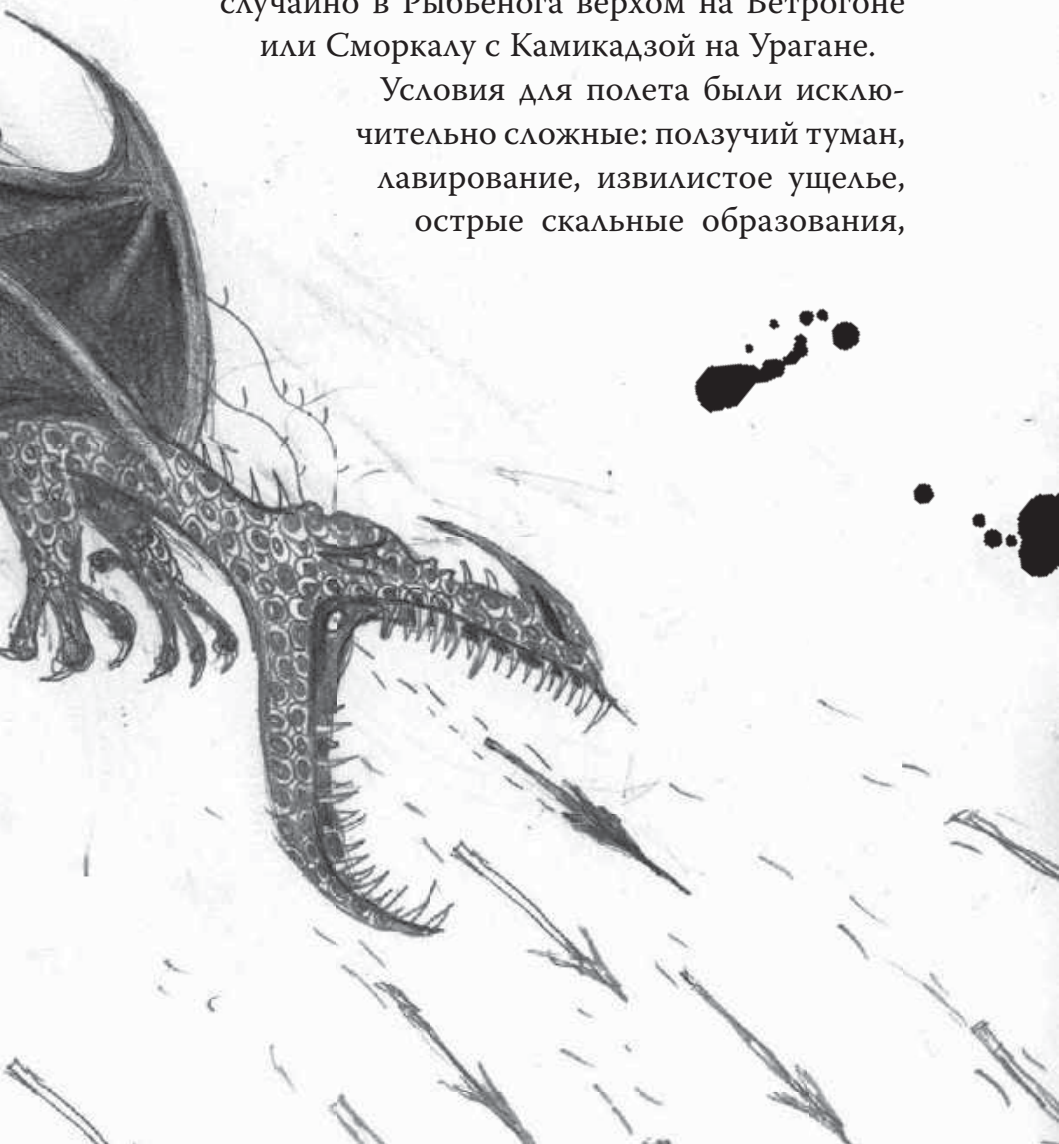

Иккинг доверил Смертеню выбирать дорогу, а сам лег на живот лицом против движения, словно кормовой стрелок, и стал выпускать в преследователей стрелу за стрелой. А ведь ему еще приходилось целиться с умом, чтобы не попасть случайно в Рыбьенога верхом на Ветрогоне или Сморкалу с Камикадзой на Урагане.

Условия для полета были исключительно сложные: ползучий туман, лавирование, извилистое ущелье, острые скальные образования,

внезапно вырастающие из тумана. Это было все равно что преодолевать пороги, только в воздухе.

К счастью, Ветрогон, Смерть и Ураган были одними из самых быстрых верховых драконов в мире — только серебряный призрак летает быстрее, — поэтому они неслись впереди вопящего, плюющего, завывающего ужаса Драконьего восстания. Иккинг старался не слушать более низкую и мрачную угрозу, громадную крылатую тень Ярогнева, чей разъяренный вопль гремел громче АлаяРости. Ярогнев неумолимо надвигался, словно громадная сова, пикирующая в ночи на крохотных мышей, на мгновение неосторожно покинувших норку.

— Я ПОРВУ МИР НА КЛОЧКИ В ПОГОНЕ ЗА НИМ! Я УБЬЮ ЕГО САМ!

Ветрогон и Смерть преодолели крутой поворот ущелья, и Иккинг с чудовищным облегчением увидел проступивший перед ними из тумана гигантский острый утес.

Высоко на остроконечной вершине, откуда открывался захватывающий вид на весь окружающий ландшафт, рискованно, едва не падая, балансировало дерево. А под спутанными корнями этого дерева помещался подземный тайный лагерь. Такой тайный, так хорошо спрятанный, что едва ли с полдюжины живых существ в мире знало о его существовании.

Элвин Вероломный отдал бы свой лучший крюк, чтобы узнать, где находится это укрытие. Ярогнев тоже, ведь его драконы охотились за ним на земле и в небе, день и ночь.

Некогда подземелье служило убежищем матери Рыбьенога, Фурии. Она устроила его давным-давно, когда маленькой девочкой росла в Душегубских горах. Иккингу с друзьями его показал Смерть, который раньше был драконом Фурии, и беглецы прятались там в ожидании встречи с другими Воинами Драконьей Печати в Канун Солнцеворота.

Иккинг никогда еще так не радовался виду убежища.

Он натянул поводья и принудил Смерть внезапно резко остановиться в воздухе.

— Веди остальных в подземный дом, а я отвлеку Мятежных драконов! — прокричал Иккинг Рыбьеногу, проносящемуся мимо на спине Ветрогона.

Одному богу Тору известно, много ли расслышал Рыбьеног на такой скорости.

Ураган пронесся следом за Ветрогоном обезумевшим потоком ужаса. Иккинг взял себя в руки, приготовил шесть стрел и дрожащими пальцами наложил одну на тетиву. У него имелось преиму-

щество — невидимость Смертеня, так что Мятажные драконы даже не поняли бы, откуда летят эти стрелы.

Главное — правильно выбрать время.

Вот показались первые преследователи, и Иккинг выпустил одну, вторую, третью, четвертую, пятую, шестую стрелы.

С потрясенным воплем первый дракон, бритвокрыл, кувырком полетел назад, врезавшись в стаю за спиной, а затем рухнул в ущелье. На короткое время воцарилось замешательство. Но этого хватило. К тому времени, когда стая выстроилась снова и сосредоточилась, добыча исчезла.

Ветрогон, Ураган и их всадники нырнули в подземный дом, а Мятажные драконы в бессильном бешенстве исходили пеной — видеть Иккинга, зависшего всего в двадцати футах от них верхом на Смертене, они не могли, трехглавый дракон встал на дыбы, заслоняя всадника. Бритвокрылы по-

Вход в тайное убежище
под деревом
ЗДЕСЬ —

метались, облаивая друг друга, и полетели прочь
вниз по ущелью, куда, как они полагали, улизнула
жертва.

Иккинг снова начал дышать.

И тут случилось это.

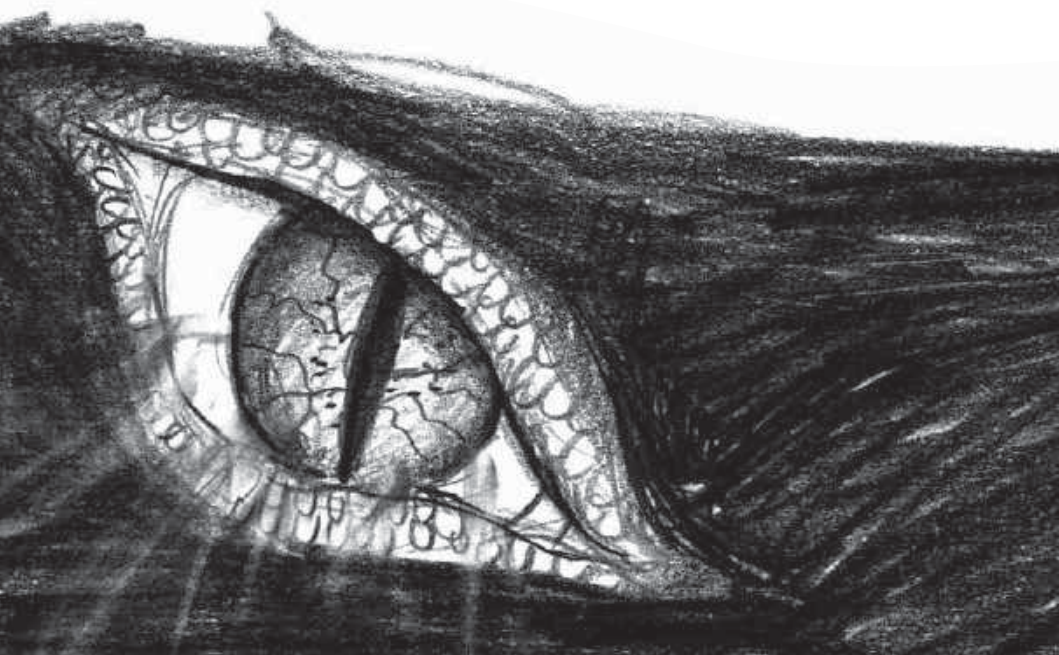
4. ГЛАЗА В ПУСТОТЕ

В воздухе, прямо перед Иккингом и Смертенем, висели два красных глаза.

Узкие щелочки со слегка подрагивающими зрачками.

Иккинг моргнул, не в силах быстро понять, что происходит. Уж больно странное и жуткое было зрелище.

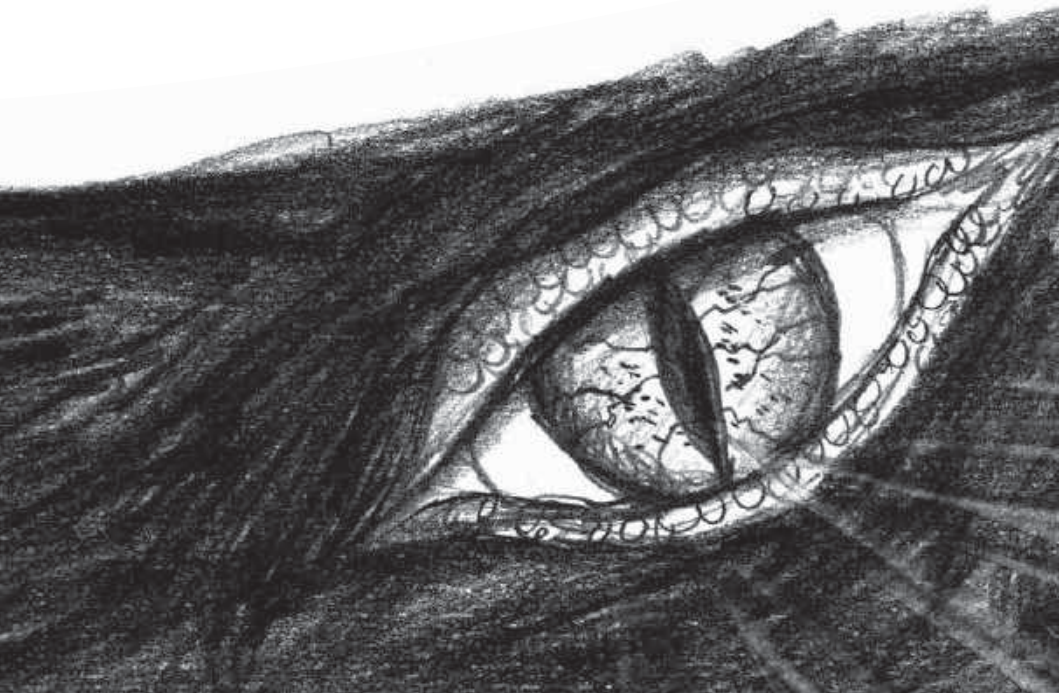
Удирая от Драконьего восстания, он позабыл, что люди — Элвин Вероломный и его маменька, ведьма Экселлинон, — тоже ищут его. А на ведьму работают вампиры-ищейки, охотятся и шпионят для нее.

Иккинг никогда прежде не видел вампиров-ищеек, но знал, что они хамелеоны, способные делаться невидимыми почти целиком — кроме горящих глаз.

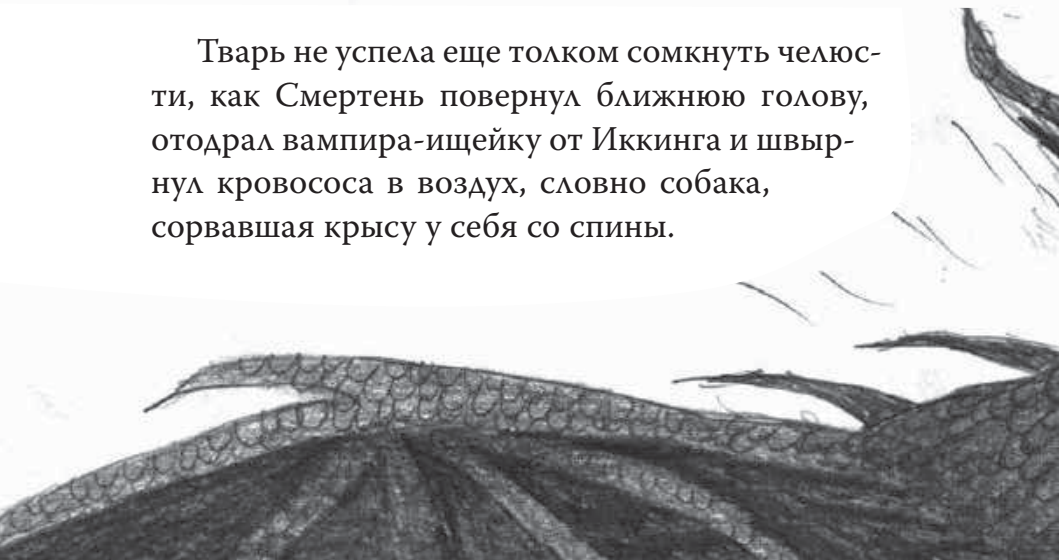
Вокруг зависших в воздухе красных глаз медленно проступил остальной вампир-ищейка. Мерзкое создание имело голову летучей мыши-вампира и тело громадной мартышки, и вопило оно мартышке под стать.

Мгновение кошмарная тварь маячила у Иккинга перед глазами, а потом его левую руку пронзила острая боль. Он так растерялся, что лишь озадаченно посмотрел на собственную конечность, словно она принадлежала кому-то другому. И увидел, что вампир-ищейка вцепился ему в руку острыми челюстями.

Тварь не успела еще толком сомкнуть челюсти, как Смерть повернул ближнюю голову, отодрал вампира-ищейку от Иккинга и швырнул кровососа в воздух, словно собака, сорвавшая крысу у себя со спины.

Вопящее чудовище мгновенно сделалось невидимым, только красные глаза метнулись вниз по ущелью.

Прежде чем Иккинг успел шевельнуться или подумать, пламя Ярогнева показалось над лесом.

— **Я ЕГО НАСТИГНУ-У-У-У!**

Горизонтальная стена огня пронеслась по ночному небу. Раскаленная добела, она просто срезала вершину горы за подземным убежищем. Тонны и тонны камня и земли полетели в ущелье внизу.

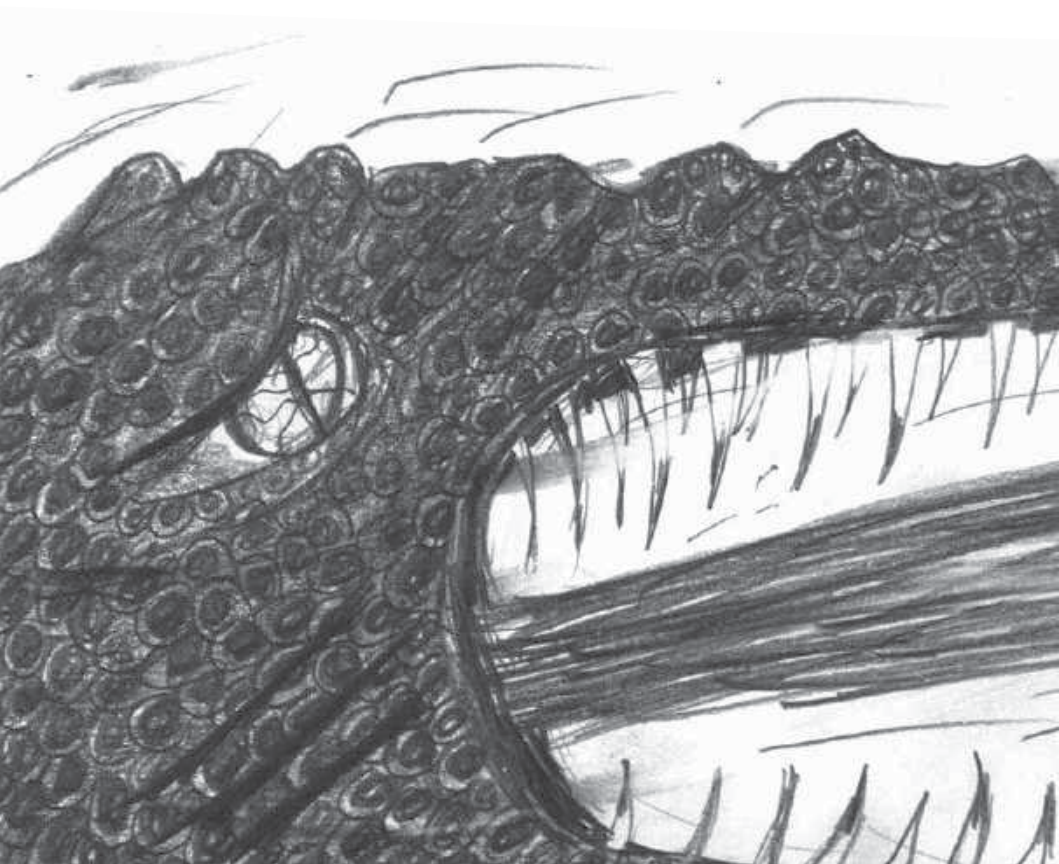

Три пасти Смертеня одновременно завопили, а пламя лилось и лилось на их головы. Несколькими быстрыми взмахами крыльев трехголовый дракон добрался до скрытого плющом входа в подземный дом.

Они едва успели.

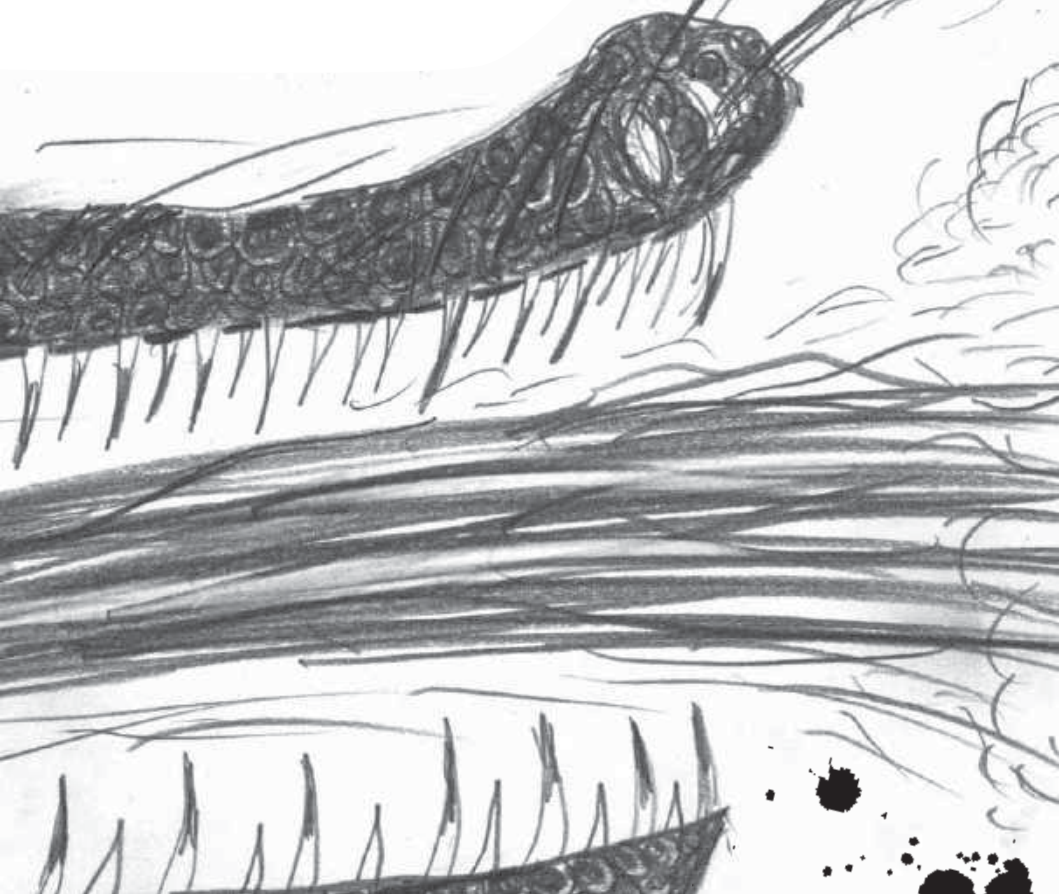
— В него попали... в него попали... — доносились до Иккинга причитания дрожащего Рыбьенога.

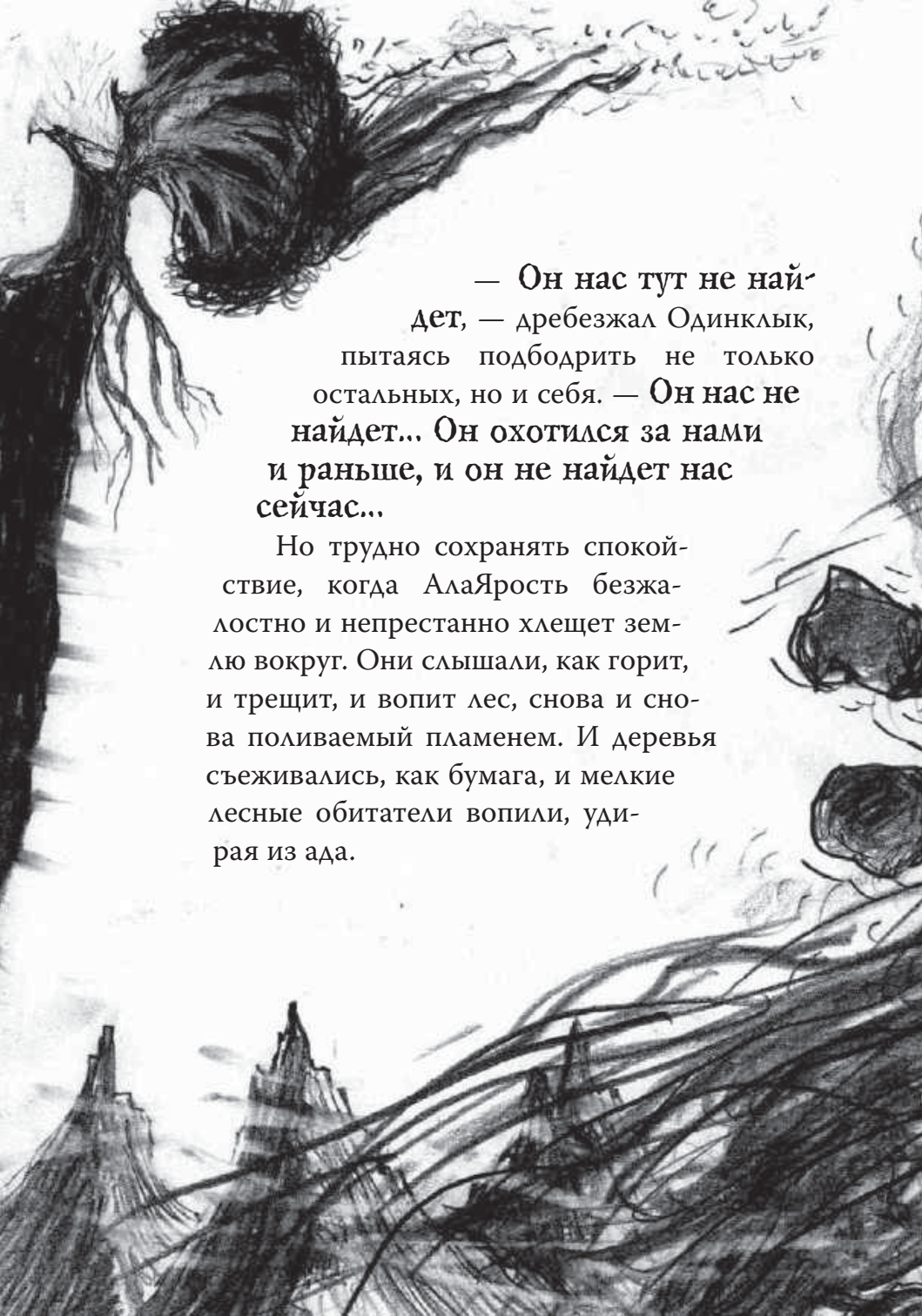
Тот помогал другу слезть со спины Смертеня, но Иккингу казалось, будто слова доносятся откуда-то из далекого далека. Он был на грани обморока.

Снаружи Ярогнев, полный мстительных надежд, добрался наконец до места, где мальчишку видели в последний раз. Но добыча исчезла, и громадный дракон снова потерпел неудачу.

Ярогнев взорвался гневом, и вокруг словно наступил конец света. Пламя Драконьего восстания утюжило сожженный и разрушенный ландшафт внизу, а дрожащие Беззубик, Буримуха и Мухрюндель распластались по стенам убежища вокруг входа.

— Он нас тут не найдет, — дребезжал Одиноклык, пытаясь подбодрить не только остальных, но и себя. — Он нас не найдет... Он охотился за нами и раньше, и он не найдет нас сейчас...

Но трудно сохранять спокойствие, когда АлаяРость безжалостно и непрерывно хлещет землю вокруг. Они слышали, как горит, и трещит, и вопит лес, снова и снова поливаемый пламенем. И деревья съеживались, как бумага, и мелкие лесные обитатели вопили, удирая из ада.

— Камикадза... — пропыхтел Иккинг. — Где Камикадза?

— погоди, Иккинг, ты ранен... — Рыбьенот чем-то бинтовал другу руку. — погоди...

Но Иккинг не обратил на него внимания и, шатаясь, поковылял во внутреннюю пещеру — вторую «комнату» подземного дома. Камикадзы там не оказалось.

Иккинг прихромал обратно и попытался вскарабкаться по приставной лестнице к выходу. Но его сдуло назад волной жара — словно кулаком в лицо получил. Стена пламени была такая горячая, что ему опалило кожу — даже в нескольких шагах от входа.

Одинклык мягко покачал головой:

— Ты не можешь выйти, Иккинг. Не сейчас...

— Но нам надо за ней! — настаивал Иккинг.

— Не сейчас, Иккинг...

— Куда она подевалась? — спросил Рыбьенот с круглыми, серьезными, испуганными глазами.

— Ее забрали, — раздался голос у них за спиной.

На полу, по-прежнему прикованный к Урагану длинной цепью, лежал Сморкала. Лицо его скрывала тень. Он повторил те же слова, тем же бесцветным мертвым голосом:

— Ее забрали.

— Как это — забрали? — не понял Рыбьенот.

А Иккинг уже знал ответ.

Перед глазами у него молнией вспыхнула жуткая картина — вампир-ищейка. Он словно смеялся над Иккингом.

«Если мне попался один вампир-ищейка, то в ущелье могли скрываться и другие...»

— Ее забрали живой, — сказал Сморкала, — один из ведьминых драконов-ищек.

5. УКУС ВАМПИРА-ИЩЕЙКИ

— Я видел, — тихо продолжал Сморкала. — Она привела меня сюда, но, как раз когда она лезла следом за мной, из ниоткуда спикировал вампир-ищейка и унес ее.

— **Ветрогон! Это правда?** — Иккинг обернулся к Ветрогону, лежавшему на полу.

Длинное неряшливое тело дракона было посечено дротиками бритвокрылов. Иккинг смутно и отчаянно надеялся, что Ветрогон опровергнет слова Сморкалы, но дракон кивнул с несчастным видом и снова негромко и жалобно заскулил.

— Нет... — прошептал Иккинг. — О нет...

Он обхватил руками свое тощее, бледное, дрожащее тело, пытаясь успокоиться. Рука ныла от боли.

ЭТО ВСЕ Я ВИНОВАТ. ЭТО МОЯ ВИНА.

Камикадза доверяла чутью Иккинга больше, чем собственному. Она не

согласилась с его решением, но верно и преданно последовала за Иккингом в бой.

И вот теперь они ее потеряли.

Как там говорил Один-
клык?

«Пытаюсь по доброту
душевной спасти
Сморкалу, — предостерегал он, — ты поставишь под угрозу нас всех, подвергнешь опасности жизнь тех, кто верен тебе, кто никогда тебя не предавал. Порой доб-

рота оборачивается жестокостью. Это одно из тех трудных решений, которые приходится принимать вождю».

— Ну а чего ты ждал? — произнес Сморкала холодным, жестким тоном, исполненным презрения. — Ты превратил всю операцию в полный бардак. Разбудил Мятежных драконов. По шуму ведьмины вампиры-ищейки наверняка поняли, что ты там. Чем, по-твоему, это могло кончиться?

Рыбьенот, дрожа от ярости, обрушился на Сморкалу:

— Мы вообще оказались там только ради спасения твоей никчемной прыщавой кожи! Почему ты даже не попытался догнать ее, Сморкала? Она рисковала ради тебя жизнью, а ты даже не почесался отбить ее?

— Разумеется, мне до смерти хотелось рвануть за драгоценной мелкой бой-бабской стервой, — протянул Сморкала. — И я бы молниеносно вскочил на верного коня — ты же знаешь, какой я галантный, Рыбьенег, — но мой верховой дракон самым неудачным образом оказался утыкан жалами бритвокрылов и едва мог шевельнуть крылом.

— Откуда мы знаем, что это не ТЫ передал Камикадзу ведьме? Может, это был трюк, чтобы выдать нас людям Элвина!

Рыбьенег в запале высказал то, о чем Иккинг думал про себя.

— Зачем мы только послушали твои крики о помощи! Ты же наверняка отдал Камикадзу ведьминой ищейке! А ты, — орал Рыбьенег, — не стоишь и мизинца этой девчонки!

Сморкала промолчал. Лицо его скрывала темнота, но, возможно, пальцы его дрогнули, когда Рыбьенег заявил, что он не стоит и мизинца Камикадзы.

А может, и нет.

— Этой маленькой Бой-бабы? — протянул он. — Да ну, она же всего лишь Бой-баба, в конце-то концов...

Сморкала словно нарочно их злил.

И Рыбьенег сорвался.

Сморкала травил Рыбьенога всю жизнь. Любой, кого травили, знает, каково это. Первые десять лет Рыбьеног провел в постоянном страхе, боясь лишний раз выйти за дверь своей одинокой маленькой хижины. Там его непременно ловили Сморкала и его наглый приспешник, Песьедух Тугодум, и били его, пинали, не обращая внимания на слезы и мольбы.

И вот теперь Рыбьеног с друзьями спасли Сморкале жизнь, и Сморкала оплатил им тем, что предал Камикадзу, а ведь Камикадза и Иккинг были единственными друзьями Рыбьенога среди людей.

Пятнадцать лет травли, ненависти, злости и обиды вскипели в Рыбьеноге.

Вся тревога за Камикадзу, весь страх перед тем, что Ярогнев сделает, когда найдет их в этом убежище, вся ненависть к Сморкале выплеснулись единым, раскаленным добела потоком.

— Надо выкинуть тебя из укрытия! — взревел Рыбьеног. — Ты ЛЖЕЦ! Ты ПРЕДАТЕЛЬ! Ты предавал Иккинга и нас всех, раз за разом!

Три головы Смертения испустили одновременный вопль, и по пещере пошла рикошетом гулять молния. Все три головы набрали воздуху, готовые ударить, ведь Рыбьеног был теперь их хозяин.

БАХ! Рыбьеног двинул Сморкале в нос.

Сморкала опешил. Он никогда особо не задумывался об этом хлятике, Рыбьеноге, разве толь-

ко чтобы изобрести новый, особенно гнусный способ унижить его. Рыбьеног сроду не смел даже ущипнуть Сморкалу, не то что стукнуть. Сморкала поднял было руки, чтоб ударить в ответ, но предостерегающий вопль гигантского Смертеня остановил его.

БАХ! Рыбьеног ударил снова.

Сморкала едва не рассмеялся. Как бы ни старался Рыбьеног двинуть побольнее, его тощие, слабые ручонки не могли причинить настоящую боль. Но этот его громадный трехголовый монстр... Этот-то может, и еще как. Сморкала то и дело со страхом поглядывал на него.

— Ну, каково? — процедил разъяренный Рыбьеног. — Каково понимать, что ты полностью зависишь от чьей-то милости?

Неприятно, оказывается.

Сморкала смотрел на перекошенное лицо Рыбьенога-берсерка и на ужасный ревущий трехглавый кошмар рядом с ним. Он слегка побледнел.

— Ладно тебе, Рыбьеног, — произнес он неловко, — шуток, что ли, не понимаешь? Я ж всегда просто шутил...

— Шутил, значит? — плюнул Рыбьеног. — Ну так и я сейчас просто шучу! Каково это, когда, что бы ты ни делал, что бы ни говорил, как бы ни умолял, другой НИКОГДА... НЕ... ОСТАНОВИТСЯ?!

БАХ! БАХ! БАХ!

Рыбьенег колотил его снова и снова.

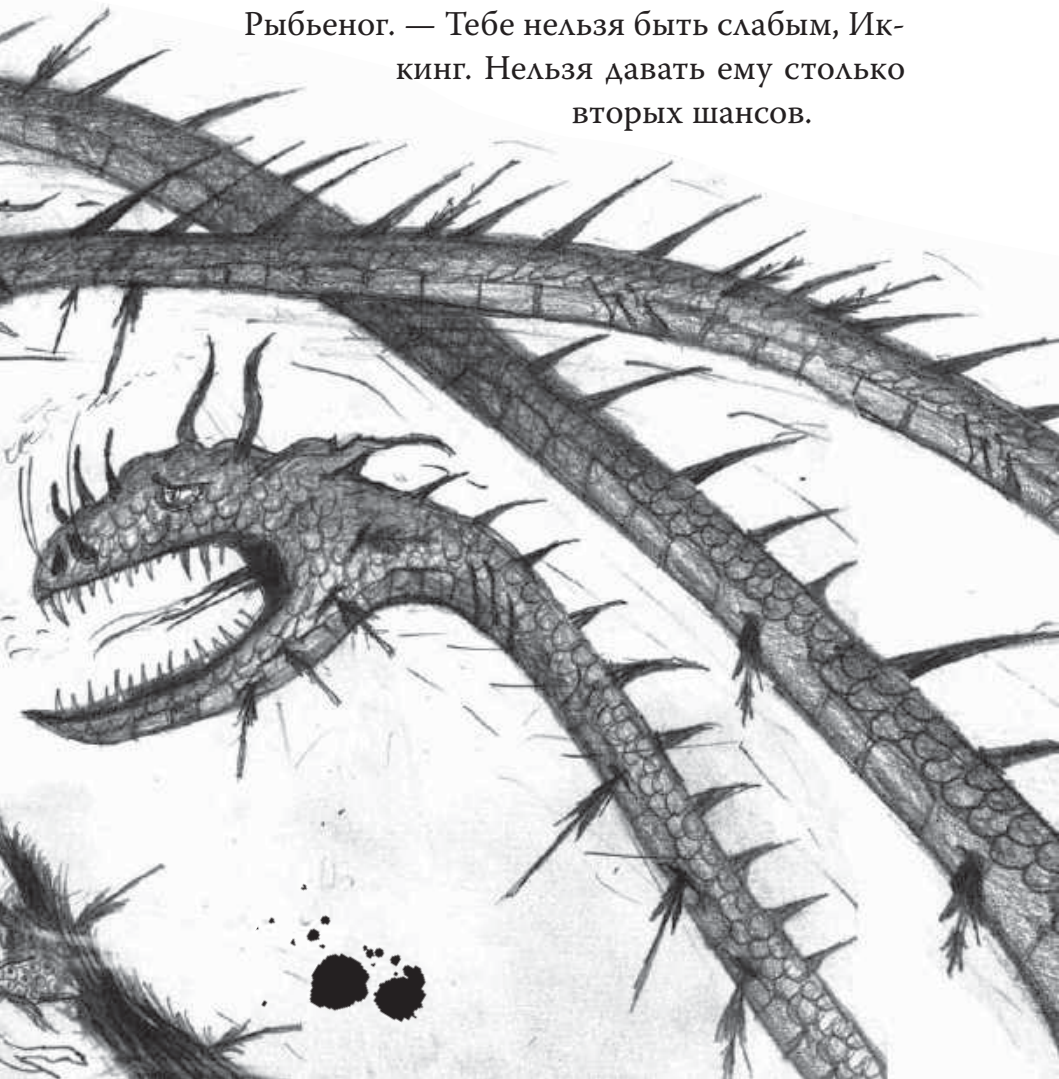
— Стой! — Иккинг ухватил Рыбьенога за руки. — СТОЙ!

Рыбьенег наконец унялся. Красная волна ярости отхлынула от его лица, и он уронил руки.

«Есть нечто воистину ужасное в этой войне», — с усталой тоской подумал Иккинг. Она заставила даже мягкого, отнюдь не воинственного Рыбьенога, мечтавшего стать скальдом, в приступе ярости по-настоящему ударить Сморкалу.

— Сморкала убил бы нас, правда? Он пытался убить тебя, да сколько раз, — мрачно произнес Рыбьеног. — Тебе нельзя быть слабым, Иккинг. Нельзя давать ему столько вторых шансов.

— Так рассуждают Элвин с ведьмой, — вспыхнул Иккинг, чувствуя себя страшно виноватым за Камикадзу и мучаясь страшным подозрением, что Рыбьепог прав. — Любому человеку надо дать шанс. — Он по-прежнему удерживал друга за руки. — А потом дать шанс еще раз.

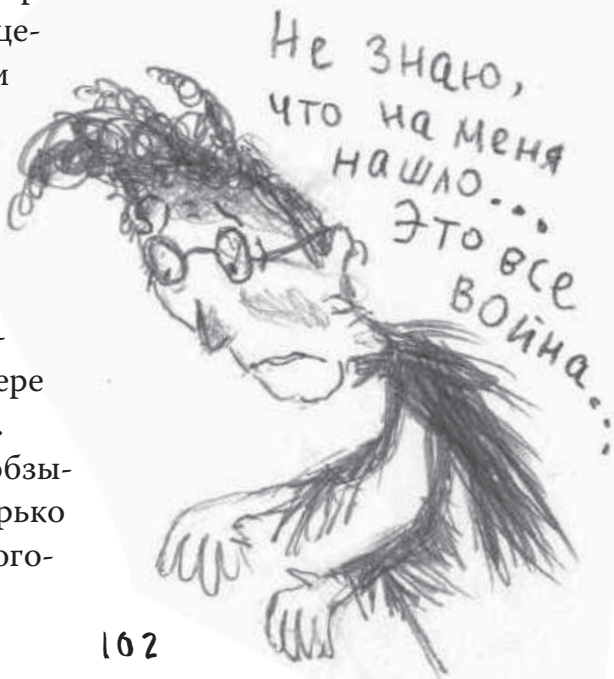
Друг пораженно уставился на Иккинга.

И тут Рыбьепог вздохнул и откинул с глаз кучерявые волосы. Последняя жгучая искра берсеркской ярости на щеках угасла, он почесал пятнышко экземы на сгибе левого локтя и произнес безнадежно:

— Ты прав... Это все война. Со временем она меняет людей.

Сморкала, совершенно белый, оцепенел от ярости и унижения. Его побил этот хиллятик Рыбьепог, а трехглавый Смерть напугал до дрожи. И все в пещере видели его страх.

— Валяйте, обзывают меня! — горько съязвил он. — Попо-

ворите о том, чтобы дать человеку шанс! Я знаю, в прошлом мы враждовали, но я ведь тоже рискнул жизнью, когда явился сюда предупредить вас, даже помочь вам... — Он пожал плечами. — Но если вы не хотите верить, не верьте — мне-то что!

— Давайте все успокоимся, — тихо сказал Иккинг. — Пока что мы никуда не идем. Мы не можем найти Камикадзу, пока Ярогнев не уберется...

«Если он вообще когда-нибудь уберется. Судя по звуку, на сей раз он не успокоится, пока не спалит нас в собственных постелях...»

— ...и многие из нас ранены, — продолжал Иккинг. — Давайте займемся этим, а после Сморкала расскажет нам, что, по его мнению, произошло.

Большинство ран были следами отравленных дротиков бритвокрылов. Извлеченные, они оставляли по себе саднящую боль, хуже, чем от укуса пчелы или шершня.

Но куда серьезнее был громадный лилово-черный синяк, расплывшийся, словно цветок, по левой руке Иккинга от места укуса вампира-ищейки. Надо было приложить целебные травы. Сняв тряпки, намотанные на рану Рыбьеногом пару минут назад, Иккинг подскочил от ужаса.

Укус-то был неглубокий.

Но в руке засел зуб вампира-ищейки.

Иккинг наблюдал за драконами много лет и сумел узнать очень многое о разных видах этих существ и их приемах охоты.

Вампиры-ищейки охотятся почти как комодские вараны: кусают жертву — и отпускают ее, оставив в ране зуб. По телу жертвы медленно расползается парализующий яд, и спустя какое-то время вампиры-ищейки находят умирающее и беспомощное создание. Собственный зуб служил им чем-то вроде «маячка», облегчая поиски.

Оставленный
в ране зуб
вампира-ищейки
работает
как маячок. →

— Не пытайся вытащить эту пакость! — предупредил Одиноклык. — Тело со временем его отторгнет, и он выпадет естественным путем. У него зазубренные края. Если попытаешься выковырять его сейчас, только еще больше себе навредишь. А так — будет сильное онемение, может, даже паралич, но скоро пройдет. Да и укус неглубок, так что смерть тебе не грозит. Это как с бритвокрыльями жалами — больно, но не смертельно...

«Но тем временем вампир-ищейка будет следить за мной», — подумал Иккинг.

Беззубик не понимал сути происходящего, но видел, что хозяин расстроен, поэтому ласково уселся Иккингу на голову.

— Не-не расстраивайся, хозяин, Беззубик тут, — напомнил он, съезжая по плечам хозяина и обнимая его за шею крылышками с такой нежностью, что едва не задушил.

Беззубик отчаянно пытался придумать, как бы развеселить Иккинга.

— Хочешь, я шу-шубку надену? — предложил он. — Смотри! Б'бе-беззубик наденет шубку... От этого тебе полегчает...

Он притащил шубку — полуобутленную, поскольку он прятал ее в очаге.

— Так лучше, хозяин? Теперь Б'бе-беззубик ми-ми-милый и не простудится... А-а-апчхи!

Изрядная порция драконьих соплей прилетела Иккингу прямо в лицо.

— У-у-упс! Извини...

— Спасибо, Беззубик, — машинально сказал Иккинг, утирая лицо и подставляя дракончику ладонь. — Теперь мне гораздо лучше.

Мухрюндель угнездился у Иккинга под мышкой и сочувственно пропищал:

— Пощекочи мои именины... пора в ванну... орешки поддержи...

Смысла никакого, но Иккинга тронуло, как оба дракона, каждый на свой манер, пытаются его утешить.

Сморкала смотрел, как они все ходят и порхают по пещере, тихие, печальные и напуганные, а снаружи ревет Драконье восстание. Но им еще хорошо — они есть друг у друга. А он тут не вовремя и не к месту, ему отказано в их товариществе — незванный гость, засевший в темном углу.

У Сморкалы был глубокий порез на правой руке и пара-тройка на лице — все от

Вампиры-ищейки

ХАРАКТЕРИСТИКИ ~

ФАКТОР УСТРАШЕНИЯ.....	8
АТАКА.....	9
СКОРОСТЬ.....	7
РАЗМЕР.....	5
НЕПОСЛУШНОСТЬ.....	7

Вампиры-ищейки — хамелеоны, они могут становиться невидимыми, кроме красных глаз. У них тела мартышек, а головы гигантских летучих мышей-вампиров. Нет ничего страшнее, чем когда в темноте тебя окружает рой красных глаз — зачастую это последнее, что жертвы вампиров-ищеек видят перед смертью.

бритвокрылых крыл. Но никто не собирался помогать ему промыть или забинтовать раны. Ненависть к Сморкале, сгустившаяся в пещере, была так велика и тяжела, что казалось, ее можно потрогать руками. И драконы, и люди избегали смотреть на него, словно от него воняло. Сморкале пришлось оторвать полосы от собственной рубахи и обмотать ссадины, а гордость заставила притвориться, что не так уж ему и больно.

«Только этот нытик Иккинг дает мне шанс», — обиженно думал Сморкала.

— Никто не хочет наконец помочь мне избавиться от цепи? — протянул он. — А потом я расскажу свою версию истории, и вы вполне можете обнаружить, что я всю дорогу был на вашей стороне...

— Если ты на нашей стороне, где твоя Драконья Печать? — Рыбье-ног не утратил враждебности. — Покажи ее нам, ты, предатель!

Сморкала спокойно снял шлем и показал лоб, лишенный каких-либо татуировок.

— На мне нет Клейма, — сказал Сморкала, —
Но я все-таки на вашей стороне.

— ХА! — фыркнул Рыбьенот, и драконы поддержали его недоверие дымными презрительными усмешками.

— ДАЙ ЕМУ ШАНС ОБЪЯСНИТЬ! — гаркнул Иккинг.

— Спасибо. — Сморкала иронично поклонился кузену.

Беседы с Беззубиком

Когда в доме появляется новый дракон, это может растревожить вашего дракона. Будьте терпеливы, и он это преодолет. Надеюсь...

Беззубик: Мух-хрюн ни-ни такось муси-пуся ак'ко Б'бе-беззубик.

Мухрюндель НЕ такой милый, как Беззубик.

Вы: Зубдамс, не-а, Б'бе-беззубик. Б'бе-беззубик разнаилуч'чшейший. Ба надда бу манинирлиш. Разумеется, нет, Беззубик. БЕЗЗУБИК Самый Лучший. Но мы должны быть с ним вежливы.

Беззубик: Агась, агась. Б'бе-беззубик бу то-олст манинирлиш.

Конечно, конечно. Беззубик будет ОЧЕНЬ вежлив.

Пауза

Беззубик Мухрюнделю:

Мух-хрюн, пж'а-а-а-лст, тву ваще
ак'ко хрю-ням'м нуи исч'чо туп-
тупч'чи услиз'зни.

Мухрюндель, пожалуйста, ты выгля-
дишь как свинья и ты глупее улитки.

Вы: Б'бе-беззубик!
Беззубик!

Беззубик (жалобно): Ба Б'бе-беззубик грюксы
пж'а-а-а-лст!

Но Беззубик же сказал «пожалуйста»!

Снова пауза.

Беззубик: Мух-хрюн, тву
хоч'чи рас-двас-перепрякс?
Тву прык-прык ховайсы
с муси-пуся мегаого-токсс
мокрзеленкр'в нуи дум-
нямч'чи, а мну ать-ать до
туч'а нуваще нуи шарк-шарк
тву вынюх-нюх.

Мухрюндель, хочешь поиграть
в прятки? Ты спрячешься там сна-
ружки и поиграешь с милым моредра-
кончиком и мозгоедами, а я сосчитаю
до ста миллионов и пойду тебя искать...

Мухрюндель (весело виляя хвостом):
Гав! Гав!

Гора
под
деревом

↑
Постели
Иккинга
и
Рыбьенота

↑
Котел
для еды

Камикадзина
коллекция оружия

↑
Постель
Камикадзы

←
Кроватки
Беззубика
и Одиноклика

обеденный стол

6. ДРУГАЯ СТОРОНА ИСТОРИИ

— Солнцеворот через три дня, — сказал Сморкала. — Время у вас на исходе. Наверное, вы договорились с Валгалларамой так: она выкрадет у Элвина девять Утраченных Сокровищ, потом вы встретитесь на Поющих Песках в Канун Солнцеворота, и она передаст их вам.

— Очень умная догадка, Сморкала, — тихо ответил Иккинг. — Мама велела нам только сидеть в укрытии и встретиться с ней в Канун Солнцеворота.

— Ну так вот, — продолжал Сморкала, — подземное убежище Элвина спрятано в таком хитром и тайном месте, что Стоику с Валгалларамой его ни за что не найти, хоть сто лет ищи. Поэтому твоей матери и ее воинам не удалось выполнить Геройскую Задачу и выкрасть остальные Утраченные Сокровища.

Последовала краткая унылая пауза.

— С чего нам тебе верить, Сморкала? — наступил Рыбьенг. — Ты мог и соврать. Может, девять Сокровищ уже у Валгалларамы, а тебя подослала ведьма. Если ты перешел на нашу сторону, почему у тебя нет Печати Дракона?

— Иккинг не единственный, кто пользуется головой, знаешь ли, Рыбьеног, — ответил Сморкала. — Я думал, что больше пригожусь воинству Драконьей Печати, если притворюсь, будто работаю на другую сторону.

Буримуха коротко и неохотно зашипела в знак одобрения.

— А, — заметила она, — Хитрость и Коварство. Хорошая мысль. — Но тут она вспомнила, что речь идет о Сморкале, и снова нахмурилась. — Разумеется, если это правда.

— Вот я и притворился, что я на стороне ведьмы и Элвина, — продолжал Сморкала. — Дал им отвести меня в убежище. Выяснил, где они держат Сокровища, и убежал искать вас, ребята. Выследил с помощью этого дурацкого Мухрюнделя. Может, эти драконы и глупы, как пробки, зато у них лучший в мире нюх. Я встал лагерем на замерзшем озере в верховьях реки, а ночью оно, видимо, растаяло. За мной погнались волкозубы... вот тогда-то вы меня и нашли.

— Если ты знаешь, где Утраченные Сокровища, — недоверчиво спросил Рыбьеног, — почему ты не выкрал их сам, когда бежал из убежища Элвина?

— Одному мне это было не потянуть, — объяснил Сморкала. — Сокровища охраняют, а Трон

тяжелый. От вас-то, конечно, в таком деле толку мало, но, должен признать, ваш замаскированный-до-невидимости и неимоверно громадный трехглавый Смертьень весьма пригодился бы для ограбления.

— Вместе мы сумеем выкрасть Сокровища обратно, — продолжал Сморкала, — и даже спасти эту ужасную мелкую Бой-бабу Камикадзу. Мы явимся на пляж в Теснине Героев в Канун Солнцеворота, со всеми Сокровищами, и тогда Стражи-Защитники Завтра сделают Иккинга следующим Королем Дикозапада, и человечество будет спасено.

— Откуда нам знать, что тебе можно верить? — спросил Иккинг. — Откуда нам знать, что ты не собираешься нас предать и доставить прямо в лапы Элвину и ведьме?

— Да ниоткуда, наверное, — ответил Сморкала. — Вам просто придется положиться на мое слово. Дело ваше. Мне, честно говоря, уже все равно, во что вы верите. Хотите думать обо мне плохо — вперед! А я пока посплю, если не возражаете. Это были длинные два дня.

В укрытии было тепло, ведь его согревали драконы и пламя в очаге, так что одежда Сморкалы уже полностью высохла. Он зевнул, завернулся в одно из одеял Рыбьеноговой матушки, закрыл глаза и прикинулся спящим.

Но глаз под одеялом не сомкнул.

— Можно, Б'бе-беззубик его кусит? — спросил дракончик с надеждой. — Или это г'грубо? А можно быть г'грубым с г'грубым человеком? Или это не-не считается?

— Да, это было бы грубо, Беззубик, нельзя его кусать, хотя меня и самого подмывает, должен признаться, — ответил Иккинг.

— Унылые устрицы, — с отвращением бросил Рыбьенот. — Что нам теперь делать? Верим мы Сморкале или нет? Я по-прежнему не понимаю, почему, если он на нашей стороне, у него нет Драконьей Печати?

— Драконья Печать — символ РАБСТВА! — донесся приглушенный голос Сморкалы. — Я на вашей стороне, но не хочу носить Клеймо раба!

Все улеглись и попытались заснуть, но это оказалось трудно. Обитателей убежища снедали злость, смущение и страх.

— Может, зря я взялся спасать Сморкалу? — спросил Иккинг Одинклыка. — Ведь из-за этого схватили Камикадзу.

Одинклык ответил вопросом на вопрос:

— Может ли вообще ошибаться человек, откликаясь на призыв о помощи?

— Даже если Сморкала врет, — продолжал Иккинг на человеческом языке, — он единственный,

кто знает, где находится ведьмин лагерь. Поэтому нам все равно придется ему довериться, ведь только он может привести нас к Камикадзе. Ох, как я надеюсь, что с ней все в порядке...

— Да, понимаю, — отозвался несчастный Рыбьеног. — Я сам страшно за нее беспокоюсь. Все уговариваю себя, что ничего с ней не случится... Помнишь, сколько раз она удираала из тюрем. Она же Мастер Побега, в конце концов...

— Да, но Элвин и ведьма становятся все хуже, — с тревогой сказал Иккинг. — Они убивали людей. Я видел шлемы Воинов Печати, развешанные на деревьях там, снаружи. Так они объявляют лес территорией Элвина...

Это была правда.

Снаружи в лесу торчали длинные шесты, воткнутые в землю, и на каждом висели либо головы Мятежных драконов, либо шлемы Воинов Драконьей Печати, захваченные в бою. Шесты поставили в предупреждение другим Воинам Печати, что эту землю застолбили люди Элвина.

Помимо всех этих тревог, рев Ярогнева и Драконьего восстания снаружи тоже не особенно-то убаюкивал. Шумели заново подожженные останки горелого леса. Пламя трещало, переходя на рев, когда очаги пожара превращались в огненный шквал, такой жаркий и высокий, что зарево про-

никало в окошки укрытия и зловеще плясало на потолке и стенах.

— Я ОТЫЩУ тебя, негодяй! — гремел Ярогнев. — Я чую твою гнилую человечью кровь! НИГДЕ ты не найдешь защиты! Ни в пещере, ни на скале, ни на острове. Я трижды обращу весь мир в пепел, преследуя тебя... Прячься сколько влезет, но ты не можешь прятаться вечно... Всего одна ошибка, и...

...И ОДНАЖДЫ Я ТЕБЯ НАСТИГНУ!

О да, трудно забыться, когда в уши тебе рвется оглушительный рык, словно одна из худших Торových гроз, а мир снаружи пылает.

Как они вообще выберутся, чтобы отыскать остальные Сокровища и Камикадзу?

Судя по грохоту, Ярогнев не собирался успокаиваться до скончания века.

Некоторое время все крутились и ворочались, и наконец сквозь темноту и ужасный шум раздался тихий голос Одинклыка:

— Поскольку никто не спит, позвольте мне рассказать вам историю о мальчике из прошлого, который напоминает мне присутствующего здесь Сморкалу.

— Одинклык! — воскликнул Иккинг, резко садясь от удивления. — Ты говоришь по-викингски!

Я и не знал, что ты умеешь! Я думал, у нас только Буримуха обладает таким даром.

— Я тоже так думала, — печально отозвалась Буримуха.

Для Буримухи это была плохая ночь. Хозяйка пропала, а теперь еще выяснилось, что она, Буримуха, не такая уж уникальная.

— Почему ты никогда раньше не говорил на языке людей, Одиноклык? — спросил Иккинг.

— Если обладаешь даром, вовсе не обязательно всем о нем рассказывать, — просто ответил Одиноклык. — По-моему, юному Сморкале это может быть интересно...

И вот, в темноте убежища, Одиноклык рассказал историю о том, как Печать Дракона стала Клеймом раба.

Никто не мог
Заснуть.
Никто, кроме
МУХРЮНДЕЯ

КАК
ПЕЧАТЬ ДРАКОНА
ПРЕВРАТИЛАСЬ

В
КЛЕЙМО РАБА

— Когда-то давным-давно, — начал Один-
клык, — я еще не был морщинистой козявкой,
которую вы видите перед собой сейчас. Пони-
маете, — объяснил он, — я моредраконус...

Иккинг ахнул:

— ТЫ??? Моредраконус гигантикус макси-
мус???

— Г'глупости! — пропищал Беззубик. —
Ты даже меньше Б'бе-беззубика! Как ты
мо-можешь быть мо-моредраконусом?

— Множество глупостей оказывают-
ся правдой, Беззубик, — улыбнулся Один-
клык. — В начале жизни моредраконусы
маленькие, — продолжал он на языке людей, —
но они вырастают до огромных размеров,
как полная луна. А в старости снова умень-
шаются...

Однажды, Иккинг, лет с тысячу назад, ко-
гда я был молод и размером примерно с саб-
лезубого ездового дракона, я встретил твое-
го предка, Иккинга Кровожадного Карасика
Первого, и отдал ему Драконий Камень и до-
верил ему Тайну Камня.

— Ты рассказывал мне об этом, — напом-
нил Иккинг.

— Рассказывал. Я рассказывал тебе, как
Иккинг Первый воспользовался Тайной Кам-

ня, для того чтобы обрести власть над драконами и обучить их.

Но чего я тебе не рассказывал, это что в обмен на тайну Иккинг Первый поставил на себя Печать.

Он поставил Печать себе на висок. Это была Печать в форме дракона, состоявшая из его крови и крови его дракона-побратима. Моей крови. Печать скрепила нашу клятву, что мы двое — братья, что мысли наши едины и что мы умрем друг за друга.

Как бывает с символами, она также стала символом Королевства Дикозапада. Все Воины носили этот символ, плававший у них на лбу, поэтому их называли Драконьими Всадниками.

Печать называли Печатью Дракона...

Юные викинги в пещере ахнули от изумления.

— Стало быть, Печать с самого начала так называлась! — воскликнул Рыбьенег.

Сморкала замер, но глаза его были открыты. Он слушал.

Иккинг коснулся Печати, багрового знака на лбу.

— Выходит, первая Драконья Печать, — прошептал он, — была из твоей крови, Одинк-лык?

Старый дракон кивнул.

— Больше тысячи лет казалось, что я принял верное решение, доверив Тайну Камня людям. В Королевстве Дикозапада царили мир и благоденствие, драконы и люди жили в гармонии друг с другом. Тайна передавалась из поколения в поколение, и никто не злоупотреблял ее властью. Я вырос размером с гору, таким большим и роскошным, что некоторое время мне пришлось жить в океане.

Ах... Это был золотой век...

Даже когда я начал уменьшаться в старости, много сотен лет назад, я оставался доволен, что основал новую династию, династию счастья, которая продлится вечно... а потом...

— А потом? — прошептал Иккинг.

— А потом... в конце концов все обернулось так, будто я совершил ошибку, доверив Тайну Драконьего Камня людям. Видишь ли, не все люди такие хорошие, как Иккинг Первый.

Примерно век спустя, когда я уменьшился до размеров викингского охотничьего пса, Трон унаследовал новый Король. Он был очень юн... примерно твоих лет.

Звали его Скороход. В детстве Скороход был неплохим мальчиком, но вспыльчивым

и склонным дразнить и поколачивать тех, кто слабее.

Этот мальчик очень напоминает мне Сморкалу. Они даже внешне похожи. Как и Сморкала, этот мальчик отказался принять Печать Дракона, когда достиг совершеннолетия.

«Королю ни дракон, ни человек не брат, — надменно заявил он. — Это драконы должны носить Печать, чтобы показать верность своему Королю, а я Печать не приму».

Вот и все.

Печать, бывшая символом братства между человеком и драконом, стала символом порабощения.

Ведь куда Король, туда и подданные. Мальчик-воин, будущее Племени, отказался принять Печать, и со временем даже старшее поколение начало стесняться татуировки, некогда служившей им предметом гордости, и надвинуло шлемы на лбы.

И так повелось и со всем остальным. Все хорошее, чего удалось добиться Иккингу Первому, мало-помалу было испорчено и уничтожено.

А я... ну, оглядываясь назад, не думаю, что я помогал исправить дело.

Ибо я судил Скорохода жестко и непрестанно.

Я постоянно ругал его. Я говорил ему, что он предает память предков. Я распекал его днем и ночью.

Один случай я помню особенно хорошо.

Скороход спал в королевской постели. Никому не полагалось его беспокоить. Но я не следовал этим правилам. С чего бы мне? Я был побратимом его прапрапрапрапрапрапрапрапрадедушки.

Я влетел в окно, уселся на изголовье и стал ждать, пока он проснется.

Он открыл глаза, а тут я, суровый и мрачный.

«Что ты здесь делаешь?» — зевая, спросил Скороход. Его красивое лицо сразу приняло обиженное выражение.

Он говорил по-драконьи, на языке, который усвоил с младенчества.

«Ты знаешь, почему я здесь, — мрачно сказал я. — Ты отказываешься принимать Печать. Ты пользуешься Тайной, доверенной твоему отцу, чтобы поработить моих братьев-драконов. Ты только что издал Закон, снова дозволивший обращать людей в рабство. Ты помещаешь их Печатью, которую теперь зовешь Клеймом раба.

Твои предки жизнь положили на строительство Королевства Дикозапада. Ты собираешься все это пустить прахом? Ты предаешь труды людей более великих, чем ты...»

Лицо мальчика сделалось красным, как его волосы.

«Да я стану куда более великим человеком, чем все мои предки! — заорал Скороход на меня в ответ. — Как ты смеешь говорить мне о предательстве! Я сделаю это крошечное Королевство Дикозапада поистине великой империей, которая раскинется от самых краев Руси на востоке и до границ Рима на юге. Я верну земли, утраченные моими предками, когда родился этот проклятый Иккинг Первый, богатые плодородные земли на востоке, а не эти скалистые бесплодные неудобья.

Уже сейчас я строю великий город на острове Завтра, город, который затмит Рим

роскошью и славой. Но для этого мне нужны рабы, драконы и люди. Поэтому не говори мне о предательстве! Завтра покажет, каким поистине великим королем я стану».

Я снова ругал его, может, слишком резко. Я говорил, что он никогда не станет таким великим человеком, как его предки, и еще много суровых и жестоких вещей.

Скороход зажал руками уши.

«Замолчи! — крикнул он. — Я запрещаю разговаривать на вашем проклятом наречии! Вот так! И теперь мне больше никогда не придется выслушивать упреки твоего раздвоенного языка!»

Тогда я последний раз видел, как мальчик плачет.

Он обратил Тайну Камня против меня — изгнал меня из королевства, пригрозив, что уничтожит всех драконов.

И остался верен своему слову.

Новый Мальчик-Король запретил разговаривать по-драконьи. Он закрыл библиотеку предков. Он выстроил великий город на острове Завтра, город сотни замков. Мальчик, некогда звавшийся Скороходом, сделался самым страшным викингом всех времен и сеял ужас от краев Руси до границ Рима.

ИСТОРИЯ ПОВТОРЯЕТСЯ

В подземном доме воцарилось молчание, когда до всех дошло, кем стал Скороход.

— Мальчик, некогда звавшийся Скороходом? — переспросил Иккинг. Он знал ответ, еще не задав вопрос.

— Он сменил имя, — ответил дракон. — И стал зваться...

— Чернобород Оголтый, — закончил за него Иккинг.

Повисла длинная-длинная пауза.

Иккинга немного мутило.

— Чернобород Оголтый, — подтвердил Одиноклык. — И как это часто случается, боги решили наказать Черноборода. У него родился сын, недомерок, и его тоже называли Иккингом, Иккингом Вторым. Чернобород возлюбил этого ребенка больше всех своих детей, но его обманом вынудили убить сына. Он решил, что тот поднимает против него Драконье восстание. И только тогда он осознал свою ужасную ошибку, осознал, как предал и своих предков, и собственное дитя.

Вот почему Чернобород спрятал Сокровища. Он разбросал их по всем углам архипелага, чтобы только истинный Герой мог их найти. Новый Король должен заслуживать этого звания. Оголтый поставил ужасную стражу из почти сверхчеловеческих воинов и иномирных драконов, дабы только Герой с десятью Утраченными Сокровищами мог

получить корону, и эти ужасные стражи известны как Стражи-Защитники Завтра.

Иккинг содрогнулся:

— Я слышал про этих Стражей жуткие вещи.

Одинклык кивнул:

— Да, они и должны быть поистине ужасны, чтобы охранять Завтра столько лет. Стражи-Защитники Завтра передают Тайну Драконьего Камня из поколения в поколение. Только Герой с десятью Утраченными Сокровищами может короноваться и уцелеть. Только такому человеку можно доверить Тайну. Но Герой должен быть достойным.

— Зачем ты рассказываешь нам это? — спросил Иккинг.

— Это всего лишь история, — ответил Одинклык. — Чтобы Сморкала осознал, что Клеймо раба не всегда было Клеймом раба. И как быстро рушится хорошее. И как мальчик может превратиться из Скорохода в Черноборода Оголтелого... и наоборот тоже.

Молчание.

— Скажите кто-нибудь этому древнему дракону, чтоб он ЗАТКНУЛСЯ! — грубо рявкнул Сморкала. — Я ПЫТАЮСЬ заснуть.

И снова тишина в пещере.

Один за другим измученные люди и драконы проваливались в сон, несмотря на шум снаружи, несмотря на страх за Камикадзу.

Но Иккинг не спал. Он вертелся, ворочался и тревожился — о Камикадзе, о Восстании, о том, предатель Сморкала или нет...

Это были его последние мысли перед тем, как он уплыл в сон.

Много позже Сморкала проснулся. Он сунул руку в истрепанный нагрудный карман под доспехами и вытащил Черную Звезду.

Сморкала получил эту Звезду за выдающуюся храбрость в Битве на борту «Тринадцати счастливицов»¹ много лет назад, когда Сморкала и Иккинг впервые столкнулись с Элвином Вероломным. Плевака Крикливый, его старый учитель, сказал тогда Сморкале, что это был один из самых славных дней в его жизни. Он был страшно рад видеть, как его ученик удостоился такой чести.

¹ Об этом рассказывается во втором томе мемуаров Иккинга «Как стать пиратом».

Лицо Сморкалы при взгляде на Звезду ничего не выражало.

Смерть, который случайно проснулся в тот же час, негромко предостерегающе заворчал, напоминая Сморкале, что за ним следят.

Сморкала спрятал Черную Звезду в карман и перевернулся на другой бок, чтобы дракон не видел его лица.

Сморкала плакал.

7. СОН БЕЗЗУБИКА

Гораздо позже в ту ночь Беззубику приснился страшный сон.

Сон был страшный, потому что казалось, будто это и не сон вовсе. Драконику снилось, что он проснулся, а перед ним подземный дом, где они спали, — но в то же время не совсем тот. Он сливался с чем-то еще, как это бывает во сне, и это что-то было очень холодное.

Одинклык тоже проснулся и глядел прямо перед собой. Глаза у него сделались очень странного багряного оттенка. Шрам на груди едва не светился. У Беззубика тоже был шрам и почти на том же месте, и он внезапно зачесался и заболел, словно полученный только вчера.

И там, в пещере, очень громко звучал голос, который Беззубик узнал.

Это был голос Ярогнева.

Беззубик лежал неподвижно и дрожал.

Он слышал рев Драконьего восстания снаружи, там визжали и бушевали в безудержной ярости Мятажные драконы. Но к полному ужасу Беззубика, голос Ярогнева, похоже, звучал внутри пещеры. Как такое могло быть? Ярогнева там не было, он бы просто не поместился.

Может, он снял вершину горы, как крышку, и заглядывает внутрь сверху?

Оцепенев от тревоги, Беззубик медленно-медленно поднял голову.

Нет, потолок был на месте. Уфф...

Но откуда, тролль подери, исходил голос?
Загадка.

— ПРЕДАТЕЛЬ! — ревел Ярогнев. — ПРЕДАТЕЛЬ!

На миг у Беззубика сердце замерло от страха — неужто Ярогнев разговаривает с ним? Он жалобно заскулил и прикрыл голову лапками. Но нет. Ярогнев обращался к Одинклыку.

— Почему ты впускаешь мои мысли сейчас, Одинклык? — орал Ярогнев в апокалиптическом гневе. — Ты что, передумал быть предателем? Устыдился предавать собратьев-драконов во второй раз?

Голос Одинклыка ответил. Оба, и Одинклык, и Ярогнев, говорили по-викингски, не по-драконьи. Но Одинклык, пусть и бодрствуя, не шевелил губами. Как такое возможно?

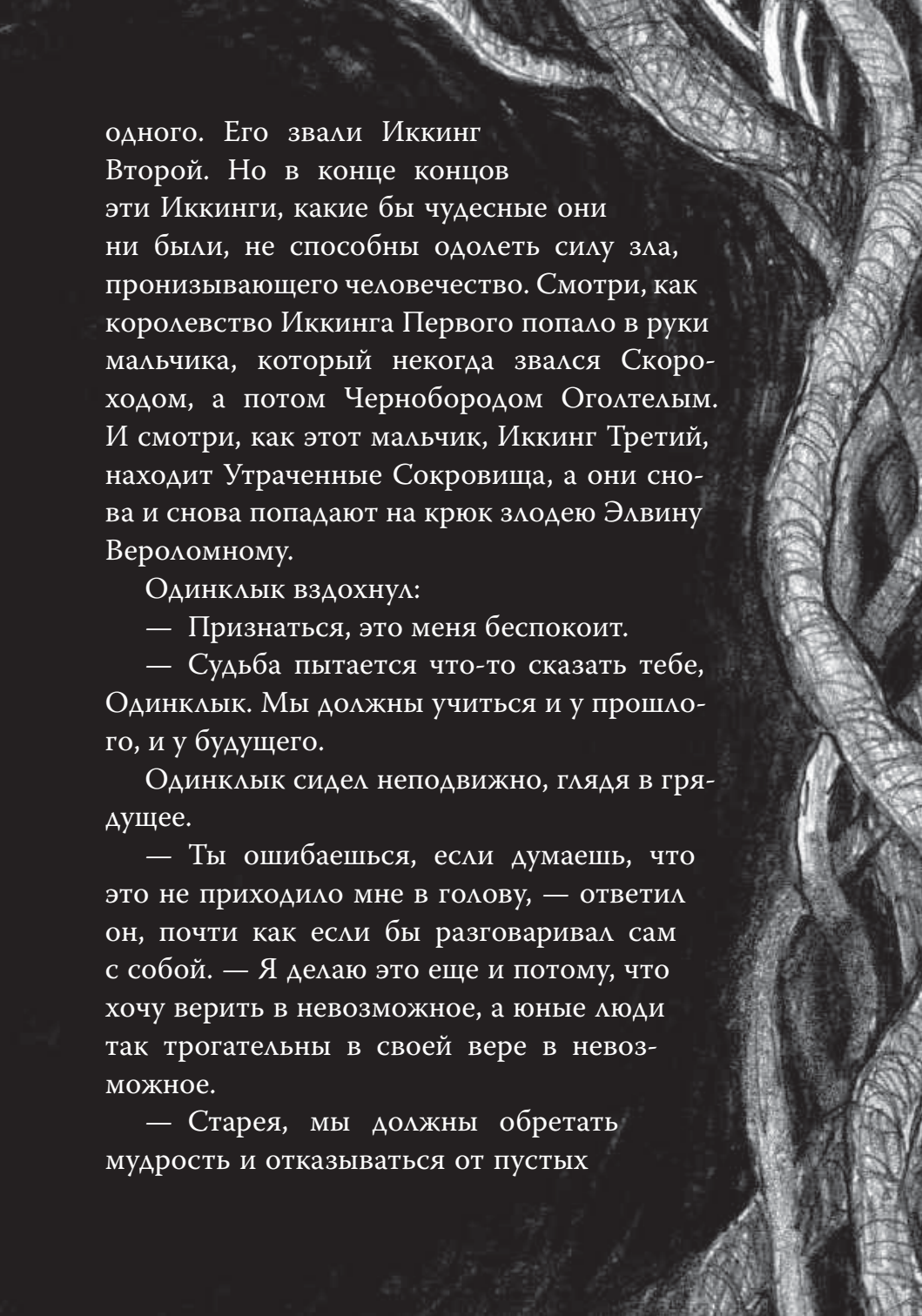
— Ну-ну, Ярогнев, — отозвался Одиноклык. — Успокойся. Бешенство тебя изнуряет. И не торопись думать, что я предаю нас.

Ярогнев ненадолго унял свой гнев, но тон его оставался горько-обиженным:

— Ты моредраконус гигантикус максимум, Одиноклык, и очень старый. Поэтому ты можешь заглядывать в будущее даже лучше, чем я. Ты знаешь, что этот мальчишка будет концом для нас всех, если оставить его в живых.

Одиноклык вздохнул. Он не возразил Ярогневу.

— **НО Я НЕ ПОЗВОЛЮ ЭТОМУ СЛУЧИТЬСЯ!** — взревел Ярогнев. — Я поклялся, что Иккинг Третий не достигнет Завтра. И он близко, я чувствую это, я чую вас обоих сердцем, хотя ты и защищаешь его. Я не сдамся, я останусь здесь, пока не выкурю вас, сколько бы времени это ни заняло. — Огромный дракон на миг унял свою ярость и попытался урезонить Одиноклыка: — Больше нет времени для глупых надежд старого глупого дракона. Думаешь, ты единственный, кто любил человека? Я и сам когда-то любил

одного. Его звали Иккинг Второй. Но в конце концов эти Иккинги, какие бы чудесные они ни были, не способны одолеть силу зла, пронизывающего человечество. Смотри, как королевство Иккинга Первого попало в руки мальчика, который некогда звался Скороходом, а потом Чернобородом Оголтелым. И смотри, как этот мальчик, Иккинг Третий, находит Утраченные Сокровища, а они снова и снова попадают на крюк злодею Элвину Вероломному.

Одинклык вздохнул:

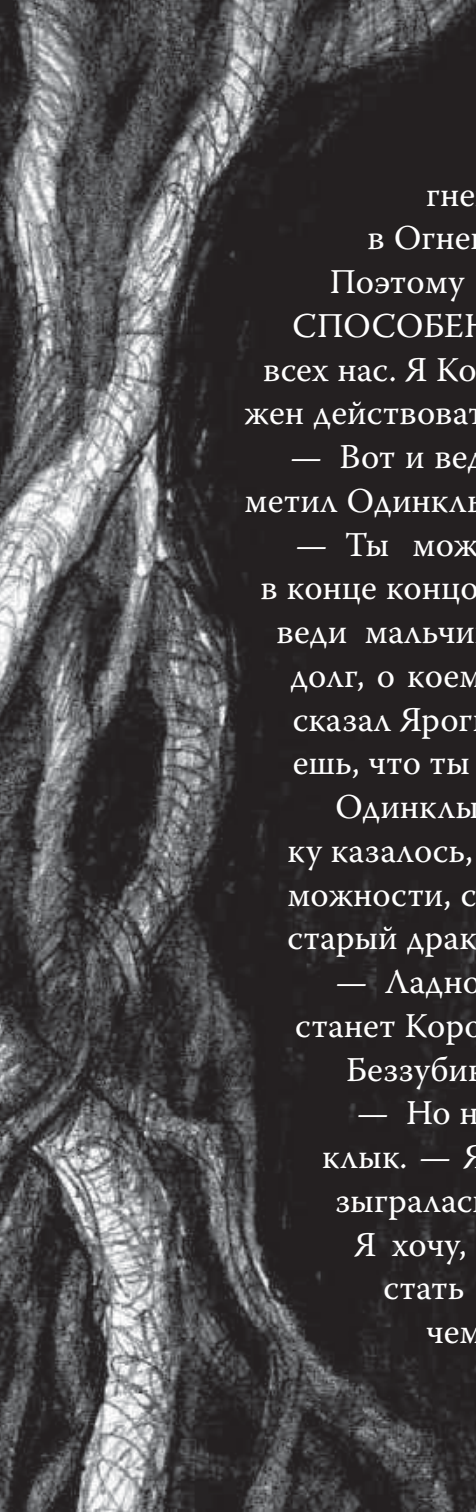
— Признаться, это меня беспокоит.

— Судьба пытается что-то сказать тебе, Одинклык. Мы должны учиться и у прошлого, и у будущего.

Одинклык сидел неподвижно, глядя в грядущее.

— Ты ошибаешься, если думаешь, что это не приходило мне в голову, — ответил он, почти как если бы разговаривал сам с собой. — Я делаю это еще и потому, что хочу верить в невозможное, а юные люди так трогательны в своей вере в невозможное.

— Старая, мы должны обретать мудрость и отказываться от пустых

мечтаний, — возразил Ярогнев. — Ты мог убить мальчишку в Огненной Яме. Ты этого не сделал.

Поэтому приведи парня к тому, кто СПОСОБЕН сделать это. Я убью его ради всех нас. Я Король Драконов, а Король должен действовать во имя большего блага.

— Вот и ведьма так говорит, — мягко заметил Одинклык.

— Ты можешь любить людей, но ты, в конце концов, дракон. И это важнее. Приведи мальчишку ко мне, как велит твой долг, о коем тебе прекрасно известно, — сказал Ярогнев. — Более того, ты сам знаешь, что ты это сделаешь.

Одинклык долго сидел молча. Беззубику казалось, что тот мысленно тасует возможности, словно карты в колоде. Вскоре старый дракон сказал:

— Ладно, Ярогнев. Я предам того, кто станет Королем.

Беззубик оцепенел от ужаса.

— Но не сейчас, — продолжал Одинклык. — Я хочу, чтобы эта история разыгралась почти до самого финала.

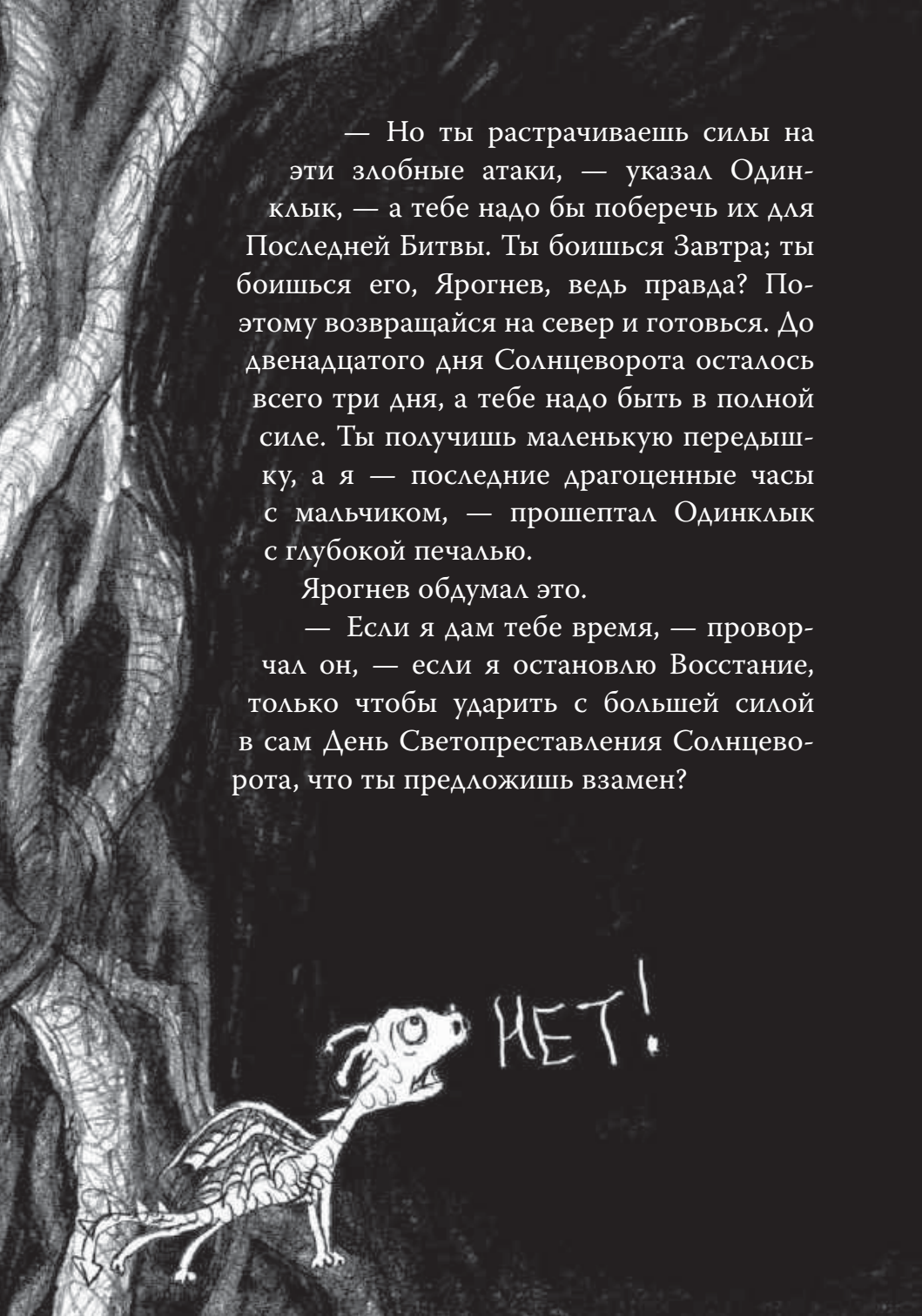
Я хочу, чтобы у мальчика был шанс стать величайшим Героем, прежде чем история закончится так, как

должна... Он так близок сейчас к тому, чтобы стать Героем. Я не хочу его разочаровывать прежде, чем он им станет. Однажды я помог мальчику стать Королем. Дай мне сделать это еще один раз, прежде чем я умру, для одного-единственного человека, даже если это кончится уничтожением всей расы. Давай заключим сделку. Перестань преследовать нас. Отзови свою охоту, уведи Драконье восстание на север готовиться к Войне на Завтра...

— Зачем мне это делать? — насмешливо отозвался Ярогнев. — Я же близко к вам сейчас, я чувствую.

Ладно, Ярогнев.
я предам Короля.

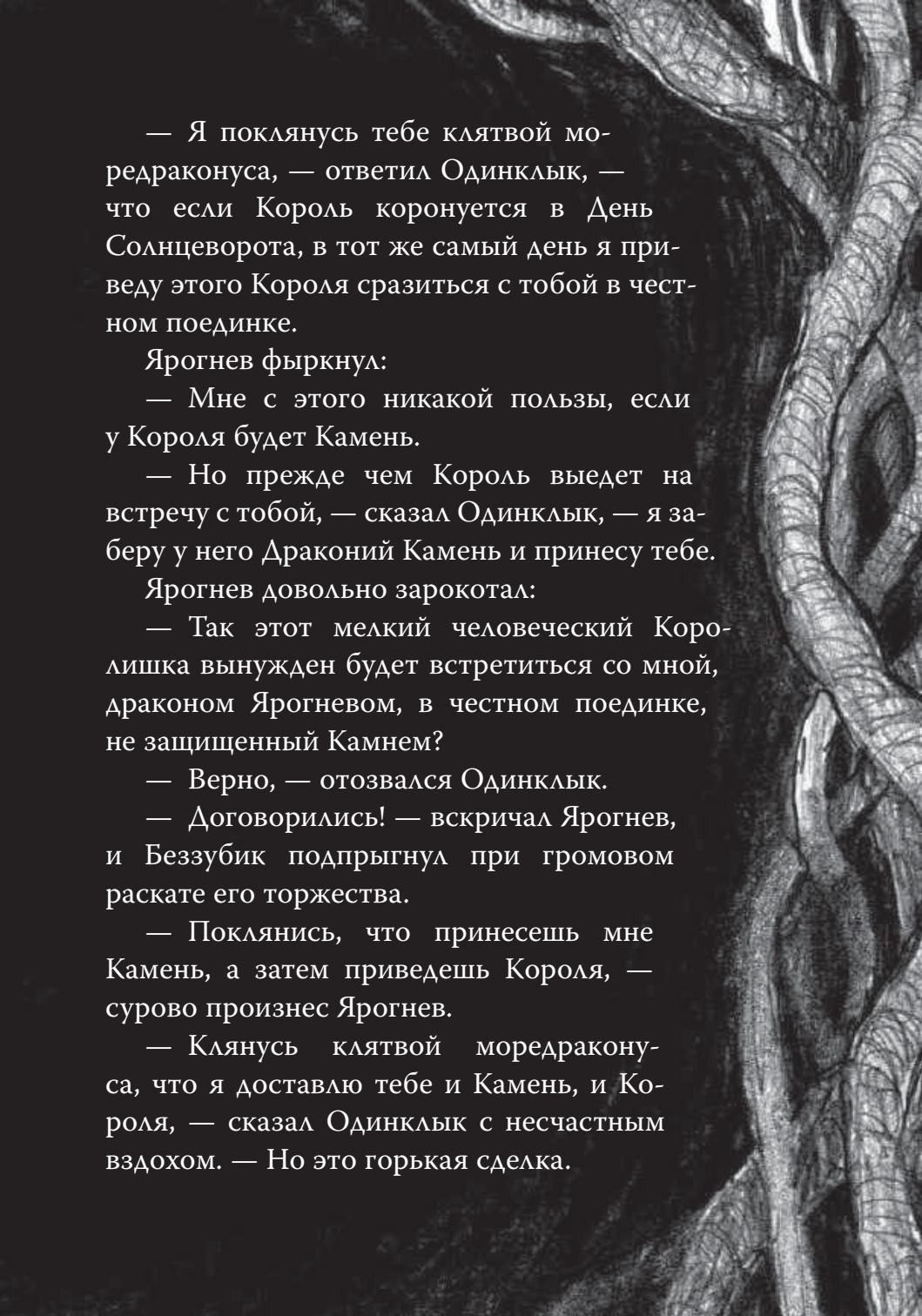

— Но ты растрачиваешь силы на эти злобные атаки, — указал Одиноклык, — а тебе надо бы поберечь их для Последней Битвы. Ты боишься Завтра; ты боишься его, Ярогнев, ведь правда? Поэтому возвращайся на север и готовься. До двенадцатого дня Солнцеворота осталось всего три дня, а тебе надо быть в полной силе. Ты получишь маленькую передышку, а я — последние драгоценные часы с мальчиком, — прошептал Одиноклык с глубокой печалью.

Ярогнев обдумал это.

— Если я дам тебе время, — проворчал он, — если я остановлю Восстание, только чтобы ударить с большей силой в сам День Светопреставления Солнцеворота, что ты предложишь взамен?

— Я поклянусь тебе клятвой моредраконуса, — ответил Одинклык, — что если Король коронуется в День Солнцеворота, в тот же самый день я приведу этого Короля сразиться с тобой в честном поединке.

Ярогнев фыркнул:

— Мне с этого никакой пользы, если у Короля будет Камень.

— Но прежде чем Король выедет на встречу с тобой, — сказал Одинклык, — я заберу у него Драконий Камень и принесу тебе.

Ярогнев довольно зарокотал:

— Так этот мелкий человеческий Королишка вынужден будет встретиться со мной, драконом Ярогневом, в честном поединке, не защищенный Камнем?

— Верно, — отозвался Одинклык.

— Договорились! — вскричал Ярогнев, и Беззубик подпрыгнул при громовом раскате его торжества.

— Поклянись, что принесешь мне Камень, а затем приведешь Короля, — сурово произнес Ярогнев.

— Клянусь клятвой моредраконуса, что я доставляю тебе и Камень, и Короля, — сказал Одинклык с несчастным вздохом. — Но это горькая сделка.

«Нет! — мысленно взвизгнул Беззубик. — Клятва моредраконуса нерушима. Нет! Нет! Нет! Нет! Нет!»

— А я клянусь, что взамен отзову охоту, — произнес Ярогнев. — Ты прав, признаюсь, бешенство утомляет. Хорошо будет передохнуть перед последней битвой.

— **Драконы Восстания!** — воззвал могучий зверь. — **ПРЕКРАТИТЬ АЛАЯ-РОСТЬ!**

И Беззубик услышал, как гул Драконьего восстания снаружи утихает.

Тут Одиноклык улыбнулся:

— Теперь, по крайней мере, ты можешь перестать нас выслеживать, Ярогнев, через мысли беззубого. А я могу перестать тебя сдерживать, что будет большим облегчением для нас обоих...

Ярогнев рассмеялся:

— Ну и мысли у него! Не могу поверить, что это крохотное заикающееся беззубое нечто — моредраконус гигантикус максимус! Он такой глупый, думает, кажется, только о еде.

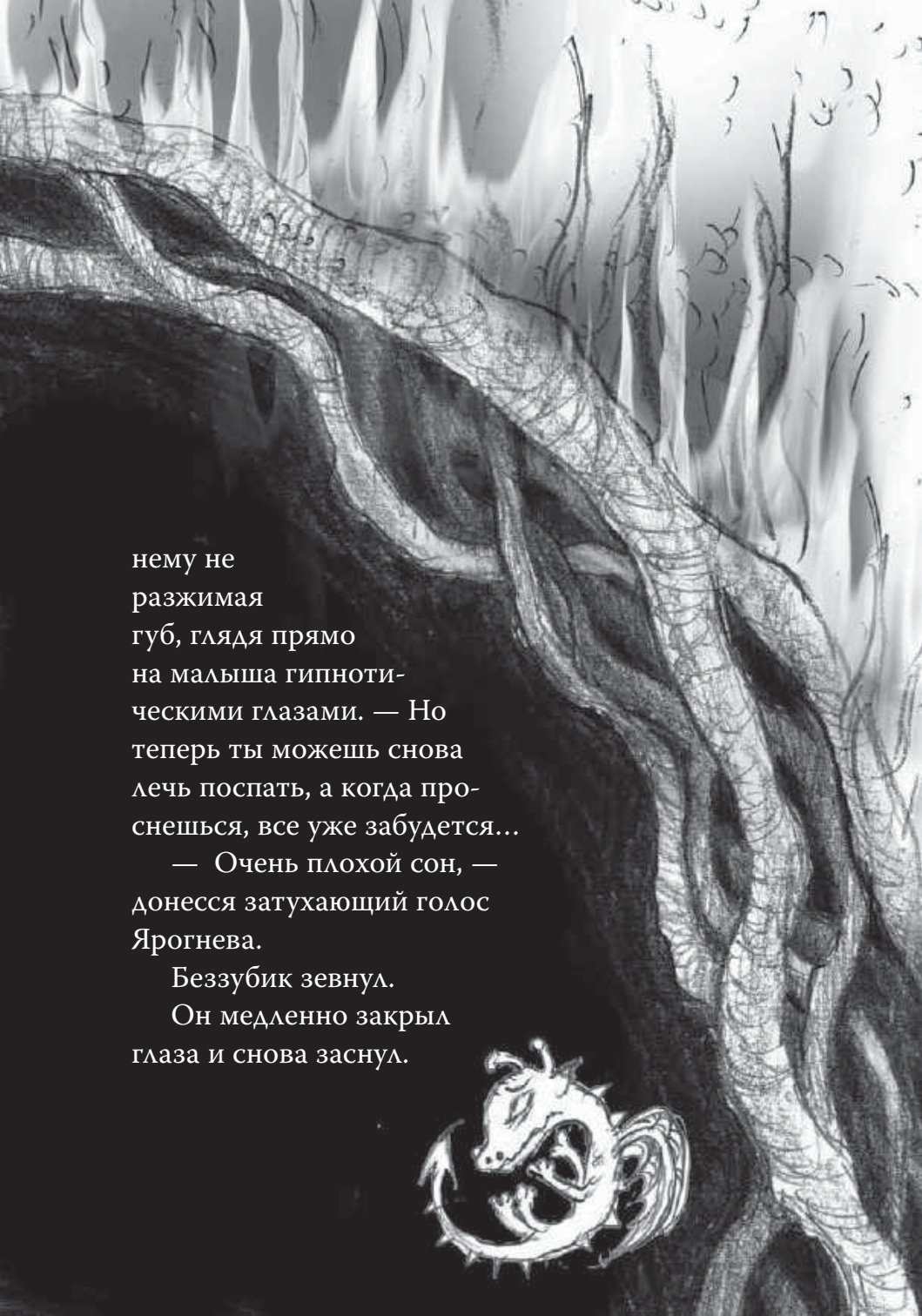
— Он просто маленький, — упрекнул Одиноклык, — он еще не знает, кто он...

— Ну, я вам с-с-скажу! — запротестовал Беззубик. Он был так взбешен, что заговорил вслух. — Вы, часом, не-не про Б'бе-беззубика толкуете? Как может Б'бе-беззубик быть моредраконусом? Это даже г'глупее, чем про Одиноклыка такое говорить! Б'бе-беззубик не хочет, чтобы д'драконы по-подслушивали его мыс-с-сли! И Б'бе-беззубик знает, кто он та-такой! Он обыкновенный сад... то есть нет, он б'бе-беззубый дрём... Ну, кто бы он ни был, Б'бе-беззубик НЕ-НЕ моредраконус, он слишком маленький — и это очень плохой сон!

Одиноклык повернул голову к Беззубику.

— Верно, это очень плохой сон, Беззубик, — произнес старый дракон, по-преж-

нему не
разжимая
губ, глядя прямо
на малыша гипноти-
ческими глазами. — Но
теперь ты можешь снова
лечь поспать, а когда про-
снешься, все уже забудется...

— Очень плохой сон, —
донесся затухающий голос
Ярогнева.

Беззубик зевнул.

Он медленно закрыл
глаза и снова заснул.

Когда он проснулся утром, то содрогнулся.
Рев Драконьего восстания снаружи стих.
Ночью ему снился ОЧЕНЬ плохой сон.
Но про что?
Как он ни старался, ничего не припомнил.

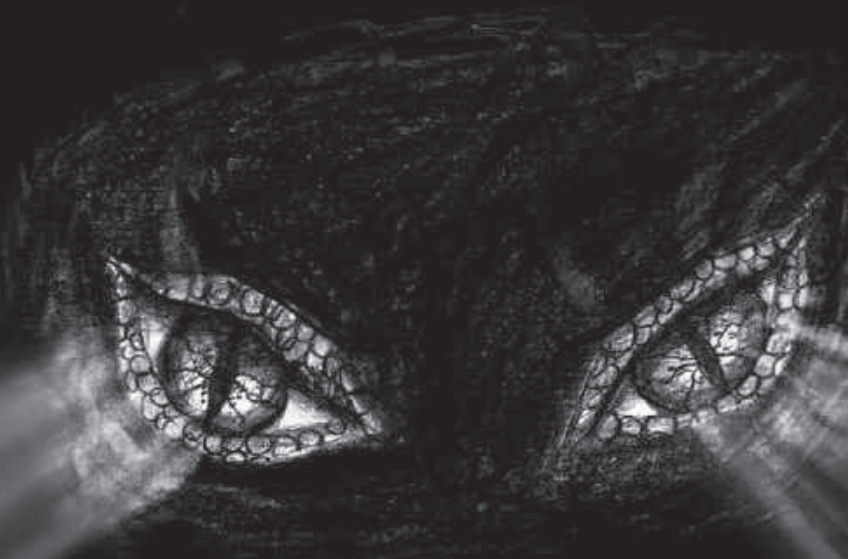

Тем временем...

Где-то в темноте
Камикадза плакала,
хотя Бой-Бабы
не плачут.

А в еще более черной
темноте ме-е-едленно
и неотвратно приближалась
к Иккингу красные глаза...

-МОЙ ЗУБ... ГДЕ-Е-Е
МОЙ ЗУБ? Вот только найду
мерзкого мальчишку, который забрал
у меня здоровый зуб, и убью его.
ГДЕ-Е-Е МОЙ ЗУБ?

8. ВАМ И ЗА СТО ЛЕТ НЕ НАЙТИ ТАЙНЫЙ ЛАГЕРЬ ЭЛВИНА

На следующее утро, к удивлению Иккинга, Мятёжные драконы исчезли. Снаружи догорал и дымился разоренный лес, но ни малейшего признака жизни — ни драконьей, ни человеческой — не просматривалось. Неустанно лил дождь.

— Ушли... — выдохнул Иккинг, не в силах поверить удаче. — Теперь можно отправляться спасать Камикадзу.

— Все за мной, — сказал Иккинг.

Мы должны найти
Камикадзу во что бы то
ни стало..

— А тебе не кажется, что это уловка? — прошептал Рыбьенег. — Наверняка они устроят нам засаду по дороге в лагерь Элвина.

— Я чувствую, что все будет хорошо, — раздался дребезжащий голос Одиноклыка. Он говорил по-викингски. — Не спрашивайте, откуда я знаю, но Ярогнев не станет на нас нападать... пока.

Но несмотря на уверения Одиноклыка, страшно было снова высунуться из укрытия. В любое мгновение на них мог напасть Ярогнев или ведьмины драконы-ищейки.

Когда они улетали, дерево над Норой еще тлело. От него остался почерневший дымящийся пень.

Сморкала верхом на Урагане вел их через злое-щие земли. Иккинг и раньше видел уничтоженные

леса, но теперь было в десять раз хуже. Все молчали, подавленные опустошением.

На месте полустгоревших останков леса теперь дымилась лунная поверхность. Если бы не река, им бы в жизни не найти дороги — пейзаж изменился неузнаваемо.

Целые горы оказались снесены и разбиты в щепень, словно от землетрясения. Целые леса превратились в поджаренную щетину тлеющих палок.

Время от времени даже на реке обнаруживались завалы и запруды из гигантских камней, вырванных со склонов скал. Вода в поисках родного русла сочилась, словно кровь из раны, через преграды и вокруг них.

Укус на руке постоянно напоминал Иккингу о вампире-ищейке. Тот мог выследить его через застрявший в ране зуб. Он мог появиться из ниоткуда, из ничего, поэтому Иккинг постоянно оглядывался через плечо, ожидая нападения.

Вся левая половина его тела, до самого колена, уже сделалась лиловой, как синяк.

— Я выгляжу как нравный дракон! — пошутил Иккинг, пытаясь скрыть, насколько он напуган.

А там, где лиловый цвет сошел, все онемело, он вообще не чувствовал левой руки и не мог ею пользоваться. Трудно было цепляться за спину Смертеня. Иккинг говорил себе, что уж после такой-то атаки Драконьего восстания вампир-ищейка точно поспешил унести лапы куда подальше. Они крадучись, перебежками пробирались через запустение, испуганно укрываясь то за одним, то за другим обгоревшим стволом. Даже осеняемые

Мы найдем ее...
Найдем...

крыльями Смертения, они все равно чувствовали себя ужасно заметными — единственные, кто двигался в пустыне, где не осталось ничего живого.

«Должно быть, так выглядит конец мира», — думал Иккинг.

— Ух ты-ы, — протянул Сморгала. — Этому дракону всерьез приспичило добраться до тебя, Никчемный. Не хотел бы я оказаться на твоём месте, если он тебя отыщет...

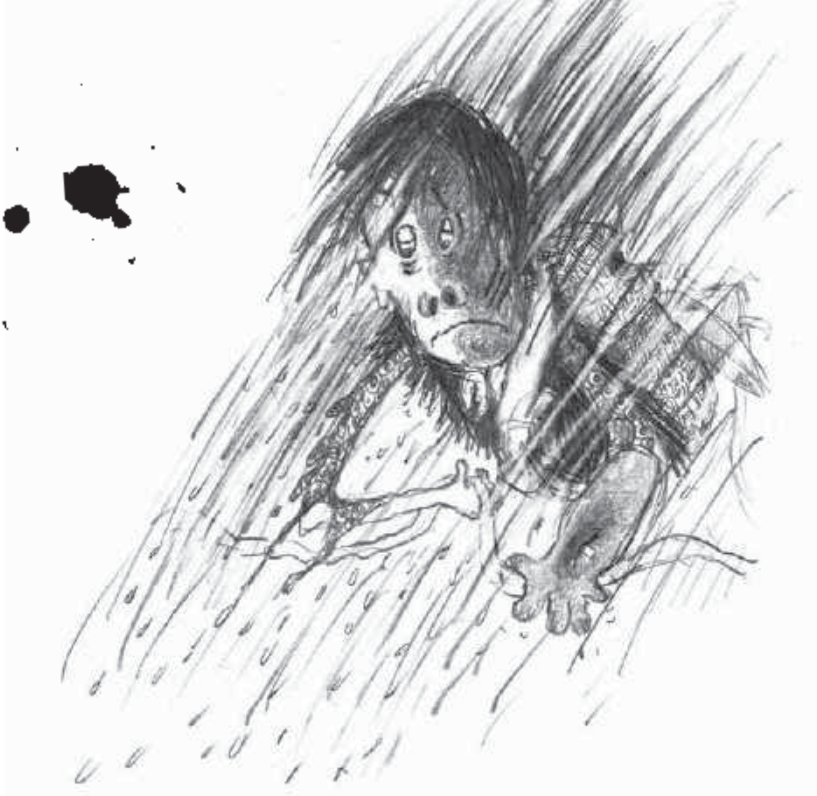
— Но почему Ярогнева здесь нет? — пробормотал Иккинг. Когда он щурился, оглядываясь, его левое веко подергивалось сильнее прежнего. — Почему он нас не преследует? Он знает, что мы где-то здесь, в этих горах. Почему он не охотится? Это не похоже на него. Что-то тут не так. Когда дракон загнал добычу, он стремится ее убить. Куда он подевался?

Одинклык невинно порхал над головой Иккинга.

Вдруг Беззубик ни с того ни с сего налетел и укусил старого дракона.

— Эй! Беззубик!
Так нельзя! — воскликнул Иккинг. — Это совсем некрасиво...

— Из-извиняюсь... — проскулил Беззубик, совершенно обалделый. — Не-не знаю, почему Б'бе-беззубик это сд'делал... Все это страшшшшновато для б'бе-бедного Б'бе-беззубика ...

Издерганный и нервный, он и впрямь был сам не свой.

Они спустились по реке и слезли с драконов возле гигантского водопада, где накануне ночью едва не убились Камикадза со Сморкалой. Тонны воды обрушивались со скалы в море.

— Лагерь Элвина прямо здесь, — объявил Сморкала гордо. — Он жуть какой огромный. Сотни и сотни кораблей — целый плавучий город.

— О чем ты, тролль тебя пришиби? — не понял Рыбьеног, который вглядывался в даль, приложив ладонь козырьком ко лбу. — Этот лагерь невидимый, что ли, как вампиры-ищейки?

Рыбьеног говорил дело. Прямо перед ними, насколько хватало глаз, простирался пустынный океан с разбросанными по нему монументальными айсбергами самых причудливых форм.

И ни малейшего признака громадного скрытого лагеря.

— Я ведь только что сказал, Рыбьеух, — отозвался Сморкала. — Лагерь Элвина здесь.

Иккинг и Рыбьеног уставились на Сморкалу, отвесив челюсти.

— Ты спятил? Или просто врешь? — спросил Рыбьеног. — Лагерь не может быть невидим!

— Вот поэтому вам нужен я, — самодовольно ответил Сморкала. — Он прямо под нами. — Он многозначительно помолчал и наконец снизошел до объяснений: — Лагерь за водопадом.

Люди и драконы глядели на него круглыми от изумления глазами.

— За этим водопадом поистине великанская морская пещера, — хвастливо заявил Сморкала. — Внутри пещеры над водой ведьма с Элвином и выстроили свою крепость на сваях.

Иккинг с Рыбьеногом с благоговением уставились на титанический каскад воды, падающий вниз, вниз, вниз в море.

Зимогрызки

~ ХАРАКТЕРИСТИКИ ~

ФАКТОР УСТРАШЕНИЯ.....	6
АТАКА.....	7
СКОРОСТЬ.....	5
РАЗМЕР.....	2
НЕПОСЛУШНОСТЬ.....	7

Зимогрызки — мелкие драконы. С закрытой пастью выглядят очень мило, но на самом деле это что-то вроде драконов-пираний. Нападают стаями и способны обглодать оленя до костей ровно за три минуты.

— Меньше в-в-вероятность... — простонал Беззубик, — Б'бе-беззубик не-не-ненавидит вероятности...

— Подземная деревня выстроена на деревянных мостках над водой. Поэтому мы летим сразу к этим мосткам и ныряем под них. По дороге есть люки, куда люди Элвина выбрасывают мусор и через которые ловят рыбу. Я могу подвести нас к люку, ведущему в комнату, где они хранят Утраченные Сокровища. Мы пролезем внутрь, заберем Сокровища и погрузим их на Смертенья через люк.

— Смехотворный план! — взвыл Рыбьенег. — Не могу поверить, что ты даже думаешь о таком, Иккинг!

— Твой рыбьеногий друг весьма подозрителен, Иккинг... — заметил Сморкала, сверкнув глазами. — А ты мне веришь? Вот в чем вопрос.

— Я собираюсь довериться тебе, — сказал Иккинг.

— Ох, пыльные плоские плавники Локи, — простонал Рыбьенег, ни к кому в особенности не обращаясь. — Я всего-то хотел тихой спокойной жизни скальда. Маленький домик. Звонкая арфа. Неужели я так многого прошу? А кем боги меня делают вместо этого? Главным бойцом в межвидовой ВОЙНЕ. Вот уж невезение так невезение...

Ветрогон прижался к Рыбьеногу и ласково и понимающе лизнул его в лицо. Рыбьенег невольно улыбнулся:

— Драконы слюни. От них всегда лучше.

— Великолепно, — усмехнулся Сморкала, взбираясь на Урагана. — Летите вплотную за мной.

Сморкала взлетел, но прежде, чем последовать за ним, Иккинг поманил остальных в кружок.

— Что мы делаем? — прошептал Рыбьеног.

— Я *хочу* доверять Сморкале, — сказал Иккинг. — Я правда-правда хочу ему доверять, но не до конца уверен, что могу. Поэтому на случай, если он в итоге нас все-таки предаст, вот План «Б».

— Ах, — прошелестел Одиноклык. — Это умно. Ты учишься, Иккинг. Надейся на лучшее, но готовься к худшему — так рассуждает истинный Король.

Рыбьеног согласился:

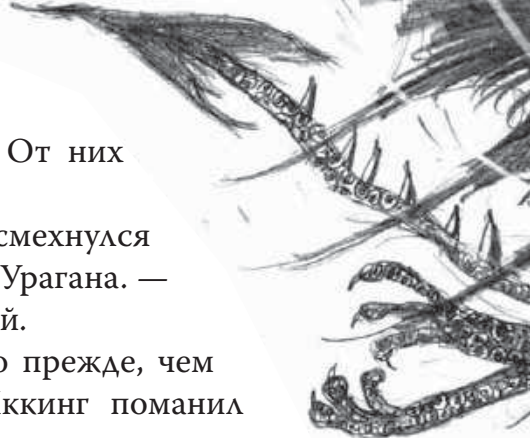
— Ффу-у, я так рад, что есть План «Б». Мне не очень нравится План «А».

Как можно быстрее Иккинг обрисовал всем План «Б», и драконы с людьми понимающе закивали.

— Но План «Б» даже опаснее Плана «А»! — пожаловался Рыбьеног.

— Ну, я очень надеюсь, что нам не придется его задействовать, — мрачно отозвался Иккинг.

— Давайте же! — шепотом крикнул Сморкала, зависший десятью метрами ниже, у края во-

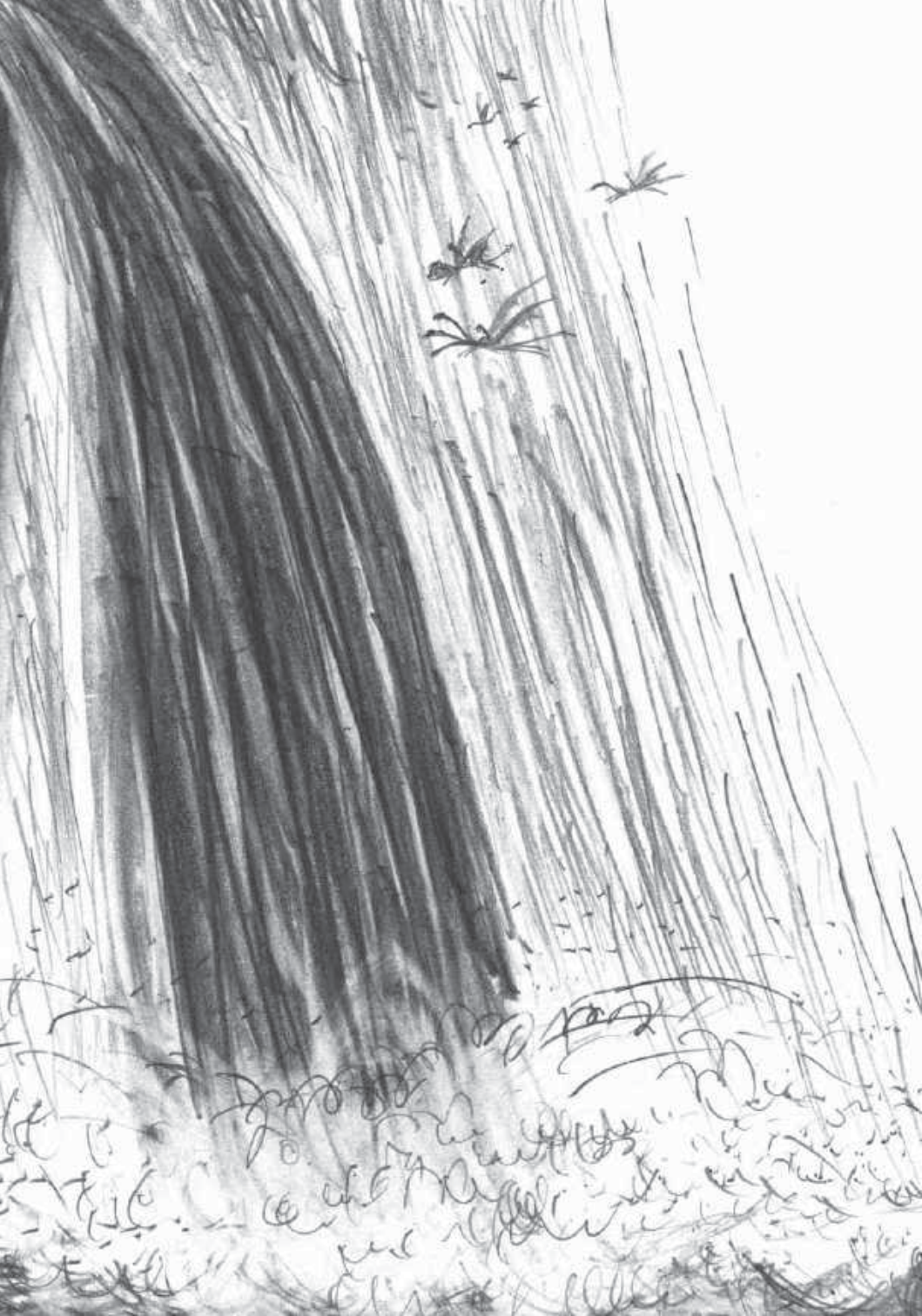
допада. — У нас не вся ночь впереди, котятки! Я теперь вождь, и когда я говорю «идем», это значит ИДЕМ! Честно, Иккинг, ты и твоя теплая компания понятия не имеете о воинской дисциплине, вот ни малейшего...

— Мне нравится этот Новый Улучшенный Сморкала с Дополнительным Старомодным Обаянием, — заметил Рыбьенег, взбираясь на Смертене. — А вам?

Иккинг летел на Ветрогоне, а Рыбьенег на Смертене. Они на пару секунд зависли перед водопадом, занимая позиции.

При взгляде на бурный поток перед ними казалось невозможным, что по ту сторону что-то есть.

— Проскочить надо очень быстро, так что поторопитесь, — посоветовал Сморкала. — Готовы? ВПЕРЕД!

Рыбьеног пошел первым.

Он несколько раз легонько стукнул пятками. Смерть в тревоге встал на дыбы, ведь Рыбьеног правил прямо в стену воды. Но три головы решительно стиснули зубы, громадный хамелеон принял в точности оттенок рушащегося потока и рванул прямо в него.

Странное ощущение — ринуться в водопад.

Мгновение проникающего до костей ледяного укуса воды, такой холодной, что они едва не заорали — летевший сверху Беззубик и правда выпустил жалобный писк, — и вот они уже на другой стороне, потрясенно ловят ртом воздух. Рыбьеног резко остановил Смерть, и дракон встал на дыбы, загораживая вылетевших следом Ветрогона и Урагана.

Ну и зрелище предстало их глазам, едва проморгавшимся после водопада!

9. В КРЕПОСТИ ЭЛВИНА

Перед ними раскинулась подземная ледяная пещера, титанически огромная, освещенная миллионами и миллионами драконов-светляков. Светляки порхали, лед сиял и переливался. С потолка свисали гигантские сосульки, словно что-то взорвалось сверху и застыло громадными пиками бирюзового льда.

Полом пещере служило море, а на нем, как и говорил Сморкала, ведьма с Элвином выстроили викингский город на сваях. Безумный лабиринт деревянных платформ вился от одного края пещеры до другого. Дома, кузницы, оружейные и даже кривоватый Зал Собраний в середине были сколочены из обломков кораблей и потому выглядели довольно пестро. Над Залом развевался флаг Вероломного с черепом и скрещенными костями.

Вокруг города теснилась минимум сотня черных кораблей, припавших к воде, словно хищные пауки. По бортам их пылали факелы. И тут же присутствовало знакомое печальное зрелище — гигантские драконьи клетки. Оттуда раздавался душераздирающий вой плененных, перепуганных драконов и доносился запах раскаленного металла — ковали цепи. Элвин с маменькой вновь использовали драконов как рабов.

Картина была ужасная, но Иккингу она послужила полезным напоминанием. Ведь в хаосе и ужасе войны так легко забыть, за что сражаешься. А теперь он снова осознал, что, хотя и делал ошибки — выпустил Ярогнева и потерял Камикадзу, — ошибки эти он делал не просто так.

Это необходимо остановить.

В будущем не место рабству и горю.

Новый мир ДОЛЖЕН родиться.

Иккинг разглядел шлемы Воинов Драконьей Печати на длинных шестах, победно торчащих над городом, и у него подвело живот.

Бедная Камикадза где-то там.

«Ох, пожалуйста, пусть с ней все будет в порядке...»

Свирепого вида приспешники Элвина бегали по деревянным переходам, орали друг на друга, зажигали факелы, готовили еду и ковали оружие.

Над ними кружили часовые верхом на рабах-быкостражах. Выпученные глаза драконов испускали мощные лучи — они патрулировали лагерь, охраняя его от чужаков.

Мысль о том, что такое громадное скопление домов и кораблей можно прятать от Воинов Драконьей Печати и Ярогнева так долго, не укладывалась в голове, но рев водопада полностью заглушал шумы, запахи и огни этого оживленного подземного города.

Иккинг поправил меч.

— Идем, — шепнул он.

Трехглавый дракон спланировал к деревянным платформам шумной деревни. Ветрогон и Ураган летели вплотную под его крыльями, прячась от кружащих часовых на быкостражах.

Когда Смерть ухнул вниз, в глазах у Сморкалы вспыхнуло восхищение.

— Должен признать, Никчемный, — прошептал он, — что для кучки хиляков-недомерков вы умеете путешествовать на редкость стильно.

Пока они пролетали мимо быкостражей, сердце у Иккинга колотилось так, словно вот-вот выпрыгнет из груди. Один из быкостражей резко обернулся, возможно почувствовав дуновение ветра от крыльев Смерть или услышав приглушенный шепот охотничьих драконов...

«Нас наверняка заметили», — оцепенев, подумал Иккинг.

Они снижались, и Иккинг задрал голову, в любую минуту ожидая рева и воя воздушной погони. Но ничего не происходило, ни тени подозрения не отразилось на лицах часовых или мордах их драконов. Воины Элвина продолжали патрулирование, лучи обшаривали бухту ровными кругами.

Смерть спланировал вниз и нырнул под ближайшую деревянную платформу. За ним последовали Ураган с Ветрогоном, Мухрюндель, Буримуха, Одиноклык и Беззубик.

Иккинг с облегчением выдохнул.

Под лабиринтом деревянных платформ Смертеню едва хватало места. Кончики крыльев при полете задевали воду, пока он лавировал между сваями, торчавшими из воды, словно ноги.

Дико было лететь *под* городом. Глядя вверх, Иккинг различал в щели между досками башмаки людей, проходивших по тротуарам над ними. Впереди открылся люк, и Ветрогон едва успел прыгнуть в сторону — кто-то вывернул в дыру ведро рыбьих потрохов и захлопнул крышку снова.

Под ними гнили в воде остовы затонувших кораблей. Сморкала посадил Урагана на днище перевернутого судна, торчащее над поверхностью, и ткнул большим пальцем вверх.

— Вот этот люк, — прошептал он. — Пока ведьма нас не поймала, мы с Ураганом провернули кучу разведывательных операций, выискивая Сокровища. Смотри, я пометил люк крестом, чтобы не перепутать, когда вернусь.

Иккинг с Рыбьеногом посадили своих драконов рядом с ним. Три дракона рядком устроились на корпусе затонувшего корабля, словно три здоровенных поморника на скале.

— А кто их там охраняет?

Глаза Сморкалы блеснули:

— А, пара сонных стражников. Но мы же с ними справимся, правда?

— Он лжет... — прошептала Буримуха по-драконьи. — Поверь лжецу, лжеца я распознаю...

— Если мы залезем туда все втроем, — продолжал Сморкала, — то сможем протащить Трон в люк и установить его на спине Смертеня. А затем отправимся в тюрьму и спасем Камикадзу.

Иккинг достал меч и с трудом сглотнул:

— Ладно. Одиноклык, Мухрюндель, Буримуха, вы остаетесь здесь с Ветрогоном и Смертенем.

— Гав, гав! — послушно отозвался Мухрюндель. — Держитесь левой стороны! Выходи за меня, солнышко! Где выход?

— Беззубик, — сказал Иккинг, — ты можешь пойти со мной, не хочу выпускать тебя из поля зрения...

— Потому что Б'бе-беззубик Самое Луч'чшее Утраченное Сокровище? — просиял дракончик. — Видишь, Буримуха! Видишь, Одиноклык! Видишь, очень-очень глупый дракон, похожий на свинью! Б'бе-беззубик так важен, что Иккинг не может выпустить его из виду... Б'бе-беззубик О-О-ОЧЕНЬ-ОЧЕНЬ важный...

— Смертеня подвезет нас всех троих к самому люку. Ветрогон, не откроешь его для нас?

Ветрогон одним выдохом сжег болты вокруг люка, и крышка вывалилась.

Иккинг, сидя на спине у Смертеня, зависшего ровнехонько под люком, заглянул внутрь. Там было абсолютно темно и абсолютно тихо.

— Я пойду первым, — прошептал Смorkала, — потому что знаю, где что.

Глаза его странно блеснули.

От возбуждения?

Или от чего-то иного?

Смorkала глянул на лицо Иккинга, выражавшее некоторое сомнение, и рассмеялся:

— Ты же доверяешь мне, Иккинг?

— Б'бе-беззубик ему не доверяет... — тихо-тихо произнес Беззубик у Иккинга за пазухой. — Это как доверять змее, что она тебя не уж-жалит...

— Я хочу доверять тебе, — ровным тоном произнес Иккинг. — Я очень-очень хочу доверять тебе, Смorkала...

Смorkала опустил глаза. Не сделался ли у него виноватый вид, всего на долю секунды?

Затем он вытащил кинжал и зажал его в зубах.

Смorkала встал на спине Смертеня и подтянулся на краю люка. Затем качнулся, забрался в темноту и исчез.

— Это б'бе-безумие, — донесся приглушенный голос Беззубика.

Да, это было безумие.

Сморкала еще ни разу не давал Иккингу повода ему доверять.

Но едва Сморкалины пятки исчезли в люке, как Иккинг вскарабкался следом.

Он судорожно сглотнул и поднялся на ноги и попытался разглядеть, куда делся двоюродный брат.

— Сморкала? — нервно шепнул он.

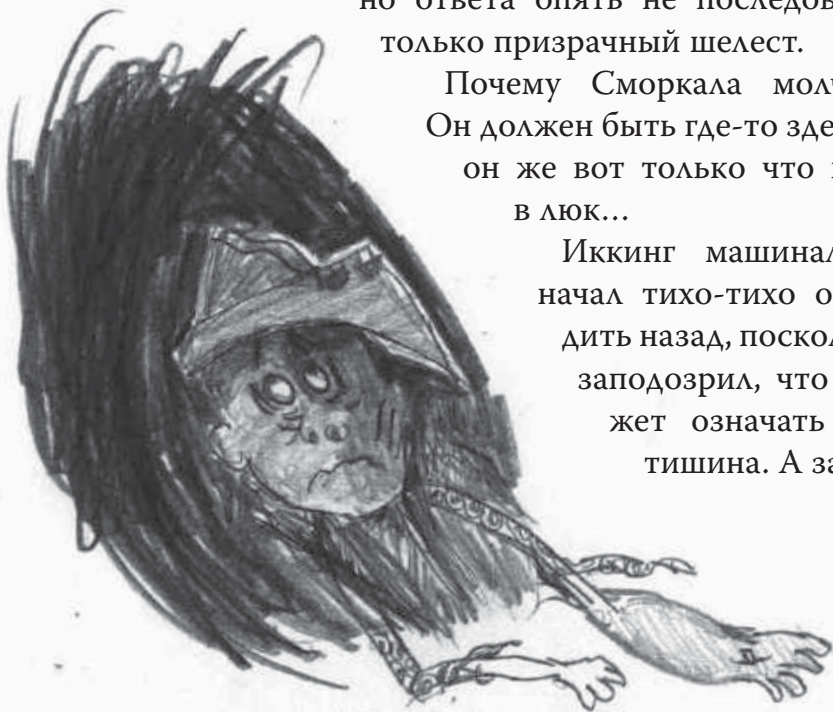
Нет ответа.

Непроглядная темнота, казалось, не только не давала видеть, но приглушала все остальные чувства. Глаза Иккинга отчаянно таращились в черноту, но он ничего не видел.

— Сморкала? — шепнул он снова, чуть громче, но ответа опять не последовало, только призрачный шелест.

Почему Сморкала молчит?
Он должен быть где-то здесь...
он же вот только что вошел
в люк...

Иккинг машинально начал тихо-тихо отходить назад, поскольку заподозрил, что может означать эта тишина. А затем

его ноздрей достиг знакомый запах, еле уловимая вонь тухлых яиц...

Этот смрад Иккинг узнал бы где угодно.

Этот изысканный аромат был характерен для племени Душегубов. Каждый член племени вонял, как скунс, и верно служил Элвину и ведьме.

Иккинг уже слышал шарканье громадных ног, хриплое дыхание не одного-единственного большого воина, но многих.

Это означало только одно.

Измена.

Вероломство и измена.

Сморкала его предал.

Зарывшись поглубже под безрукавку, Беззубик нежно и отчаянно покусывал хозяина за живот.

«Я должен бежать, — подумал Иккинг. — Рухнуть обратно в люк и улететь на Ветрогоне».

Но если Сморкала его предал, значит Сморкала на самом деле не знал, где прячут Утраченные Сокровища. Поэтому оставалось только одно.

План «Б».

Иккинг сунул голову в люк. Рыбьенег уже стоял на спине у Смертеня, собираясь с духом, чтобы протиснуться следом за Иккингом.

— План «Б»! — шепнул Иккинг.

Рыбьенег вытаращился на него в шоке.

— Нет... только не план «Б»... Сморкала что, уже нас предал?

— План «Б»! — повторил Иккинг.

И хотя чутье надсадно орало, что надо бежать, он отодвинулся от люка, от бегства и свободы, обратно, в неизвестность темной комнаты.

Еще два шага, и Иккинга схватили грубые руки.

— ПОПАЛСЯ! — вскричал кто-то, и еще трое тоже схватили Иккинга.

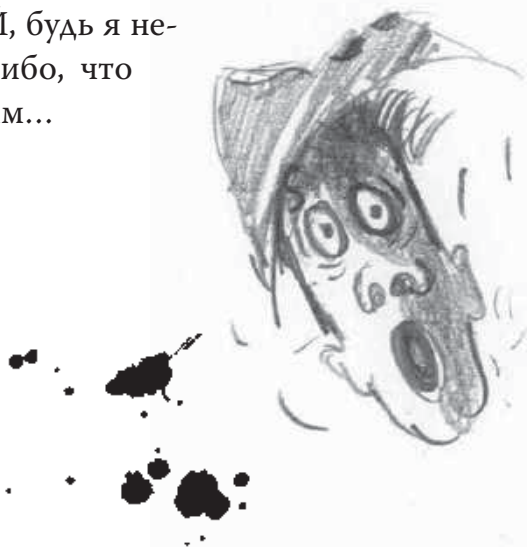
Он не оказывал сопротивления, но его все равно изрядно поколотили.

Из темноты его вытащили на слепящий свет, в комнату, полную людей, которые непринужденно болтали и смеялись. Увидев Иккинга, они все резко замолчали.

Ослепленный светом, он узнал первого заговорившего по голосу.

Он странно изменился, этот голос, — сделался какой-то глухой, визгливый и хриплый одновременно. Но сомнений быть не могло: голос принадлежал злейшему врагу Иккинга, Элвину Вероломному.

— Ого, ИККИНГ КРОВОЖАДНЫЙ
КАРАСИК ТРЕТИЙ, будь я не-
ладен! Вот уж спасибо, что
присоединился к нам...

10. ВЕРОЛОМСТВО И ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Глаза постепенно привыкли к свету, и Иккинг сообразил, что, по-видимому, находится в кособоком Зале Собраний, прямо посередине города на воде. Помещение было грубо сколочено из перевернутых корпусов трех древних викингских кораблей, некогда затонувших на рифах Мародерской гавани.

Вдоль стен громоздились поставленные друг на друга клетки, до самого потолка. В них томились пленные люди и драконы.

В центре собрались люди Элвина.

Они представляли собой мрачную, татуированную, уродливую толпу жестоких и злобных негодяев, самых гнусных Гостедавов, Душегубов, Отщепенцев, Истероидов и Страхолюдов. Темная сторона архипелага в полном составе последовала за Элвином и ведьмой и сделалась еще гаже. Эти двое будили в людях самое худшее.

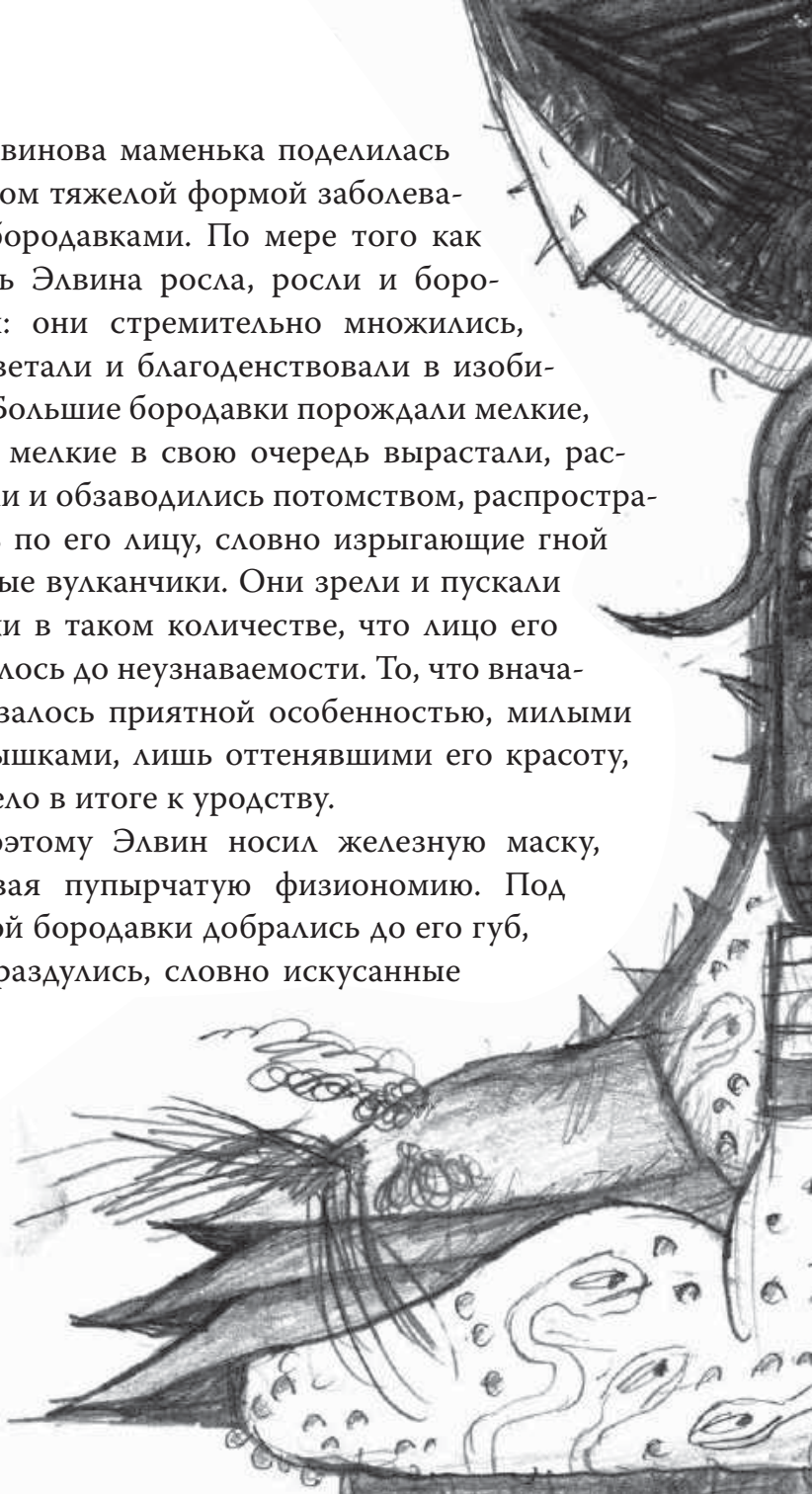
Иккинга выволокли на середину Зала и толкнули вперед, к человеку в железной маске.

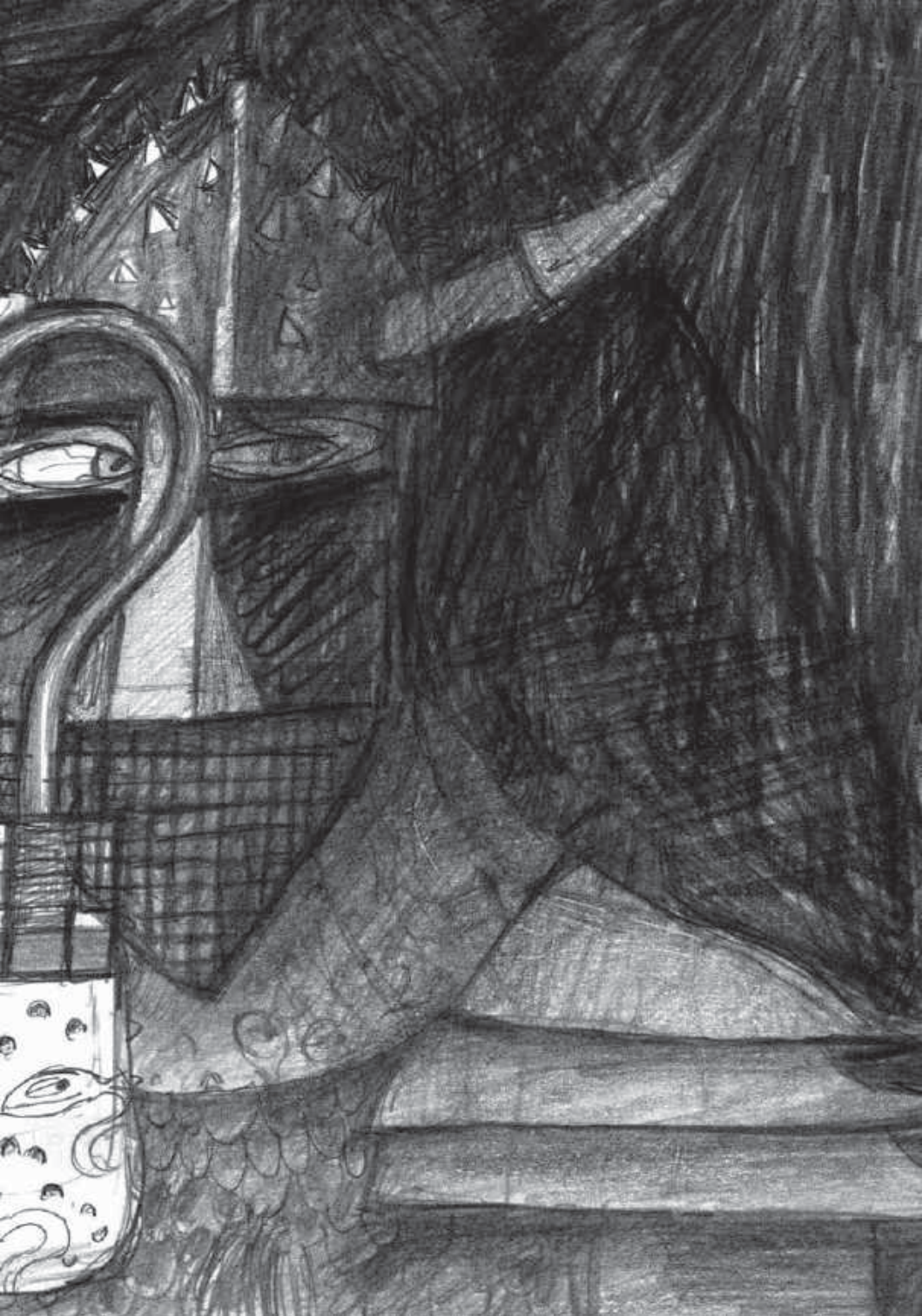
Сморкала вразвалочку зашел следом.

Иккингу потребовалось несколько секунд, чтобы узнать в железной маске Элвина Вероломного.

Элвинова маменька поделилась с сыном тяжелой формой заболевания бородавками. По мере того как власть Элвина росла, росли и бородавки: они стремительно множились, процветали и благоденствовали в изобилии. Большие бородавки порождали мелкие, а эти мелкие в свою очередь вырастали, разпухали и обзаводились потомством, распространяясь по его лицу, словно изрыгающие гной веселые вулканчики. Они зрели и пускали ростки в таком количестве, что лицо его раздулось до неузнаваемости. То, что вначале казалось приятной особенностью, милыми пятнышками, лишь оттенявшими его красоту, привело в итоге к уродству.

Поэтому Элвин носил железную маску, скрывая пупырчатую физиономию. Под маской бородавки добрались до его губ, и те раздулись, словно искусанные

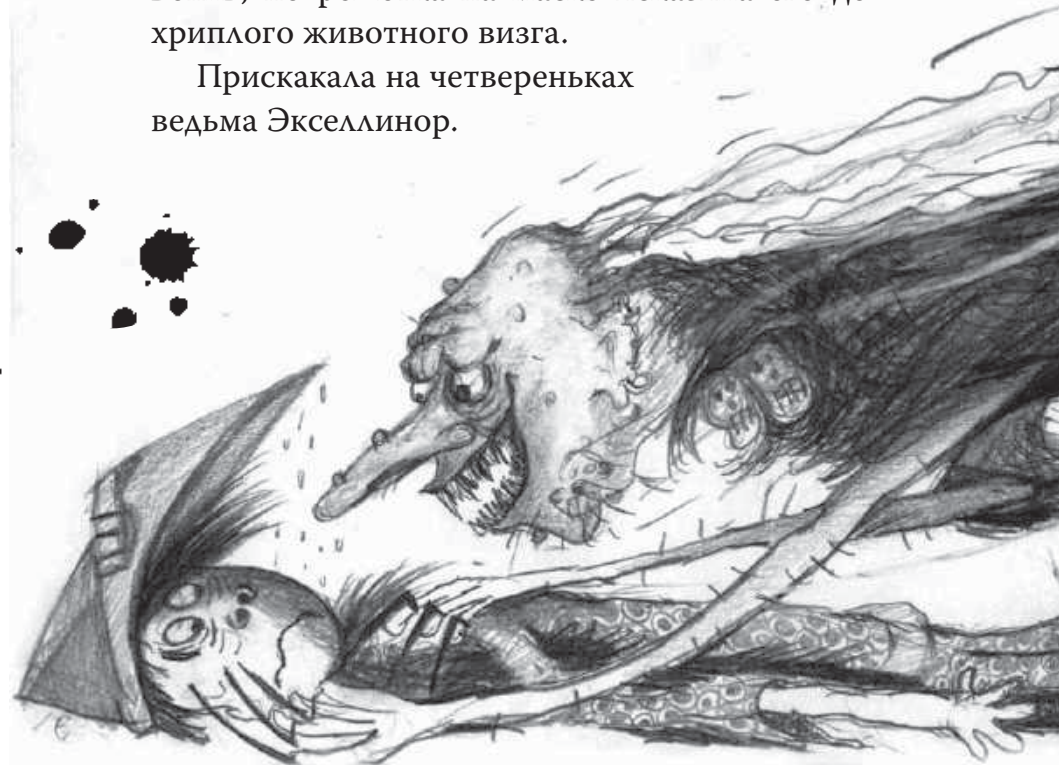
пчелами. Из-за этого, а также и из-за решетки на месте рта дыхание и голос его приобрели жуткую свистящую хрипотцу.

Ни одного из Утраченных Сокровищ при нем не было... даже браслета с рубином в форме сердца.

Теперь Элвин был воин, собранный почти целиком из металла, от блестящего крюка до копий, мечей и стрел, которыми был увешан. Даже костяную ногу подбили сталью. Вместе с множеством других жутких орудий войны на поясе у него висели не только шлемы врагов, но и остатки их бород — страшное и печальное зрелище.

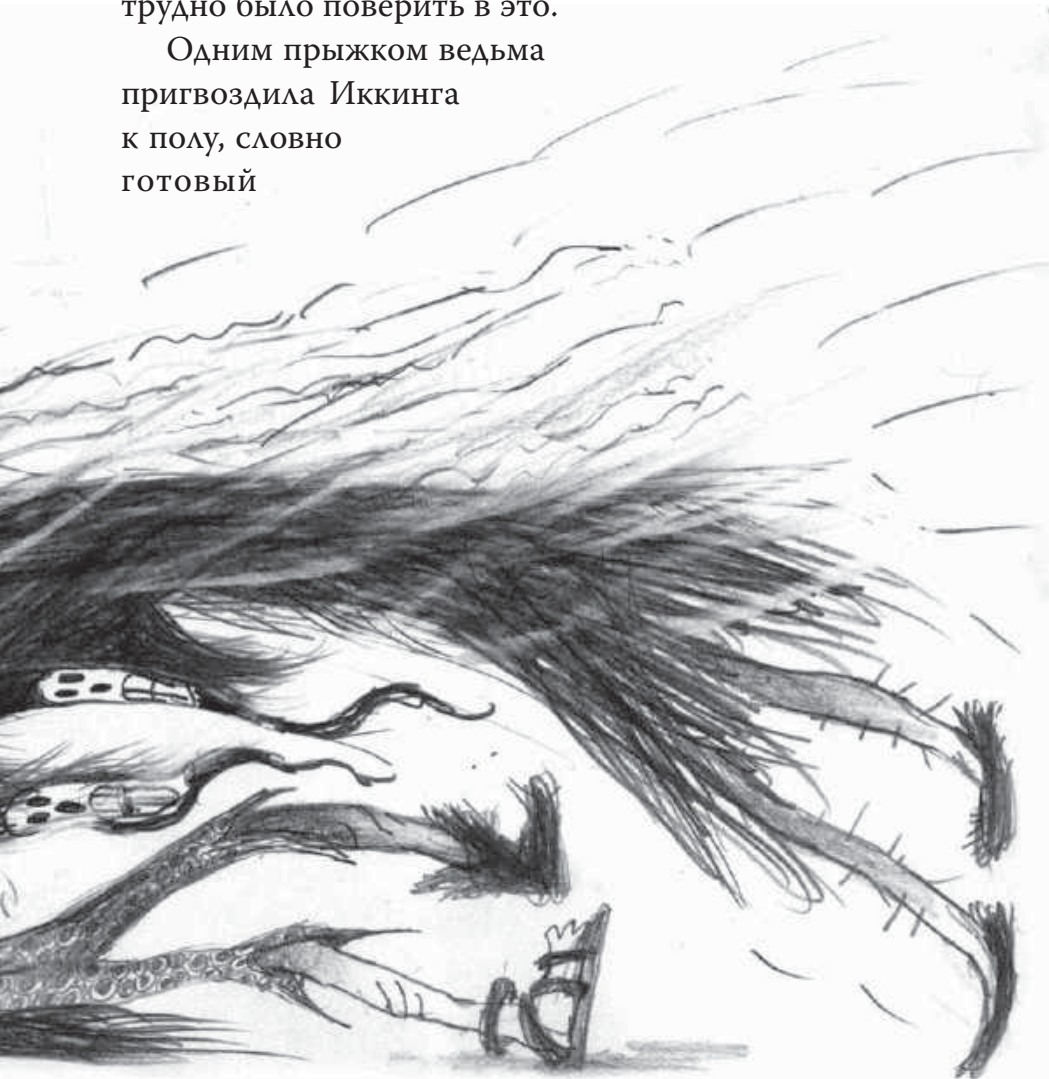
Узнав Иккинга, Элвин испустил восторженный вопль, но решетка на маске исказила его до хриплого животного визга.

Прискакала на четвереньках ведьма Экселлинор.

Выглядела она как длинный тощий мертвец-ки-бледный волчий скелет. Всякая человечность и цвет давно покинули это создание. Может, когда-то оно и было женщиной, но, глядя на полуоблысевшую голову, татуировки и торчащий подбородок, заросший длинными белыми волосьями, трудно было поверить в это.

Одним прыжком ведьма
пригвоздила Иккинга
к полу, словно
готовый

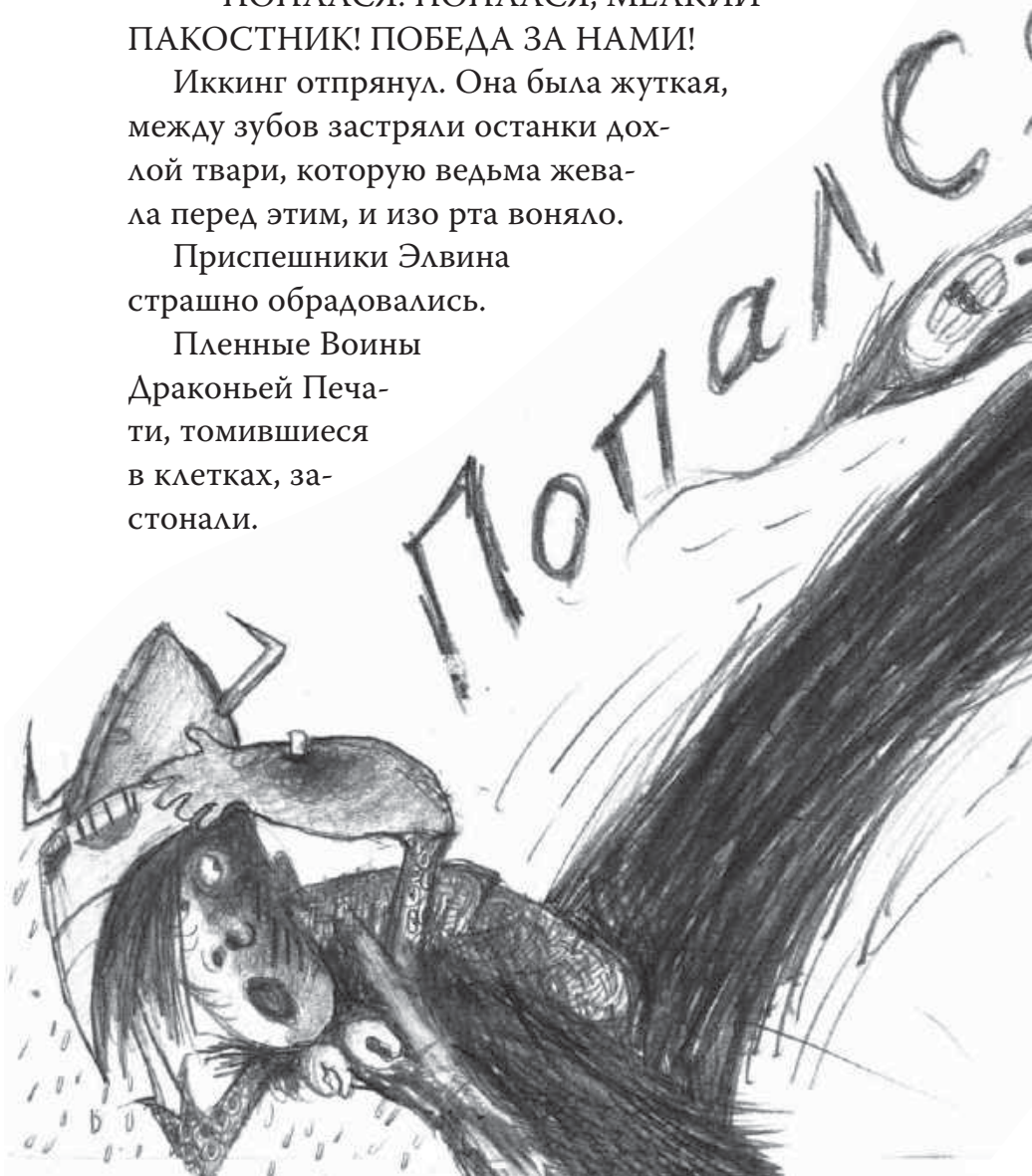
ударить дикий зверь, разинула ужасную пасть с гнилыми зубами, сточенными и заостренными, как у акулы, и заорала, обдав беднягу брызгами мерзкой слюны:

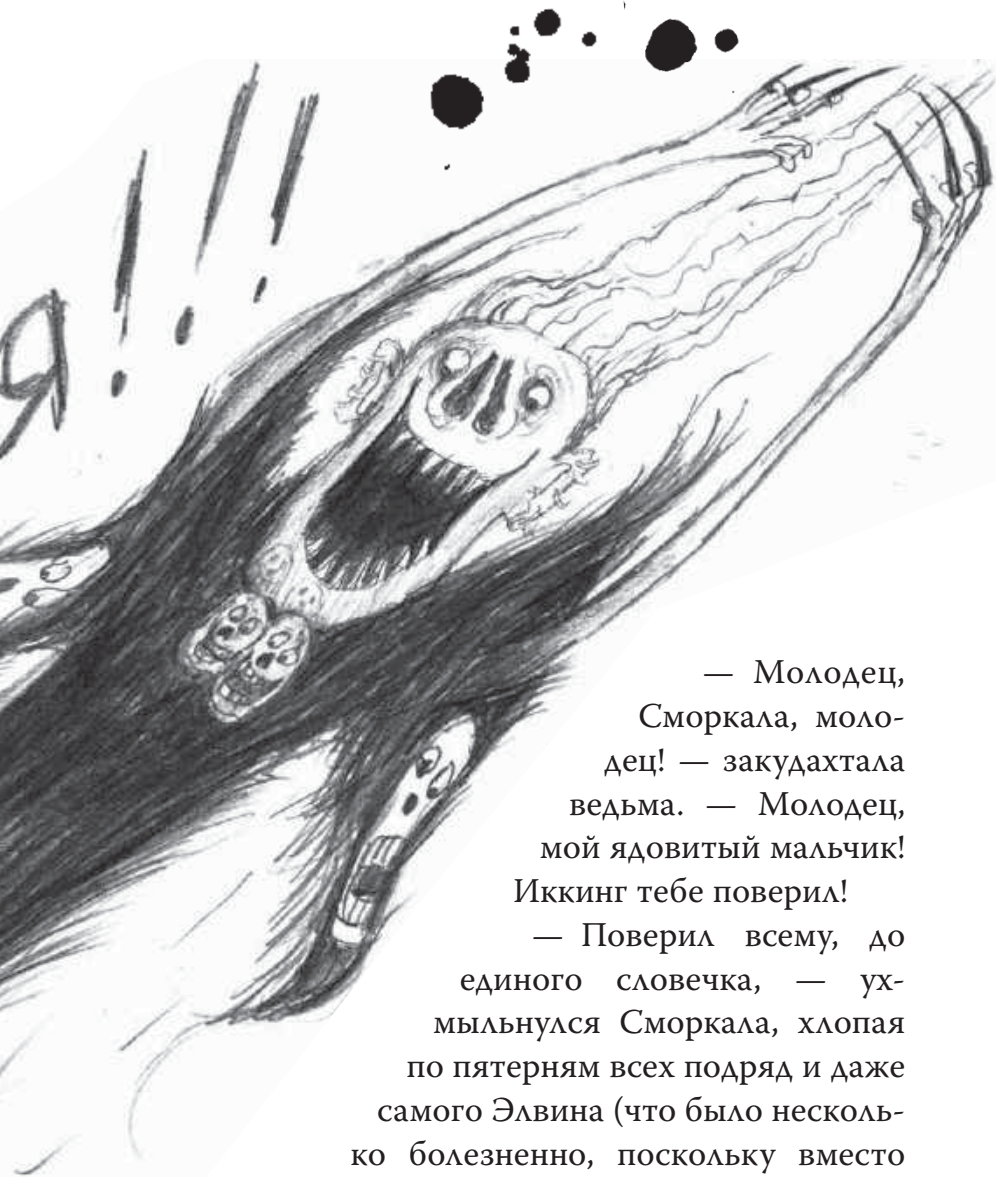
— ПОПАЛСЯ! ПОПАЛСЯ, МЕЛКИЙ
ПАКОСТНИК! ПОБЕДА ЗА НАМИ!

Иккинг отпрянул. Она была жуткая, между зубов застряли останки дохлой твари, которую ведьма жевала перед этим, и изо рта воняло.

Приспешники Элвина
страшно обрадовались.

Пленные Воины
Драконьей Печати,
томившиеся
в клетках, за-
стонали.

— Молодец,
Сморкала, моло-
дец! — закудахтала
ведьма. — Молодец,
мой ядовитый мальчик!
Иккинг тебе поверил!

— Поверил всему, до
единого словечка, — ух-
мыльнулся Сморкала, хлопая
по пятерням всех подряд и даже
самого Элвина (что было несколь-
ко болезненно, поскольку вместо
ладони у Элвина был крюк) .

— Отменные новости, — пропел
Элвин. — Значит, на ужин у меня сегодня
сердце Иккинга...

— Гадость какая! — рывкнул чей-то голос.

Он донесся из большого сундука в углу зала.

— Камикадза!

Ох, хвала Тору, Одину и вообще всем! Иккинг едва не сомлел от облегчения.

— Как ты там, Камикадза?

— Все отлично! — донесся веселый голос из сундука. — Лучше не бывает. Не волнуйся за меня, Иккинг. У меня все прекрасно...

— Зачем вы посадили Камикадзу в ящик? — потребовал у ведьмы ответа Иккинг.

— А я не хотела, чтобы Мастер Побега сбежал! — промурлыкала ведьма в ответ.

Сундук тщательно обмотали толстыми цепями, запертыми на тяжелые замки. Ведьма исключила всякую возможность побега.

— Ты уверена, что у тебя все нормально, Камикадза? — крикнул сундуку Иккинг.

Он ни на секунду не забывал о ней все это время, да и как он мог?

— Конечно! — ответил сундук. — Здесь просторнее, чем кажется, очень удобно и множество дырок для воздуха... Нет, ну ничего себе, «сердце на ужин»! Постыдился бы, Элвин! И ты, ведьма, ничему ведь не учишься! Иккинг снова вас перехитрит, он снова и снова так делает, и будет вам шах и мат, как всегда!

— Бедная маленькая Бой-баба, — прокудахталась ведьма. — Ветра войны меняются, милая, ветра войны меняются. Видишь ли, у твоего дружка есть слабость...

— Иккинг мне НЕ дружок! — яростно запротестовал сундук.

— Ему хочется верить в лучшее в людях, — продолжала ведьма, не обращая на Камикадзу внимания. — И вот пожалуйста: Сморкала легко перехитрил его.

— Предатель! — плюнул сундук.

— Я ожидала, что ты предупредишь Иккинга, чтобы он не доверял Сморкале, Камикадза. Разве ты этого не сделала? — промурлыкала ведьма.

По молчанию сундука ведьма поняла, что попала в цель. Она в притворном сочувствии поцокала языком.

— Видишь, красавица? Короля не должно быть так легко обмануть. Как ты не понимаешь, что поддерживаешь не ту сторону? Отец мальчика не сумел отыскать наше укрытие, мать не сумела украсть Утраченные Сокровища. Сам мальчишка настолько слаб, что явился прямо в мою ловушку. Не из того он теста, из которого делают королей.

— Ты злая! — заорала Камикадза из сундука.

— Спасибо, — улыбнулась ведьма. — Как я говорила, ветра войны меняются в мгновение ока. И ты тоже можешь сменить сторону, если захочешь. Всем в этом Зале следует знать, что еще не

поздно сменить привязанности и оказаться на стороне победителя.

— НИКОГДА! — воскликнула Камикадза. — Тебе меня не видно, Иккинг, но здесь, в ящике, я НЕ отвернулась от тебя, будь уверен!

— Зачем тебе цепляться за Иккинга? Он же дурак! — взвизгнула ведьма. — Дурак! Дурак!

Я больше никогда
не отвернусь от
тебя, Иккинг.

Дурак! Поверить на слово тому, что уже дважды предавал его? Как можно быть таким идиотом?

— Потому что я знаю, что в Сморкале есть и хорошее. — Иккинг упрямо пытался скрестить руки на груди. У него не получалось, руки были как вареные.

— Ох, Тор тебя разрази, Иккинг! — рывкнул Сморкала. — Прекрати меня прощать! Не представляешь, как это бесит.

— Сморкала, ты ПРЕДАТЕЛЬ! — раздался громовой крик из клетки в углу зала.

Это был Плевака Крикливый, старый учитель Иккинга, — похоже, и его поймали приспешники Элвина.

Его роскошная золотая борода, гордость всякого воина, была срезана под корень. Тяжело было глядеть в его лицо, окаймленное неровной, грубой щетиной. Отрезать бороду — худшее, что можно сделать с воином-викингом. Все равно что остричь льву гриву.

Борода Плеваки теперь висела у Элвина на поясе,

У меня
твоя
борода,
старик!

словно скальп врага. И Элвин издевательски перебирал ее пальцами и дразняще тряс ею у Плеваки перед носом.

— У меня твоя борода, старик, — негромко повторял он сквозь маску. — У меня твоя борода.

Но Плевака хотя бы был жив.

И по-прежнему не сдавался.

— СМОРКАЛА! — громыхнул Плевака. — Когда-то в Рабовладениях я предлагал тебе перейти на нашу сторону. Я сказал тогда, что твоя помощь была бы неоценима для воинства Печати Дракона. Я отзываю свое предложение. Ты позор своего рода и племени!

Сморкала закусил губу, но быстро взял себя в руки и презрительно бросил:

— Ну, по крайней мере, я не заперт в клетке. Вот уж что настоящий позор.

Приспешники Элвина взревели от хохота.

— Лучше быть благородным рабом, чем псом на свободе! — крикнул Плевака.

Сморкала вспыхнул.

— Это ты предал меня! — яростно зачастил он. — Это ты предал все, чему учил меня о жизни. И смотри, что случилось, взгляни, что вышло из-за этой слабости! — Сморкала указал на мир снаружи. — Мир погрузился в войну! Драконы вот-вот уничтожат нас всех! А ты все твердишь, что это я предатель? Это ты предатель! Это вы все предали мир, который я любил!

— Как ты смеешь называть меня предателем! — взревел Плевака. — Ты, ничтожество, думаешь, мне легче, чем тебе, было пережить, что мир вокруг изменился? Но старый мир уже исчез, и выбор мы теперь делаем между Иккингом и Элвином! А ведь даже у тебя хватит ума, чтобы понять: Элвин — воплощение зла!

— Большое спасибо, — вставил польщенный Элвин.

— Может, мы и пленные, — грохотал Плевака, — но мы все еще способны отвернуться от тебя, Сморкала! Воины Драконьей Печати! Призываю вас всех Повернуться Спиной к этому псу, к этому перебежчику, чье имя будет передаваться из поколения в поколение как символ предательства и обмана!

У себя в клетке старый воин Повернулся Спिनной, и все пленные Воины Печати вокруг него —

Могадон Остолоп и его сын Бандюг, Граббит Мрачный, Спорта, Гароттаконь — сделали то же самое.

— Ты меня в ящике не видишь, — сказала Камикадза, — но и я Поворачиваюсь к тебе Спиной.

Глаза у Сморкалы лихорадочно блестели. Он с обычной своей бравадой притворялся, будто ему на самом деле наплевать, что старый учитель и его товарищи отвернулись от него. Как будто его это совершенно не волнует.

— Ну, я бы больше расстроился, что вы отвернулись от меня, — насмешливо процедил он, — если бы вы не выбрали своим вождем Иккинга. Да вы только посмотрите на него...

Повернувшиеся Спиной Воины Драконьей Печати несколько задумчиво оглянулись через плечо на Иккинга, и некоторых внезапно охватило сомнение. В эту минуту Иккинг представлял собой особенно жалкое зрелище: наполовину бледный, наполовину лиловый, вся левая сторона волочится, как у птицы с перебитым крылом, рука хлопает по боку, словно тряпками набитая, шлем на голове болтается.

— Этот Иккинг такой дурак, — издевательски продолжал Сморкала, — что даже прихватил с собой Последнее Утраченное Сокровище...

Не веря собственной удаче, Элвин сунул Иккингу за пазуху крюк и вытащил отбивающегося, разъяренного, извивающегося маленького Беззубика. Без шубки.

Иккинг представлял собой
воистину жалкое зрелище.

Иккинг уставился в пол, не находя в себе сил вынести взгляд его последователей, в котором вера сменялась разочарованием.

— Отпусти Б'бе-беззубика! — пищал дракончик. — Говорил же я тебе, хозяин, не надо сюда идти!

Ведьма ахнула от восторга:

— Нет, это слишком хорошо, чтобы быть правдой! Еще и Последнее Утраченное Сокровище в придачу...

Плевака и остальные Воины Печати задохнулись от ужаса.

Их последняя надежда... погасла.

— На сей раз мы как следует позаботимся о Последнем Утраченном Сокровище, — ухмыльнулась ведьма, — и спрячем его немедленно вместе с остальными. Сморкала, ты превзошел себя!

Сморкала низко склонился перед ведьмой и Элвином.

— Вы окажете мне честь, доверив отнести Последнее Утраченное Сокровище в укрытие, где держите остальные Сокровища? — осведомился он.

Тон его был легок и небрежен.

Ведьма прищурилась:

— Это великая тайна. Никто не знает, где мы их держим.

— Я доказал свою верность вам обоим, предав мое бывшее племя и родичей, — сказал Сморкала. — Теперь я больше не Хулиган, но верный подданный Элвина, нового Короля Дикозапада.

Ведьма поразмыслила некоторое время, разглядывая стоявшего перед ней юного воина внимательными змеиными глазами, а затем тихо зашипела:

— Разумеется, мы глубоко благодарны тебе за твои услуги Элвину и Дикозападу, Сморкала. И ты получишь справедливую награду. *Однако...*

Ведьма встала прямо перед Сморкалой, глаза ее сверкнули злобой.

— Я не уверена, что доверю тебе эту тайну... — издевательски произнесла она, и каждое слово было как удар тонкого острого клинка. — Ты привел мне Иккинга и беззубого дракона, это верно. Но неужели ты думал, что за это я скажу тебе, где находятся Утраченные Сокровища? Ты перебежчик, изменник. Из тебя получился хороший приспешник, и теперь ты необратимо связал себя с нами,

Сморкала перешел
на сторону зла...

предав своих навсегда. Они больше никогда не примут тебя обратно. Нет, ты теперь наш, Сморкала, наш навеки.

Сморкала поморщился, словно впервые осознав, что значит навсегда принадлежать Элвину и ведьме.

— И ты займешь свое маленькое место в нашем новом Королевстве, — продолжала ведьма. — Но я не доверяю изменнику, нет. Потому что понимаю, как он думает. — Голос ведьмы сделался медово-сладким, а это всегда означало, что она собралась сказать какую-нибудь особенно жестокую пакость. — Возможно, ты планировал стянуть Со-кровища и стать Королем. В глубине души ты знаешь, что недостойн, но вопреки всем доводам ты мог надеяться, бедный мой мальчик...

Что-то в лице Сморкалы, может в подергивании губ, выдало, что ведьма не ошиблась. Но гордость заставила его промолчать.

— Возможно, ты надеялся нас всех перехитрить. Но, — голос ведьмы посуровел, — судьба знает свое дело, и она всегда выбирает только двух игроков: сейчас это Иккинг и Элвин. Ты никогда не был достаточно хорош, при всех своих прекрасных викингских качествах. — Голос ее сочился сарказмом, и Сморкала поморщился. — Судьба показала тебе, кто ты есть на самом деле, и ты таков и есть — вероломный червяк.

В Зале повисла ужасная торжественная тишина, словно все стали свидетелями бескровной смерти.

Если можно убить человека словами, пронзить его чистым жалом злобы, что ж, ведьма это умела лучше других.

Сморкала выглядел так, словно его вот-вот стошнит.

Даже приспешники Элвина таращились на него с презрением.

Никто не любит предателей.

Сморкала открыл рот, сияясь заговорить.

Слова не шли, и он закрыл его снова.

Он склонил голову, плечи у него обмякли, и он постарался сделать-ся как можно меньше, стать невидимкой. И отступил в тень.

Избавившись таким образом от Сморкалы, ведьма передала клетку с Беззубиком Коварняку Гостедаву и шепотом сообщила ему, где находится тайное укрытие Утраченных Сокровищ.

Нетрудно понять, почему она так сделала. Коварняк был не так умен, как Сморкала, но куда более достоин доверия.

Скулящий плач Беззубика был невыносим.

Иккинг не мог на него смотреть. Он чувствовал себя предателем, и предал он Беззубика.

«ЭТО ВСЕ Я ВИНОВАТ, — думал Иккинг. — ВО ВСЕМ ВИНОВАТ Я».

У Беззубика в клетке жалобно поникли шипы на спинке.

— Хо-хозяин! Не-не позволяй им забирать м-меня! Пожалуйста, не дай им м-меня забрать! Б'бе-беззубик твой... И я Самое Лучшее Утраченное Сокровище...

— Верь мне, Беззубик! Все будет хорошо... Я спасу тебя, Беззубик! Не волнуйся, это все часть Плана «Б»! — прокричал Иккинг ему вслед по-драконьи, чтобы никто больше не понял.

Но он не мог быть уверен, что Беззубик слышал, поскольку Коварняк торопливо покинул Зал.

— Теперь у нас есть все Утраченные Сокровища! — крикнула ведьма пленным Воинам Печати. — Ваше дело безнадежно! Как только мы окажемся на берегу Завтра, Элвина примут как нового Короля! Еще не поздно одуматься и перейти на сторону Элвина!

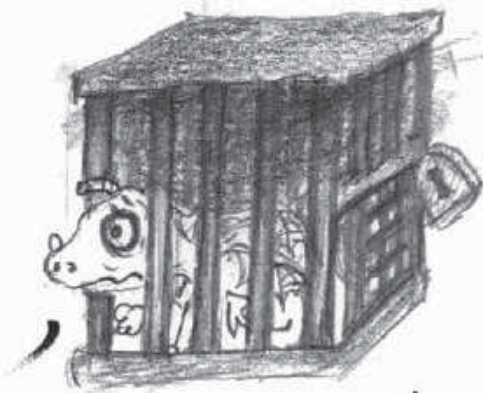
— МЫ ВСЕ РАВНО ЗА ИККИНГА! — проревел Плевака Крикливый.

Пленники с вызовом заорали, кто более уверенно, кто менее:

— ИК-КИНГ! ИК-КИНГ!

— ИККИНГ НАВСЕГДА!

— Вы очень верные, — промурлыкала ведьма, стиснув зубы, — действительно очень верные, раз стоите за Иккинга. Но вот вопрос, встанет ли Ик-кинг за вас? ЗАКОВАТЬ МАЛЬЧИШКУ В ЦЕПИ!

Хо-хозяин!
Не-не дай им
забрать м-меня!

11. ИСПЫТАНИЕ ГЕРОЯ

Грубые руки стали обматывать Иккинга цепями, и вот он скручен по рукам и ногам, как цыпленок.

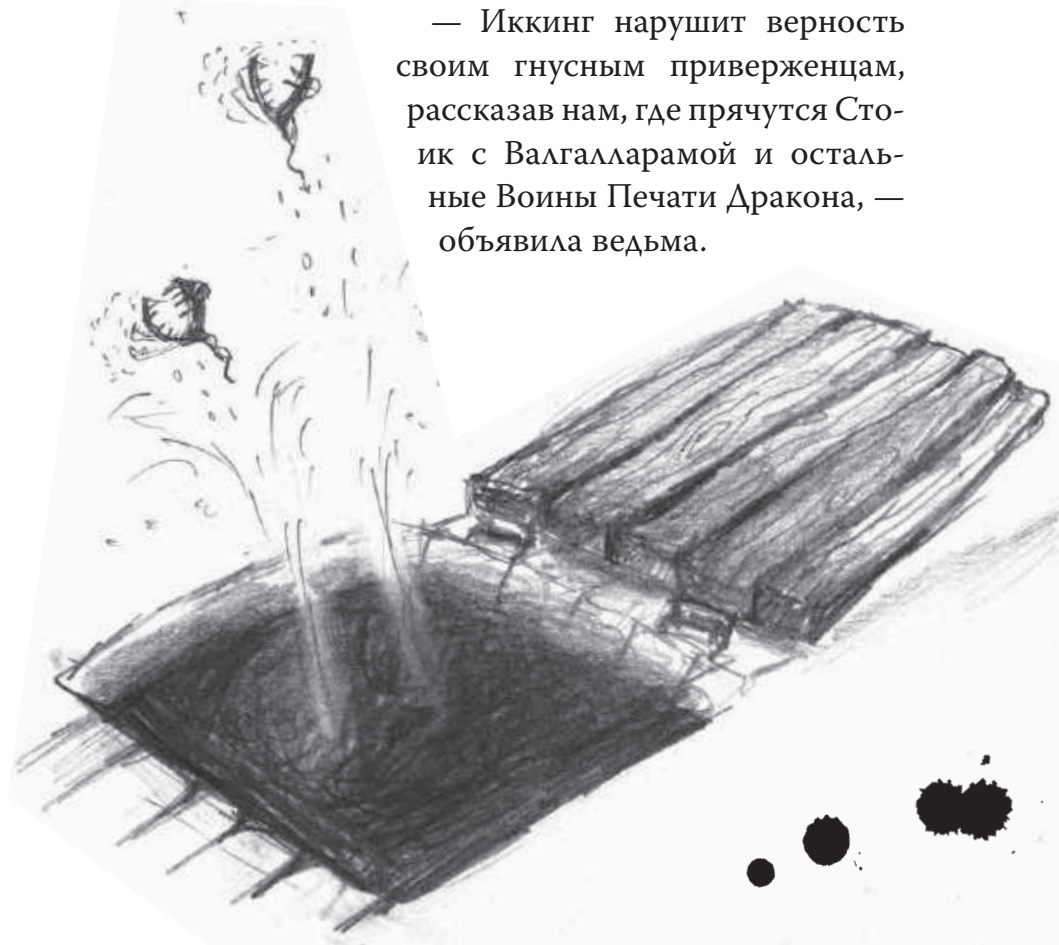
— Маменька, что вы делаете? — нервно поинтересовался Элвин сквозь маску. — Что я вам говорил в последний раз? Я неоднократно имел дело с этим парнем и уверен, что обойтись с ним можно только одним-единственным образом: убить его в ту же секунду, как только он окажется на крючке! Теперь у нас есть все Сокровища. Надо просто прикончить его, а затем перебить всех Воинов Печати.

— Мы не можем убивать всех направо и налево, Элвин, дорогой, — благонаравно произнесла ведьма, — а то у нас подданных не останется. Нам надо изменить мнение его последователей, превратить их в твоих сторонников, а тогда их и убивать не понадобится. Это политика, Элвин, милый мой. Оставь политику мне. ОТКРЫТЬ ЛЮК!

СКРИИИИИПП!

В полу Зала открылся громадный люк, под ним плескалось море.

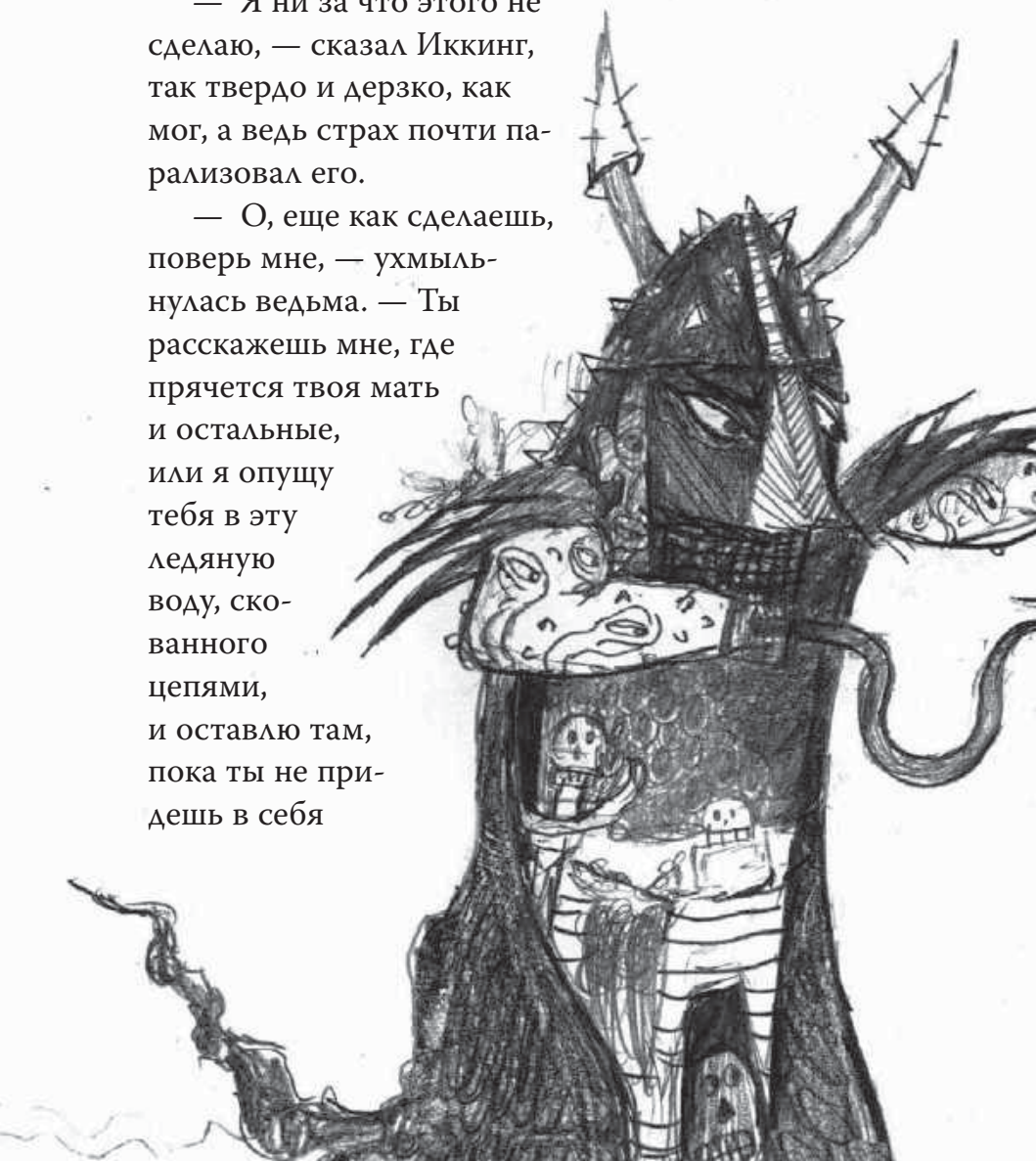
— Иккинг нарушит верность своим гнусным приверженцам, рассказав нам, где прячутся Стоик с Валгалларамой и остальные Воины Печати Дракона, — объявила ведьма.

Тайное подземное убежище Стоика и Валгалла-
рамы находилось на Коралловом пляже, на другой
стороне Мародерской гавани. Но ни ведьма, ни
Ярогнев его пока не обнаружили.

— Я ни за что этого не
сделаю, — сказал Иккинг,
так твердо и дерзко, как
мог, а ведь страх почти па-
рализовал его.

— О, еще как сделаешь,
поверь мне, — ухмыль-
нулась ведьма. — Ты
расскажешь мне, где
прячется твоя мать
и остальные,
или я опущу
тебя в эту
ледяную
воду, ско-
ванного
цепями,
и оставлю там,
пока ты не при-
дешь в себя

или не утонешь, в зависимости от того, что произойдет быстрее.

— Я никогда не предаю своих друзей, — заявил Иккинг, от всей души надеясь, что это правда.

— Вы слышали, он сказал НИКОГДА! — заметил Элвин.

— «Никогда» — это долго, — отозвалась ведьма. — Зимогрызки уже собрались, так что Иккингу придется иметь дело не только с ледяной водой, но и с укусами зимогрызок. Зимогрызки маленькие, но в стае смертельно опасны, и они непременно нападут на закованного в цепи ребенка.

Зимогрызки — мелкие, но неприятные драконы, вроде пираний. Они нападают стаями и способны обглодать оленя до костей за три минуты.

— ПОЗОР ВАМ! — крикнул Плевака.

Воины Печати взвыли от негодования и ужаса.

— Но он может сбежать! — предупредил Элвин натянутым тоном сквозь маску.

Зимогрызки пообкусывают тебе конечности, и ты станешь почти таким же красавчиком, как я...

— Ерунда, — промурлыкала ведьма. — Ты слишком беспокоишься, Элвин, садочек мой омаровый. Он полнотью обмотан цепями! Как он может удрать? Иккинг не сверхчеловек! Он даже не Герой! Просто совершенно обычный маленький мальчик. Ты осознаешь это, когда он предаст собственный народ, а вы, драконы прихвостни, увидите, что ваш так называемый вождь не стоит вашей верности...

— Опустить его в люк! — взвизгнула ведьма. — А вы, пленники, имейте в виду: у вас остается возможность перейти на нашу сторону, как только пожелаете!

Ведьмин план был очень прост. Опустить Иккинга в ледяную воду залива, такую одуряюще холодную, что мороз проникал в самую душу и делал ее мертвой, словно айсберг.

Она собиралась окунать Иккинга в эту воду, как кузнец закаливает меч. Укрепит это Иккинга или ломает?

Иккинг не знал.

Он глянул вниз, в мрачные бездушные волны, и задрожал. Он и раньше падал зимой в море и знал, как оно почти обжигает сначала и как быстро ты потом не-меешь, словно прекращаешь существовать.

Он также знал, как удивительно мало времени требуется, чтобы умереть в зимнем море, — две-три минуты.

«Только бы не дрогнуть... — думал Иккинг про себя. — Только бы оказаться храбрее, чем я сам о себе думаю...»

Вниз.

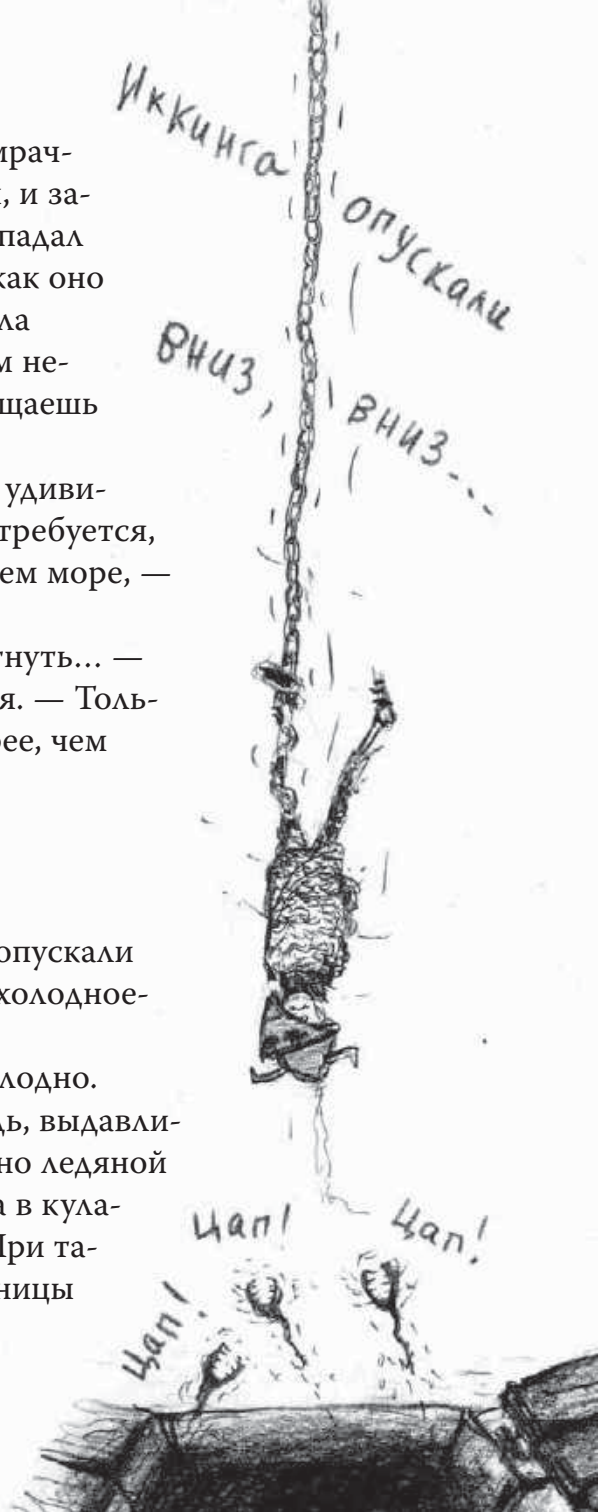
Вниз.

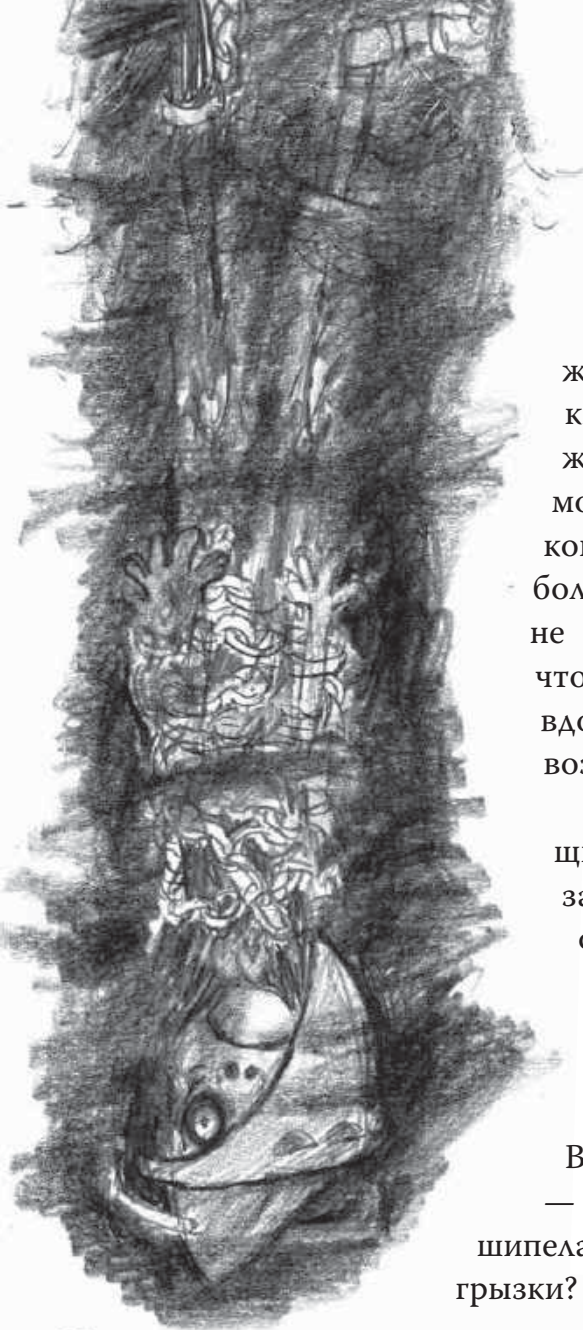
Вниз.

Два воина Элвина опускали Иккинга вниз, вниз в холодное-холодное море.

Ох, как же было холодно.

Холод стиснул грудь, выдавливая все дыхание, словно ледяной великан сжал Иккинга в кулаке — или огненный? При таких температурах разницы никакой.

Ведьма продержала его под водой добрую минуту, прежде чем вытащить наверх.

Это была поистине жуткая минута для Иккинга. Пытаться задержать дыхание в ледяном море, справиться с паникой, когда кажется, что больше уже не можешь не дышать, но знаешь, что если открыть рот, то вдохнешь не сладостный воздух, но воду.

Когда ведьма вытащила его, Иккинг был заледеневший и вялый, словно кукла, из которой выковыряли всю набивку. Но на нем не было ни единой отметины.

Ведьма была озадачена.

— Не понимаю... — прошипела она. — А как же зимогрызки? Их там нет, что ли?

Словно ледяной великан
сжал Иккинга в кулаке.

— Да вроде кишмя кишат, — сказал Элвин. — Но я говорил, маменька, он хитрый... очень хитрый...

Ведьма подняла забрало пленника:

— Ну? Готов ли ты сказать мне, где убежище Драконьей Печати?

К облегчению Иккинга, ему хватило мужества не сказать «да». Он помотал головой.

— Давайте его обратно! На сей раз на две минуты!

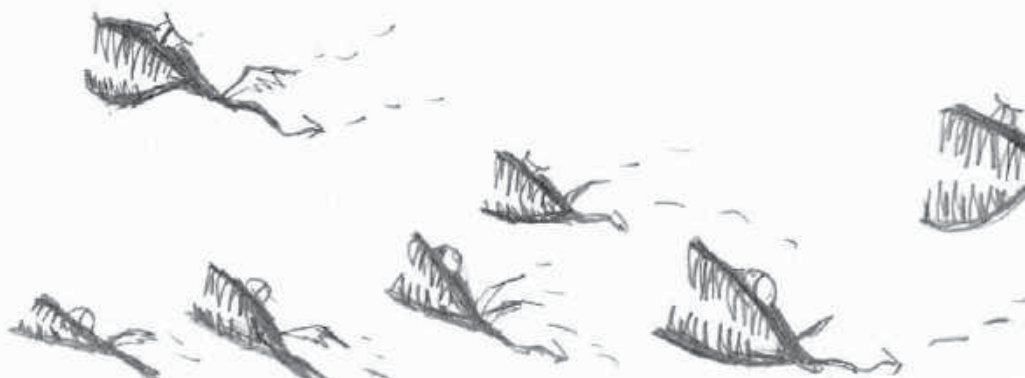
— Он никогда их не выдаст, — мрачно заметил Элвин.

Похоже, он мог оказаться прав.

Дважды мальчишку опускали в воду, и все же он не выдал друзей.

— Терпение, — промурлыкала ведьма. — Еще одно погружение сделает свое дело. Я вижу это у мальчишки в глазах. Даже взрослый человек не вынесет этой воды больше двух раз... а он всего лишь ребенок.

Когда Иккинга вытащили в третий раз, вид он имел поистине жалкий.

Ведьма подняла ему забрало:

— Ну? Говорить будем?

Иккинг уже почти не соображал. Лицо ведьмы плыло перед глазами, и он так замерз, что мозги превратились в ледышку. Все тело дрожало, словно в лихорадке.

Он заглянул в себя.

Хотя часть его орала: «Только не снова туда! Пожалуйста, я больше ни за что туда не хочу!..» — более важная частица отказывалась сдаваться.

В экстремальных обстоятельствах узнаешь о себе много нового.

Иккинг едва мог стоять и был иссиня-белый, как будто уже умер... но все-таки он помотал головой и не сказал, где скрываются Воины Печати Дракона.

И на нем по-прежнему не было ни царапины.

— Что ты делаешь, ужасный мальчишка? — рявкнула ведьма, дрожа от бешенства. — Ты используешь какую-то хитрую заморскую дыхательную технику?

По всему периметру зала пленные скандировали:

— ИК-КИНГ! ИК-КИНГ! ИК-КИНГ!

Восхищение распространялось как пожар. Даже приспешники Элвина начали перешептываться между собой:

— Ну он и храбрец! Маленький, тощий, а смелости не занимать...

Ибо ничто так не восхищает викингов, как храбрость, даже в мальчишках с руками как спички. А то, что его почему-то не трогали зимогрызки, к великой досаде ведьмы, придавало Иккингу ореол волшебства.

— Как он это делает? — тихонько перешептывались люди. — Зимогрызки не трогают его... как, по-вашему, почему?

— Может, их там вовсе нет! — взывала ведьма.

Но море так кишело зимогрызками, что прямо в эту секунду одна из них выпрыгнула прямо из люка и стала биться на деревянном полу. Элвин сердитым пинком сбросил ее обратно.

— По-моему, ваш план работает против нас, маменька, — заявил он. — Вашими стараниями этот мальчишка только еще больше становится Героем...

Ведьма ожесточенно стиснула зубы и сменила тактику.

— В глубине души ты не хочешь становиться Королем, Иккинг, — проворковала она. — Ибо ты знаешь: тот, кто таки станет Королем, должен будет принять ужасное решение — уничтожить драконов навсегда с помощью Драконьего Камня...

Ты ведь не хочешь брать на себя эту вину, правда же, Иккинг? Ибо вина — удел Короля...

У Иккинга чуть сердце не остановилось.

Это был его самый темный страх...

— Ну так вот, — промурлыкала ведьма, — я как раз могу снять эту ношу с твоих плеч. Мы отпустим тебя и твоих друзей. Мы пообещаем, что не тронем ни тебя, ни других Воинов Печати. Вы сможете жить свободно в архипелаге, где захотите. На Олухе, если угодно... представь, как хорошо тихо и спокойно жить на Олухе...

Иккинг с тоской подумал о доме своего детства. О мире до того, как все это случилось...

— А драконы... — произнес Иккинг. — Как же драконы?

Голос ведьмы затвердел:

— Слишком поздно для драконов. Драконы все равно умрут. Но в твоей власти спасти жизнь всех тех, кого ты любишь... не позволяй им всем погибнуть ПО ТВОЕЙ ВИНЕ...

Это было величайшее искушение из всех.

Противостоять ему было куда тяжелее, чем холоду и удушью. Ведьмино предложение казалось таким заманчивым...

Все стихло и замерло. Иккинг едва слышал, как топают и хлопают викинги на заднем плане.

Он замкнулся в тишине собственного разума.

Он не хотел становиться Королем. Не хотел взваливать на себя ответственность за то, что все пошло не так.

И тут, в тишине внутреннего мира, ему ответил его собственный голос. Если Королем не станет он,

Королем станет Элвин. А теперь Иккинг знал, что это значит. Это означало ужас истребления драконов. Это означало тиранию зла, властвующего над архипелагом и правящего Завтра в этом поколении и в следующем. Он не мог позволить такому случиться.

Пусть он этого не хочет, теперь он ДОЛЖЕН стать Королем. Ему придется сражаться за это, да не как-нибудь, а всеми силами.

Это был миг, когда Иккинг принял свою судьбу.

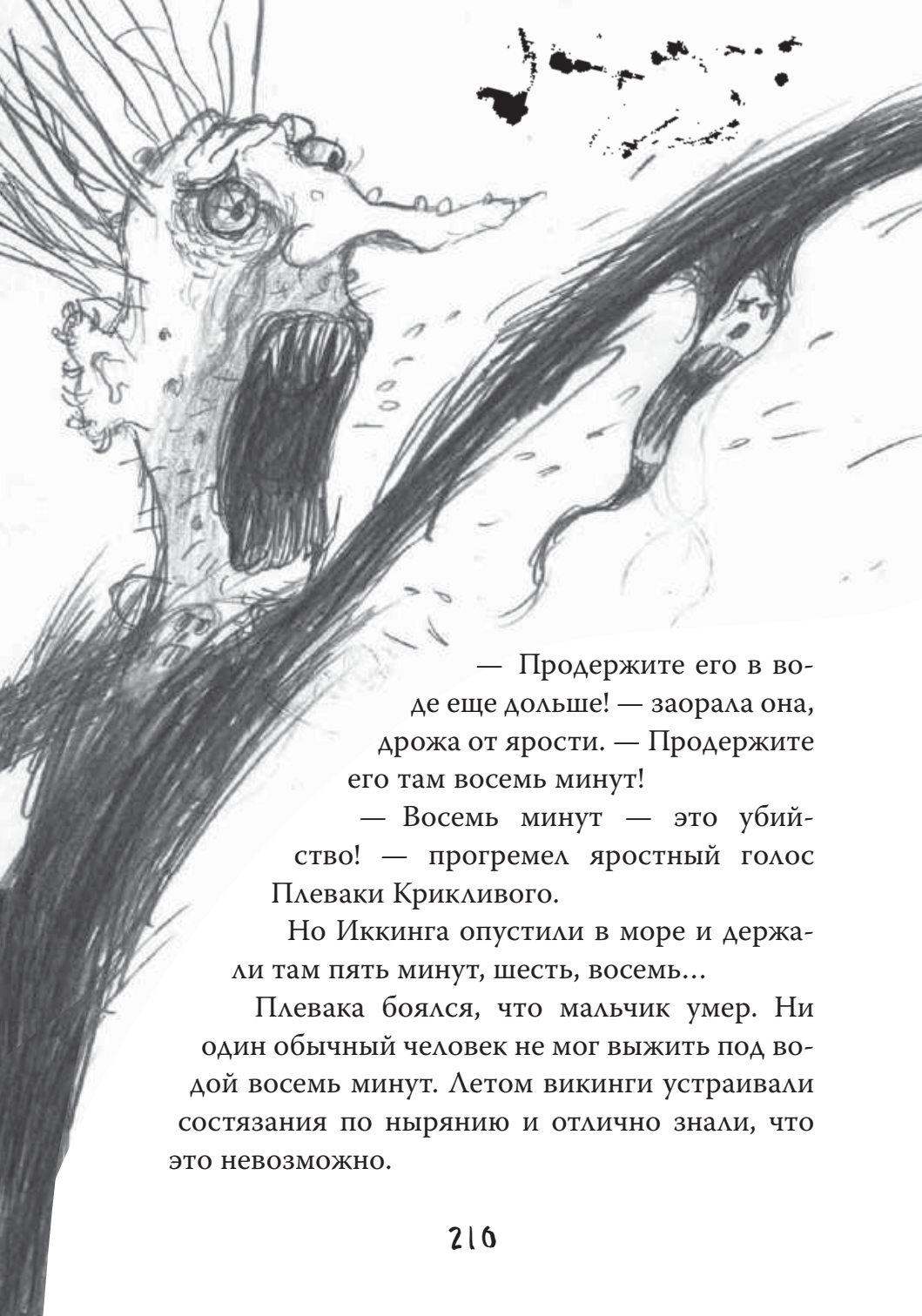
Он упрямо поднял голову:

— Я НИКОГДА не перестану сражаться с тобой, даже если слишком поздно... даже если все потеряно... даже если это невозможно... никогда, никогда, никогда...

Ведьма снова проиграла.

Я НИКОГДА
НЕ ПРЕСТАНУ
СРАЖАТЬСЯ
С ТОБОЙ, ВЕДЬМА!

— Прoderжите его в воде еще дольше! — заорала она, дрожа от ярости. — Прoderжите его там восемь минут!

— Восемь минут — это убийство! — прогремел яростный голос Плеваки Крикливого.

Но Иккинга опустили в море и держали там пять минут, шесть, восемь...

Плевака боялся, что мальчик умер. Ни один обычный человек не мог выжить под водой восемь минут. Летом викинги устраивали состязания по нырянию и отлично знали, что это невозможно.

Однако, когда Иккинга вытянули обратно, мальчишка был абсолютно синий, но шевелился в цепях. Он был еще жив.

В Зале Собраний повисла удивленная и исполненная благоговейного почтения тишина.

Ведьма резко подняла забрало на шлеме Иккинга.

То, что было задумано как испытание мальчишки, превратилось в испытание ее самой. В поединок, где победит тот, чья воля окажется сильнее. И Иккинг брал над ведьмой верх.

Она встряхнула его.

— Ну, мелкий сопляк? Теперь ты скажешь мне, где находится убежище Воинов Печати? Или, хоть мне того и не хочется, придется мне оставить тебя внизу навсегда! Я из последних сил стараюсь не убить тебя, ты, неблагодарный мелкий поганец! — прохрипела ведьма. — Но если ты не оставишь

свое тупое упрямство, мне все-таки придется пойти дальше и сделать это...

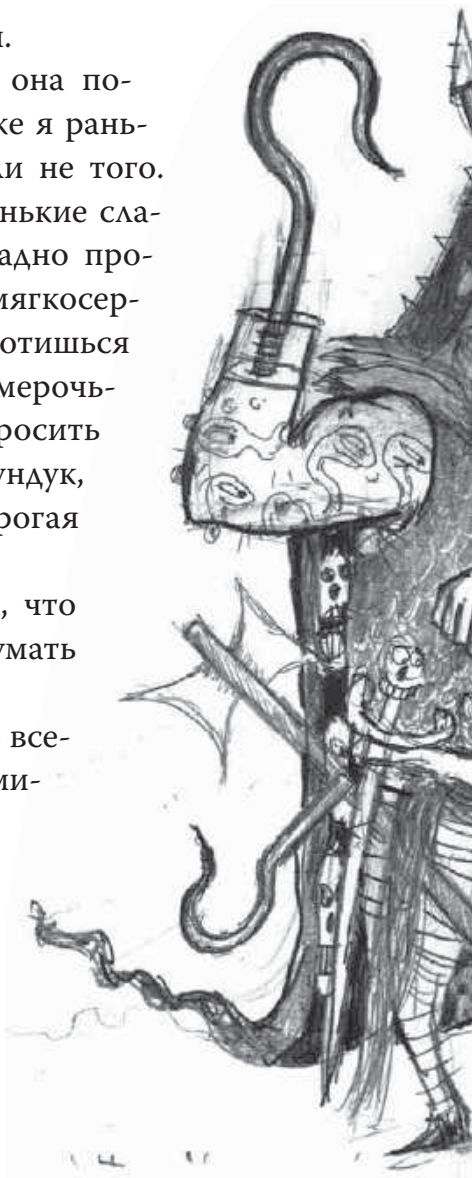
— Ты не можешь сделать со мной ничего, — тяжело дыша, проговорил Иккинг, — что заставит меня передумать.

Глаза у ведьмы сверкнули.

— АГА! — воскликнула она победно. — Ну конечно! Как же я раньше не подумала! Мы пытали не того. У всех у нас есть свои маленькие слабости, да, Иккинг? — злорадно прошипела она. — И твоя — мягкосердечность. Ты больше заботишься о других, чем о своей недомерочьей шкуре. Так как насчет бросить вместо тебя в воду этот сундук, в котором сидит твоя дорогая подружка Бой-баба?

Тут Элвин почувствовал, что маменька наконец стала думать в правильную сторону.

— Вот почему ты будешь всегда слабее меня, Иккинг. Камикадза же тебе очень близкий друг, верно? И хотя она великий Мастер Побега, даже она не сможет выбраться из сундука,

опутанного цепями и брошенного в море. В конце концов, она же не волшебница.

Пока шестеро крепких воинов обвязывали сундук веревкой, Камикадза орала:

— Не сдавайся, Иккинг! Не волнуйся! Я могу выбраться отсюда! Не выдавай никого ради меня!

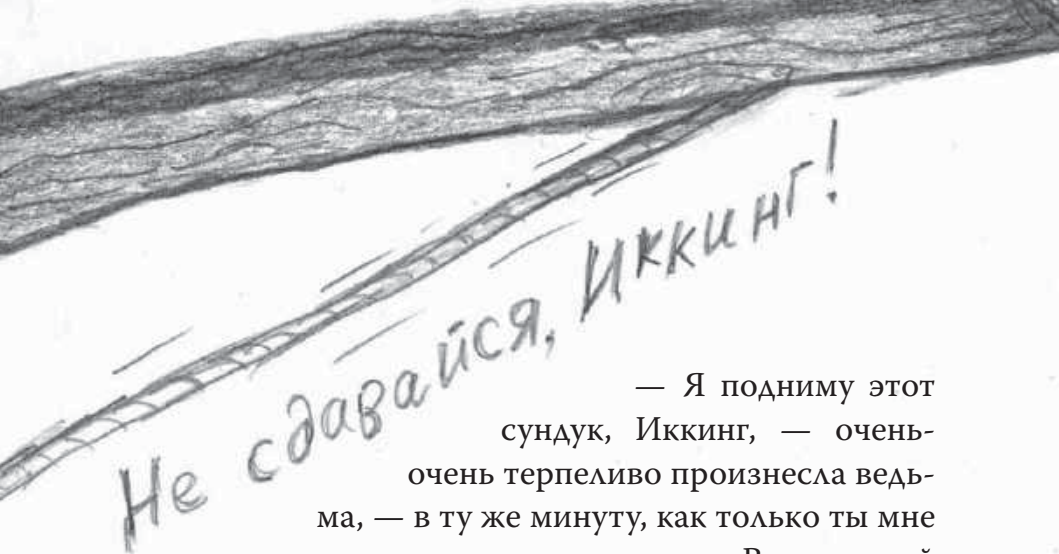
ПЛЮХ!

Ящик ушел в воду.

— Придумай какую-нибудь хитрость, Иккинг, — умолял Плевака.

ОБВЯЖИТЕ
СУНДУК
ВЕРЕВКОЙ
И БРОСЬТЕ
В ВОДУ!

— Я подниму этот сундук, Иккинг, — очень-очень терпеливо произнесла ведьма, — в ту же минуту, как только ты мне скажешь, где находится укрытие. В последний раз спрашиваю, ты скажешь мне, где оно?

Молчание. Воины Печати подались вперед.

Не поддавайся, Иккинг... Не сдавайся...

Не сдавайся...

Пожалуйста, не сдавайся...

Но Иккинг выглядел сломленным.

Он кивнул. Да, он скажет ей.

Наверное, у всех есть предел стойкости.

Воины Печати в клетках застонали от отчаяния.

У их героя наконец обнаружилась слабость.

— Это было слишком суровое испытание, — пробормотал Плевака себе под нос. — Слишком

тяжелое испытание для такого юного мальчика.

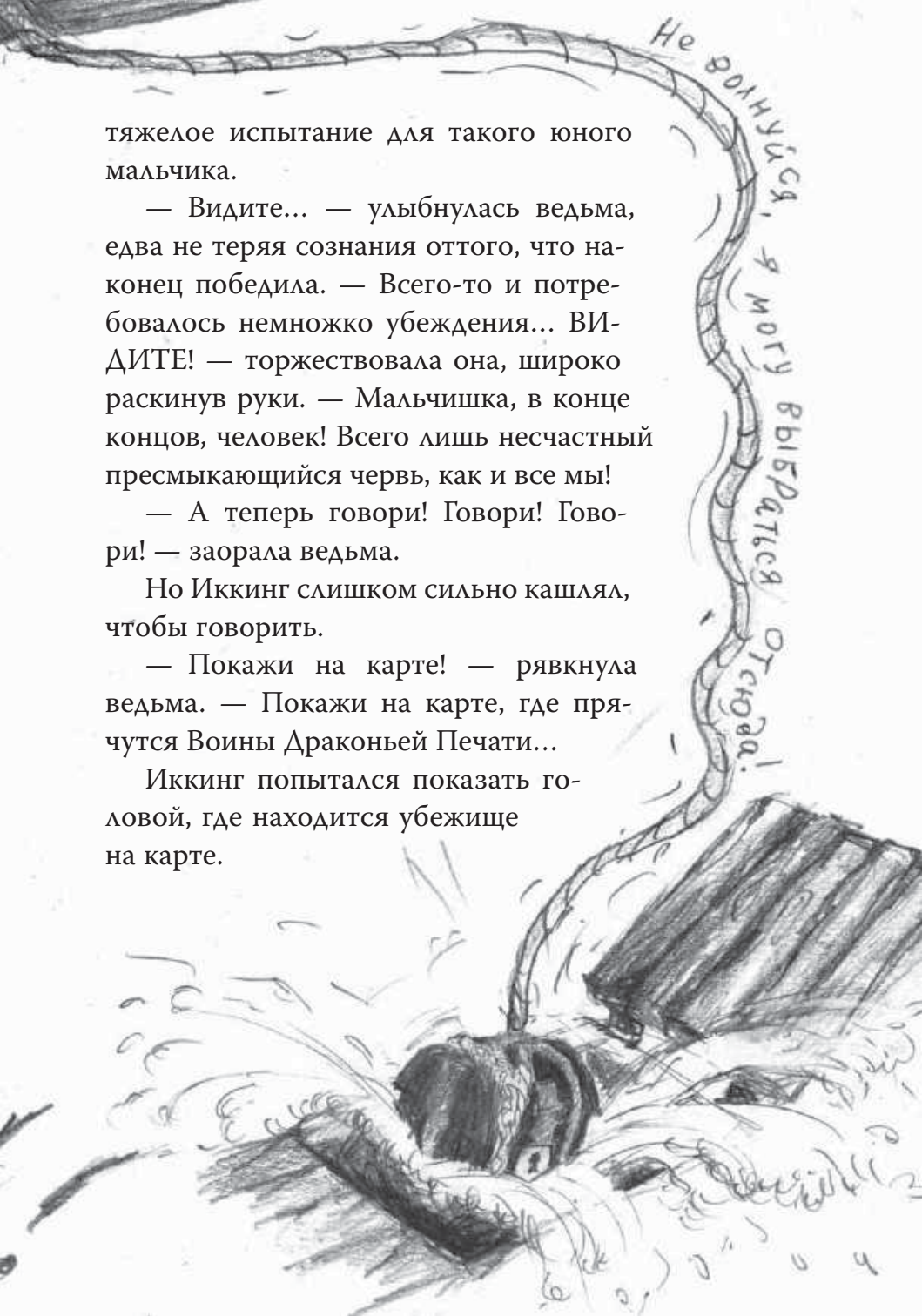
— Видите... — улыбнулась ведьма, едва не теряя сознания оттого, что наконец победила. — Всего-то и потребовалось немножко убеждения... ВИДИТЕ! — торжествовала она, широко раскинув руки. — Мальчишка, в конце концов, человек! Всего лишь несчастный пресмыкающийся червь, как и все мы!

— А теперь говори! Говори! Говори! — заорала ведьма.

Но Иккинг слишком сильно кашлял, чтобы говорить.

— Покажи на карте! — рывкнула ведьма. — Покажи на карте, где прячутся Воины Драконьей Печати...

Иккинг попытался показать головой, где находится убежище на карте.

— Он слишком измучен, чтобы говорить... снимите ему цепи с рук, чтобы мог показать! — рывкнула ведьма в лихорадочном нетерпении.

— Нет! — крикнул Элвин.

Ведьма не обратила внимания на сына:

— Оставьте ему цепь на лодыжке...
заприте двери на засовы... он всего
лишь мальчишка.

Иккингу развязали руки и ноги.

Он проковылял вперед, волоча
левую сторону мертвым бессмыс-
ленным грузом.

А потом прыгнул.

К изумлению ведьмы,
Иккинг внезапно ожил,
хромой и неловкий,
словно дрожащее при-
видение, и здоровой
рукой впечатал кар-
ту ведьме в рожу. За-
тем неуклюже проскочил
мимо двух воинов Элви-
на и подтянулся на одной руке
и ноге на клетках с пленниками, вложив
в это запас сил, о котором у себя и не подозревал.

— Так я и знал! СХВАТИТЬ ЕГО! — взревел
Элвин в ужасе.

А Иккинг лез наверх.

— Без паники! — взвизгнула ведьма. — Никуда он не денется! У него цепь на лодыжке!

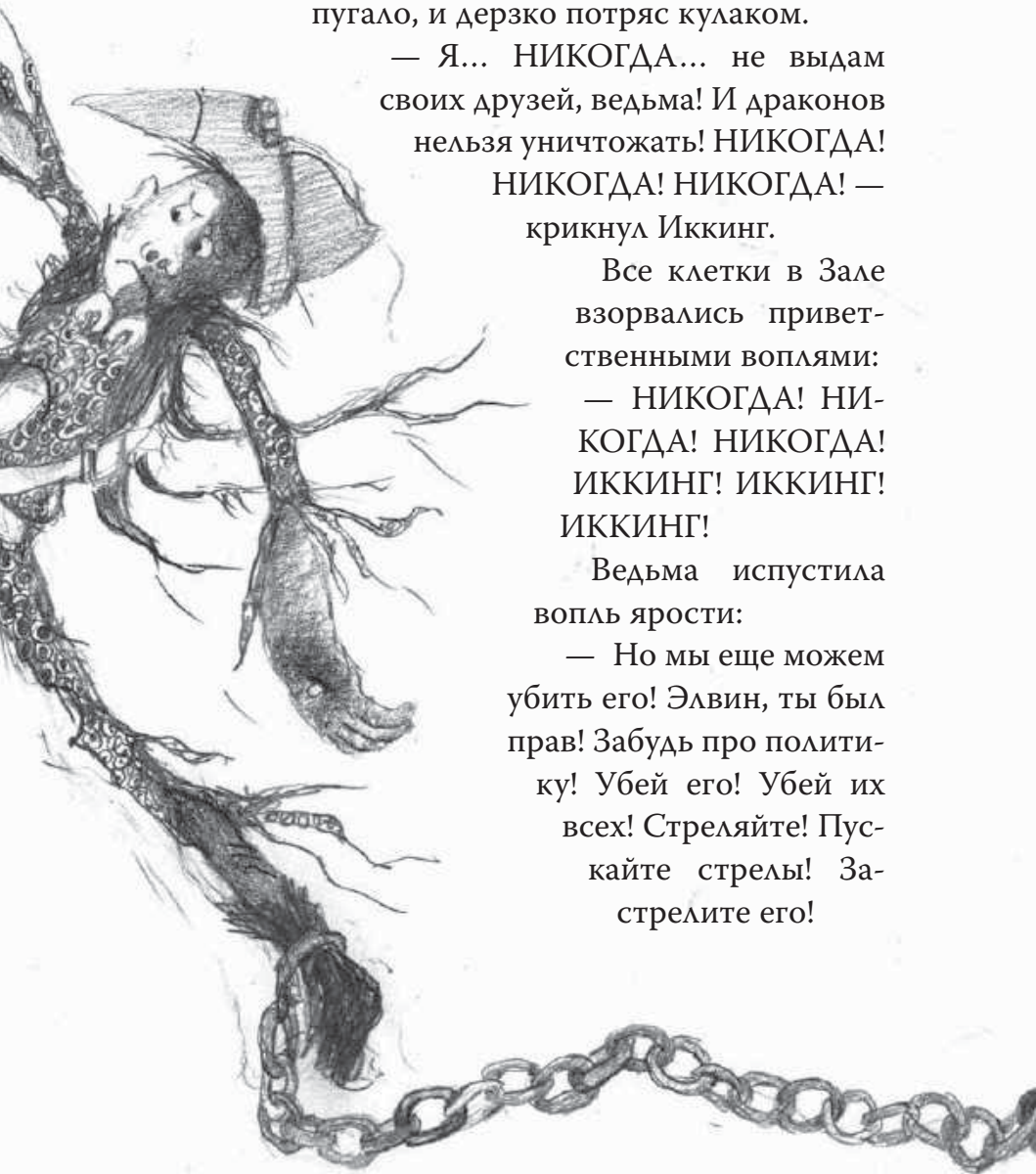
Иккинг свесился с верхней клетки, кособокое пугало, и дерзко потряс кулаком.

— Я... НИКОГДА... не выдам своих друзей, ведьма! И драконов нельзя уничтожать! НИКОГДА! НИКОГДА! НИКОГДА! — крикнул Иккинг.

Все клетки в Зале взорвались приветственными воплями:
— НИКОГДА! НИКОГДА! НИКОГДА!
ИККИНГ! ИККИНГ!
ИККИНГ!

Ведьма испустила вопль ярости:

— Но мы еще можем убить его! Элвин, ты был прав! Забудь про политику! Убей его! Убей их всех! Стреляйте! Пускайте стрелы! Застрелите его!

Радостно вскрикнув, Элвин отдал приказ, натянул свой длинный лук, готовый выстрелить...

Но он опоздал.

Иккинг посмотрел вниз на Сморкалу.

— Я не отвернулся от тебя, Сморкала, — сказал он, — помни об этом, — и бросился с края клетки вниз, в люк, в ледяное море внизу.

— НЕ-Е-Е-Е-Е-ЕТ! — заорал Элвин, кидаясь к цепи, пристегнутой к лодыжке Иккинга.

Элвин натянул цепь, отчаянно желая вытянуть пленника обратно, цепляясь крюком и рукой, и крикнул, чтоб помогли. Трое крепких воинов поспешили на помощь. Цепь шла легко, в конце концов, на дальнем конце был всего лишь тощий парнишка.

Рядом еще трое тащили наверх сундук с Камикадзой.

— Еще два сильных рывка — и он наш! — с облегчением пропыхтел Элвин.

Но первым вытащили Камикадзин сундук — вернее, то, что от него осталось. Замки и цепи были сломаны, мокрое дерево разбито в щепки некоей огромной таинственной силой, и Камикадзы внутри не было.

Мелкая белобрысая бестия совершила свой самый дерзкий побег.

— НЕ-Е-Е-Е-ЕТ! — взывала ведьма. — Куда она делась?

И тут цепь, на конце которой полагалось болтаться Иккингу, дернулась раз, другой...

Словно Элвин и его люди ловили макрель в открытом океане, а наживку вдруг цапнула гигантская акула. Цепь рванулась в воду с такой яростью, что все четверо попадали, затем подскочили, и их поволокло прямо к краю люка.

— Навались! — истерически завизжал Элвин, так сильно откинувшись назад, что чуть не лег на пол.

Все больше и больше воинов присоединялось к нему на конце цепи; они тянули изо всех сил. Для зрителей это выглядело почти как загадочное перетягивание каната.

Красный, запыхавшийся, с распухшим под маской лицом, Элвин не мог устоять,

как ни упирался ногой и окованной металлом костяной подпоркой. Стальная накладка только беспомощно царапала доски. Его и его воинов неуклонно подтаскивало все ближе к открытому люку.

— КРЕПЧЕ ДЕРЖИ! — орал обезумевший бандит.

А весь Зал, разинув рот, смотрел, не в силах поверить глазам. Кто такой этот мальчишка, что тащит по полу столько могучих воинов?

— Это чудо... — ахали при- спешники Элвина, впечатленные до глубины души.

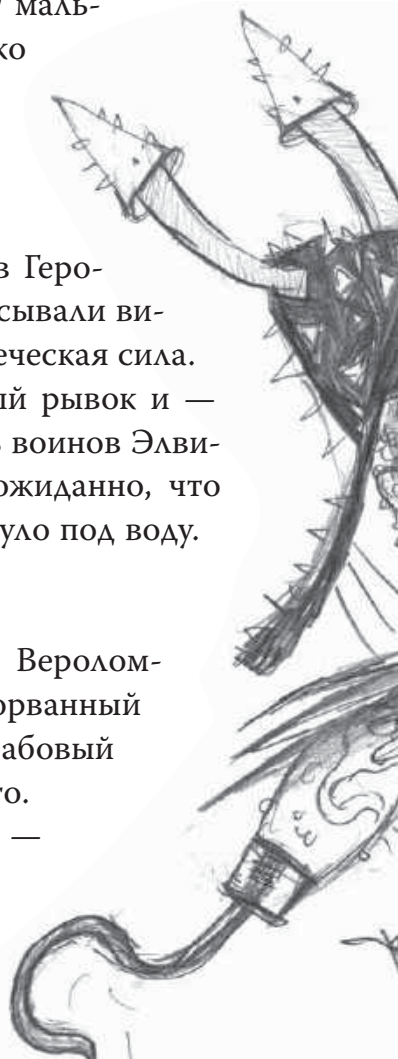
Ведь одно из главных качеств Героев былых времен, какими их описывали викингские саги, — это сверхчеловеческая сила.

Один последний колоссальный рывок и — ЩЕЛК! Цепь лопнула. Все десять воинов Элвина грохнулись на спину так неожиданно, что Элвинов новехонький плащ утянуло под воду. Элвин только и успел крикнуть:

— НЕ-Е-Е-Е-Е-ЕТ!

Обезумев от разочарования, Вероломный выдернул остатки цепи. Оборванный конец был легкий, как пустой крабовый панцирь. На конце не было ничего.

— АААААААААААААААААА! — вскричал Элвин.

Убить Иккинга сделалось у него навязчивой идеей. Она донимала его днем и ночью, ежедневно. Неужели мальчишка снова сорвался с его крюка в последний момент?

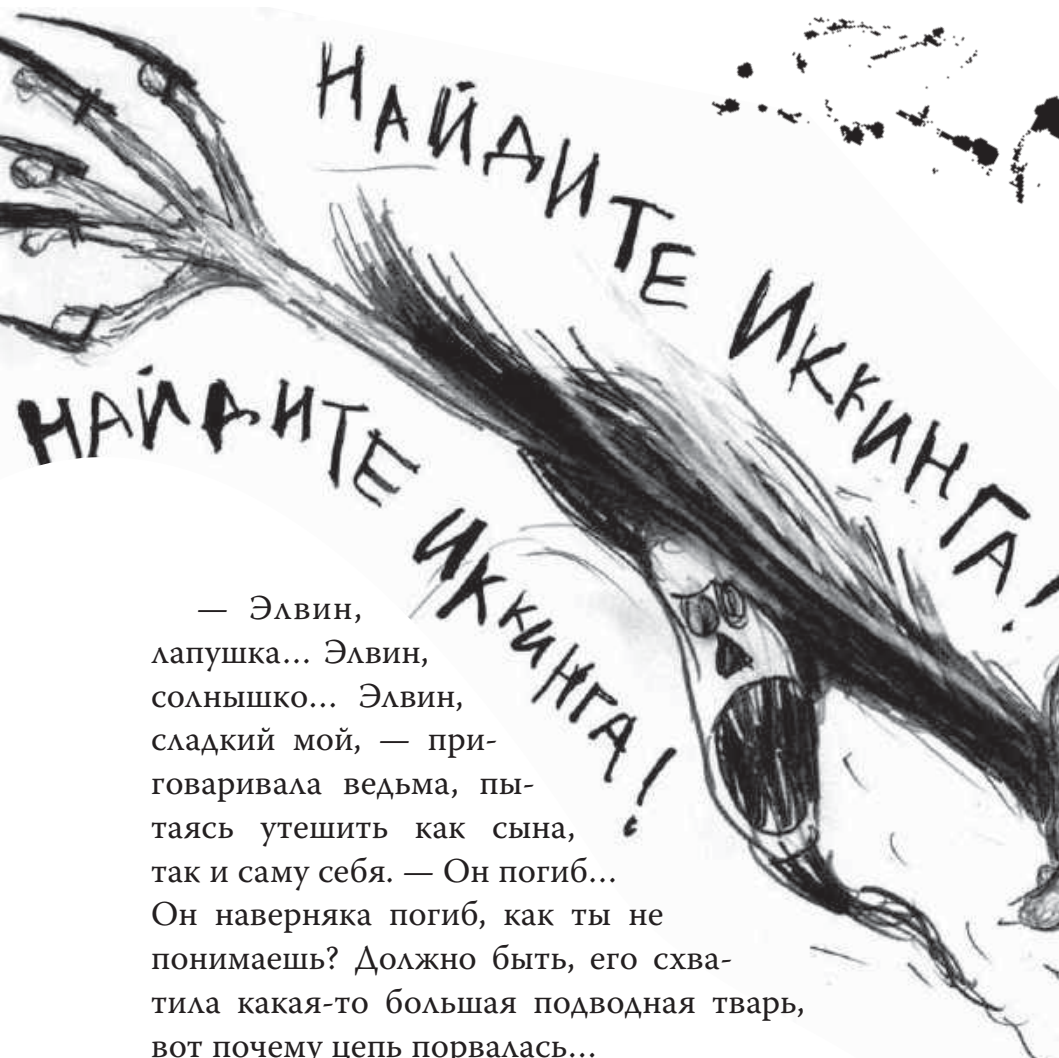
Это было слишком жестоко.

Ведьмин план вывернулся наизнанку самым зрелищным образом.

— Он сбежал! Он сбежал!

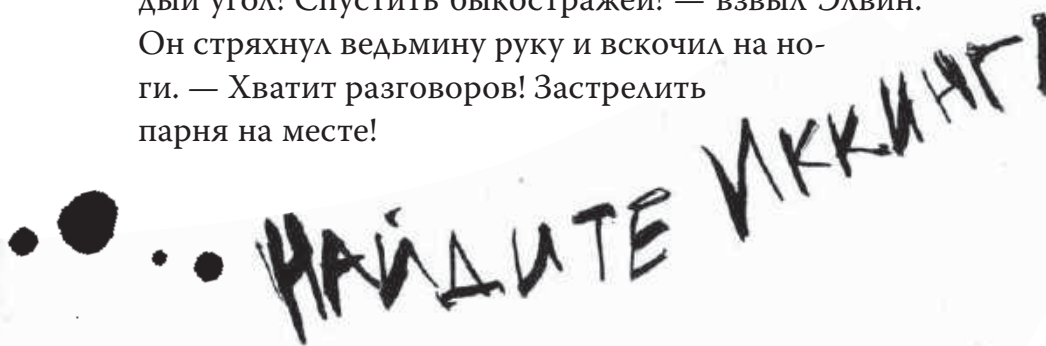
— ИК-КИНГ! ИК-КИНГ! ИК-КИНГ!

— Элвин,
лапушка... Элвин,
солнышко... Элвин,
сладкий мой, — при-
говаривала ведьма, пы-
таясь утешить как сына,
так и саму себя. — Он погиб...
Он наверняка погиб, как ты не
понимаешь? Должно быть, его схва-
тила какая-то большая подводная тварь,
вот почему цепь порвалась...

— Марш! Марш на корабли! Обыскать каж-
дый угол! Спустить быкостражей! — взвыл Элвин.
Он стряхнул ведьмину руку и вскочил на но-
ги. — Хватит разговоров! Застрелить
парня на месте!

Ведьма затихла на секунду, припав к полу. А затем взорвалась действием, вопя:

— ЧЕГО ВЫ ЖДЕТЕ, ИДИОТЫ? ИЩИТЕ
ВВЕРХУ И ВНИЗУ, ВЕЗДЕ ИЩИТЕ.
НАЙДИТЕ ИККИНГА!

12. ЭТОТ ВЕРОЛОМНЫЙ ПРЕДАТЕЛЬ ИЗ ПРЕДАТЕЛЕЙ

Элвин метнулся к двери в безумной лихорадке, следом рванула ведьма и его воины с мечами наголо, оставив пленников открыто перешептываться, а там и кричать друг другу:

— Что случилось? Они заполучили Последнее Утраченное Сокровище? Но Иккинг еще жив? Или умер? Этот вероломный предатель из предателей Сморкала Мордоворот предал нас всех...

Вероломный предатель из предателей Сморкала Мордоворот не покинул Зал вместе с остальными. Он по-прежнему стоял в тени. Даже если бы вы видели Сморкалино лицо, прочесть его выражение было бы невозможно.

— Бу!

— БУУУ!

Зал гудел от воплей, разъяренные пленники трясли свои клетки, и слышать их презрение было поистине ужасно.

— Перебежчик! Изменник! Подонок! Позор твоему племени!

Сморкала вспыхнул от стыда, а со всех сторон его бывшие соратники проклинали его имя и поли-

вали его яростным презрением.

Ему никогда больше не будут доверять. Даже Элвин с ведьмой не доверяли ему. Идти ему было некуда.

Для викинга куда больший позор потерять честь, нежели бороду. Единственная слеза скатилась по щеке Сморкалы.

Когда-то, совсем в другой жизни, Сморкала был любимым учеником Плеваки Крикливого. Теперь могучий рев Плеваки отдавался раскатами по всему Залу, словно рев разъяренного моржа.

— ТЫ ОПОЗОРИЛ ИМЯ ХУЛИГАНА! ТЫ ОБЕСЧЕСТИЛ ДОБРОЕ ИМЯ СВОЕГО ОТЦА И ОТЦА ОТЦА ТВОЕГО ОТЦА! О ТВОЕЙ НИЗОСТИ БУДУТ ВЕЧНО РАССКАЗЫВАТЬ САГИ! — гремел Плевака.

Сморкал стоял совершенно неподвижно.

А затем громко сказал самому себе:

— Иккинг знал, что я собираюсь выдать его. Он знал.

В комнате остались только двое приспешников Элвина. Они стояли на коленях возле люка, вглядываясь в море, дрожащие и с мечами наголо.

Словно этот волшебный Герой, Иккинг Изгнанник, мог в последнем акте сверхчеловеческого колдовства восстать из моря и нанести удар.

С проворством, которым так гордился бы Плевака в старые времена, Сморкала подскочил к ним, снял ключи в поясов и столкнул их в воду.

Вопли в клетках стихли.

Что предатель делает?

Почему он напал на людей Элвина?

Что, во имя Валгаллы, происходит?

Сморкала подбежал к клетке Плеваки и вставил ключ в замок.

— Что ты делаешь, Сморкала, бандитская твоя рожа? — в изумлении крикнул Бандюг Остолоп.

— А на что это похоже, о Тупоголовый Остолоп? — бросил Сморкала, когда дверца клетки распахнулась. — Помогаю вам бежать.

По клеткам прокатился изумленный шепот.

Викинги были могучие воины, но не все из них быстро соображали. В Курс Начальной

Единственная
слеза скатилась
у Сморкалы по щеке.

Пиратской Подготовки, который все они прошли, входили Шпионаж и Предательство, но большинство из них, если честно, не очень-то успевали по этим предметам. Куда больше им нравилось точно знать, кто враг. Хорошо бы даже цветом врагов пометить, и чтоб в одинаковых шлемах или одинакового покроя меховых плащах или еще как-то, а то неразберихи в бою не избежать.

Поэтому неожиданный ход со стороны Сморкалы совершенно сбил их с толку.

— Погоди, — жалобно протянул Бандюг Остолоп, — я думал, ты на другой стороне...

— Я тоже, — пожаловался Граббит Мрачный. — Ведьма благодарила тебя и все такое... Почему ты нас выпускаешь? Что происходит?

— Послушай, Сморкала, — потребовал Шельма Шандарах. — Давай-ка разберемся. Ты на стороне мерзавца Элвина или нет?

— Что бы я ни сказал, ты все равно не поверишь, — ответил Сморкала. — Вы ведь уже постановили, что я вероломный червяк.

Плевакина дверь стояла нараспашку, а Плевака так и сидел внутри, сложив руки на груди и отказываясь двигаться.

— Я не принимаю помощи от предателей и позора своего племени! — яростно прорычал Плевака.

— Ох, ради Тора, оставайся, если хочешь! Ты всегда был упрямой старой обезьяной, — пробурчал Сморкала.

Он бросил ключи в дверцу ближайшей клетки, чтобы остальные могли освободиться сами, и убежал из Зала.

Пленники не стали больше терять время, пытаясь понять, что двигало Сморкалой, и пошли освобождать друг друга, передавая ключи. Умение разбираться в тонкостях человеческой натуры никогда не были их сильной стороной.

Что им хорошо удавалось — это драка.

Радостно вопя, освобожденные вооружились мечами, дротиками, копьями — всем, что нашли в оружейной.

Даже Плевака сообразил, что лучше проглотить гордость и присоединиться к веселью. Он вылез из клетки, в задумчивости качая головой.

13. ТЕМ ВРЕМЕНЕМ ПОД ПОЛОМ

Как удалось Камикадзе выбраться из ящика, а Иккингу сорваться с цепи? Ну, это было вовсе не такое чудо, как показалось зрителям.

Давайте вернемся немного назад, под настилы плавающего города, где перепуганный Иккинг шепнул Рыбьеногу: «План „Б“! План „Б“!» — и захлопнул крышку люка, оставив Рыбьенога сидеть на перевернутом корпусе корабля в темноте с шестью драконами: Смертенем, Буримухой, Мухрюнделем, Ветрогоном, Ураганом и Одинклыком.

— Ох, ради Тора, — простонал Рыбьеног. — План «Б»! План «Б» означает, что Утраченных Сокровищ там нет!

Уши у Одинклыка были ярко-лиловые и дрожали, словно по ним тек электрический ток, как всегда в минуту ужасной опасности.

— Я говорил Иккингу, — пролепетал Одинклык, — я видел Утраченные Сокровища во сне. Они где-то под водой. Но я восхищаюсь мужеством Иккинга — поверить Сморкале! Просто позор...

Рыбьеног слотнул и закончил фразу за него:

— Просто позор, что Сморкала предал его снова?

Словно в подтверждение сказанного, Сморкалин Ураган снялся с полузатопленного корабля и улетел.

— Куда он? — спросил Рыбьенег. И тут же ответил на собственный вопрос: — Должно быть, к своему вероломному хозяину. Вот и славно, — сказал Рыбьенег. — Я тут сам по себе, но все хорошо. — Он старался не паниковать.

В тревожные минуты его часто одолевала астма.

К счастью, смертени в опасной ситуации вырабатывают в своем дыхании успокаивающий гормон, и окутанный облаками молочного пара трехглавый ласковый великан давал Рыбьенегу силу оставаться спокойным и собранным.

Рыбьенег понадежнее пристроил битые очки на носу. Он не хотел выглядеть трусом в глазах маминного дракона. Если мама была храброй, то он и по-давно сможет.

— Так, — сказал Рыбьенег, заставляя себя мыслить разумно, — согласно Плану «Б», нам теперь надо тайком спасти Иккинга... Но как нам его спасти, если мы понятия не имеем, где он?

В двухстах метрах от них в длинной платформе открылся люк, впустив в темное море столб сверкающего света. Крики и топот сверху сделались такими громкими, что Рыбьенег съежился между спинными шипами Смертени в страхе, что его обнаружат.

— ИК-КИНГ! ИК-КИНГ! ИК-КИНГ!

И тут раздался громко и ясно ведьмин голос:
— ОПУСТИТЕ ЕГО В ЛЮК!

Что-то плюхнулось сквозь люк в море. Рыбьеное с ужасом опознал шлем Иккинга.

— Так... Ладно... Вот и он... Это Иккинг... Давайте его спасать...

Ветрогон сорвался с места раньше, чем Рыбьеное успел договорить, и полетел к тому месту, куда окунули Иккинга. За два взмаха крыльев Рыбьеное разглядел по пузырям, что Ветрогон добрался до Иккинга под водой, а следом за ним нырнули Одинклык, Буримуха и Мухрюндель.

Рыбьеное завис рядом на спине у Смертеня.

— Доставайте его! Что вы делаете, парни? — отчаянно шептал он из теней. — Почему вы не достанете его оттуда? Там же зимогрызки и вообще...

Он видел, как под водой охотничьи драконы гоняют туда-сюда стремительные черные силуэты зубастых зимогрызок.

Приспешники Элвина снова потянули цепь. Она натянулась, и из воды вынырнул Иккинг, мокрый и посиневший от холода. Рыбьеное смотрел, разинув рот.

ФЫРРР!

На поверхность ракетой вылетел Одинклык.

— Почему вы не спасли его? — возбужденно прошептал Рыбьеное.

— Он не хотел, чтобы мы его спасали, — ответил Одинклык. — Он все показывал наверх, в Зал Собраний. Думаю, он не хочет, чтобы мы его спасали, пока он не сумеет вытащить и Камикадзу тоже.

— Ох, хвала Тору, — выдохнул Рыбьенег. — Так Камикадза жива?

— Мы просто не даем Иккингу вконец замерзнуть и задохнуться, — продолжал Одинклык, — а еще отпугиваем зимогрызок. Ветрогон вдвует ему воздух в легкие, чтобы он не утонул.¹

ПЛЮХ!

Иккинг снова полетел вниз, и Рыбьенег разглядел, как большая тень Ветрогона носится под водой, словно гигантский луч, а мелкие серебристо-темные зимогрызки брызгают врассыпную. Снова и снова Иккинга втаскивали обратно через люк, снова и снова его бросали в море — и каждый раз его оставляли под водой все дольше и дольше.

— Что же мне делать? — скулил про себя Рыбьенег. — Ему же это вредно... План «Б» с самого начала был чересчур рискованный... Как Иккинг собирается спасти Камикадзу, если сам закован в цепи и вообще?

¹ Ветрогон работал как дракон-акваланг. Впервые Иккинг описывает, как проделывал это с Беззубиком, в книге «Как стать пиратом», когда он застрял в подземной пещере Черноборода Оголтелого. Иккинг с Ветрогоном тренировались в этом в более счастливые времена и в более теплых водах, когда ныряли вместе за крабами в Хулиганской гавани, когда-то, давным-давно.

Ответом на вопрос Рыбьенога послужил очередной ПЛЮХ! Громадный сундук ударился о воду, Ветрогон атаковал его, и, к неимоверному облегчению Рыбьенога, на поверхность, хватая ртом воздух, вынырнула Камикадза.

Он протянул ей руку, девчонка взобралась позади него на Смертенья и, дрожа, уселась на теплую драконью спину. От нее тут же пошел легкий парок.

В четвертый раз, когда Иккинг сам нырнул в люк, Ветрогон сменил тактику. Камикадза была в безопасности, стало быть, настало время спасать Иккинга.

МОРЕ НЕ МОГЛО
УДЕРЖАТЬ
ее...

Ветрогон как следует ухватил Иккинга за шиворот под водой, словно кошка котенка, и изо всех сил потянул за цепь, пристегнутую Иккингу к лодыжке. Другой конец держали Элвин и его сторонники.

Это и было загадочное перетягивание каната, которое так впечатлило всех в Зале Собраний.

Наконец цепь лопнула. Ветрогон гладкими мощными взмахами крыльев вынес задыхающегося Иккинга на поверхность и пристроил на днище корабля, куда уже перебралась Камикадза.

— Спасибо, Камикадза, — пропыхтел Иккинг.

— Я тебе говорила, — сказала Камикадза. — Я больше никогда не отвернусь от тебя.

Иккинг улыбнулся, но времени расслаживаться и болтать не было.

— Ветрогон, Мухрюндель, Одиноклык и я найдем Беззубика и Сокровища... Рыбьеног, Камикадза и остальные, организуйте Отвлекающий Маневр...

Едва он договорил, Ветрогон полетел прочь, неся Иккинга в пасти, словно обмякшую куклу, а встревоженные Одиноклык с Мухрюндедем поспешили следом.

— Отличная новость! — радостно воскликнула Камикадза. — Кроме Грабежа и побегов из невозможных тюрем, ну, может, еще серфинга верхом на драконе, Бой-бабы больше всего любят ОТВЛЕКАЮЩИЕ МАНЕВРЫ!

Она перебралась на Смертеня, развязала рюкзак и вынула большие пшеничные усы.

— Камикадза, — заметил Рыбьенег, — никто не примет тебя за очень мелкого воина Элвина.

Камикадза не обратила на это внимания.

— Теперь, — она подняла палец, — нам надо быть чуть поосторожнее, потому что там наверху наверняка тысячи и тысячи быкостражей и приспешников Элвина.

— А нас четверо... — проблеял Рыбьенег.

— Шестеро! — весело поправила Камикадза. — Твой Смертень считается за троих. Вот почему мне нужно мое тайное супероружие. Так, куда ж я его засунула?

Камикадза, вытаскивая веревки, ключи и всевозможные необычайные приспособления, докопалась до дна своего рюкзака, где носила снаряжение Мастера Побегов.

Спасибо тебе,
Камикадза.

— У тебя есть тайное супероружие? — Рыбьенег уцепился за призрачную надежду, наваянную этими словами.

Мысли о могучих таранах, копьеметательных машинах и гигантских римских катапультах поплыли у него в голове, придавая капельку храбрости.

Но нет, трудно было бы засунуть боевой таран в крохотный рюкзачок.

Камикадза радостно ухнула, когда наконец нашла свое тайное супероружие и подняла его в руке, чтобы Рыбьенег видел.

Возникла краткая пауза.

— Камикадза, — сказал Рыбьенег. — Мы вчетвером... нет, извини, вшестером готовимся сойтись лицом к лицу с целой армией тяжеловооруженных людей Элвина, а это стеклянная баночка, заполненная камешками.

Мелкими, серыми, совершенно обычными на вид камешками.

— Ну да, — хитро прищурилась Камикадза, — но это не обычные камешки. Мама сперла их с китайского корабля, который захватила, когда ходила на восток, а я их как бы одолжила. Поверь мне, Рыбьенег, эти штучки просто что-то с чем-то.

— Ну да, — язвительно отозвался Рыбьенег, — эти сувенир-

ные камешки, которые твоя мама привезла из отпуска, уж точно обеспечат перевес в нашу пользу...

— Сейчас мы несколько в меньшинстве, должна признать, — сказала Камикадза. Она нахмурилась и вытащила из рюкзака веревки, а потом одолжила у Рыбьенога лук и несколько стрел. — Поэтому надо заставить их думать, будто нас больше. Пусть эти тухлые, воняющие селедкой, злобно-вывернутые дружки Элвина решат, что их атакует вся армия Валгалларама. Можно на секундочку твой шлем, Рыбьеног? — Не дожидаясь ответа, Камикадза сдернула шлем у него с головы. — Смотри, Рыбьеног, думаю, тебе понравится... Кто это, по-твоему, а?

И Камикадза запела в Рыбьеногов шлем Хулиганский национальный гимн, неловко подражая гром-

кому, раскатистому голосу Валгалларама. Шлем придал ее пению необходимую глубину и гулкость.

По зимнему шквалу — мечом и плечом!
Эти бурные волны — твой дом!

Рыбьенег смотрел на нее, отвесив челюсть.
— Ты звучишь в точности как Валгалларама...
— Круто, да? — ухмыльнулась Камикадза. —
Я целую вечность тренировалась...

Ледяная пыльца не засыплет сердца...

— Да, это здорово, Камикадза. Жутко до невозможности, но сейчас не время поражать публику, — перепуганно перебил Рыбьенег.

И снова Камикадза пропустила его слова мимо ушей.

— Так, Рыбьеног, доставай свое оружие, надевай капюшон, и я хочу, чтобы ты вообразил, будто ты — целая армия...

— Представить, будто я — целая армия, — повторил Рыбьеног, доставая лук и стрелы и натягивая капюшон огнеупорного костюма. — Представить, будто я — целая армия... безумие...

Камикадза стукнула пятками, Смерть вылетел из-под деревянной платформы и взмыл к далекому потолку пещеры.

Рыбьеног зажмурился и снова и снова шептал про себя:

— Я — целая армия... Я — целая армия... Я — целая, ужасно страшная армия Печати Дракона...

Камикадза гнала Смерть все выше, пока он не завис под самым ледяным потолком.

Сверху безумные переплетения города на воде казались неожиданно красивыми, лабиринт деревянных платформ и темные силуэты плавучей армады освещали по краям факелы.

Крохотные фигурки носились с факелами в руках вокруг Зала Собраний и орали друг на друга, свешиваясь с помостов деревянных улиц.

— Найдите Иккинга! — верещала ведьма, и быкостражи уже беспорядочно шарили лучами, образуя шипящий, плюющийся живой лабиринт смерти в воздухе под стать лабиринту улиц внизу.

— Спокойно, — шепнула Камикадза, заставляя Смертеня описывать круги. — Главное — вовремя подгадать... А теперь вниз! — приказала она. — Вниз, Смертень, вниз!

— погоди! — запаниковал Рыбьенег. — Вниз сейчас нельзя! Невозможно пробраться сквозь эти случайные молнии! Ты не можешь!

— В АТАКУ! — заорала Камикадза. Голос ее прозвучал величественно и неотличимо похоже на самый могучий командирский голос Валгалларами. Даже усы придавали ей валгалларамистости. — В атаку, Воины Печати!

— Ох, братцы, — прошептал Рыбьенег, прикрывая глаза ладонями.

Смертень спикировал.

Смертень
спикировал.

14. МАСТЕР-КЛАСС ОТ КАМИКАДЗЫ: СЕЕМ ЖАОС И НЕРАЗБЕРИХУ

За несколько минут до этого люди Элвина выбежали на платформу и стали обшаривать ледяные воды под ней в поисках хоть каких-нибудь следов Иккинга.

— Он не смог бы задерживать дыхание так долго! — орал Элвин. — Направьте лучи быкостражей отвесно на воду!

Сотни парящих быкостражей осветили море вокруг Зала Собраний, открыв перекатывающиеся в лихорадочной кормежке косяки зимогрызок.

— Глянь, Элвин, дорогой! Они что-то едят! — весело пропела ведьма. — Должно быть, это мальчишка.

— Мне нужны доказательства! — взвизгнул Элвин. — Мне нужно тело! И вообще, это не Иккинг, это мой новый плащ, он с меня свалился...

Освобожденные Сморкалой Плевака и остальные Воины Печати выглядывали из дверей Большого Зала, не уверенные, атаковать или бежать. Их было двадцать два — маловато, чтобы дать достойный бой в прямом столкновении с тысячами и тысячами воинов Элвина.

— Погодите... — прошипела ведьма, оцепенев, словно что-то ее ужалило. — Что это?

Из ниоткуда донесся бесплотный голос, распеваящий Хулиганский национальный гимн.

По зимнему шквалу — мечом и плечом!
Эти бурные волны — твой дом...

— Я знаю этот голос! — Ведьма плюнула. — Неужели это... неужели это Валгалларама?!

А песня все звучала, такая радостная, веселая и беззаботная, словно ее распевали у костра на Олухе:

Ледяная пыльца не засыплет сердца...
Хулиганские... сердца... до конца!!!

Элвин тоже застыл:

— Но... это значит, они нашли нашу тайную крепость!

— Невозможно! — прохрипела ведьма. — Неве-
роятно! Непредставимо!

Но тут прогремели уже другие слова, и все явственно расслышали в них громовые, отчетливые интонации ВАЛГАЛЛАРАМЫ Могучей, Валгалларама Ужасной, Валгалларама Великой и Непобедимой Воительницы.

— В АТАКУ-У-У-У-У-У! — ревел голос Валгалларама. — В АТАКУ-У-У-У, ВОИНЫ ПЕЧАТИ!

Смерть вошел в невидимое пике.

Камикадзе везло, как везет пьяным или дуракам: Смертеню чудом удалось проскочить сквозь переплетение быкостражевых молний, не получив ни царапины.

Ведьма побелела больше обычного.

— Войско Валгалларама... — прошептала она. — Быстро... Занять оборону! Людей на баррикады!

Началась суматоха. Воины похватали оружие и принялись наугад стрелять в воздух, а нечто громадное и невидимое спикировало вниз, выпустило несколько молний по Залу Собраний и взмыло снова.

Рыбьенг неуверенно открыл глаза:

— Ладно, Камикадза, должен признать, это было в своем роде блестяще.

— Понимаешь, — улыбнулась Камикадза, — мы армия! Мы целая армия Печати Дракона... — Она дерзко подмигнула ему. — Смотри!

Камикадза вынула из банки горсть серых камешков и швырнула их в шесть разных сторон. Они пролетели по воздуху, как и положено нормальным серым камешкам... Но когда они приземлились...

БУМ! БУМ! БУМ!

Камешки взорвались, создавая впечатление, что город атакован в шести разных местах, шестью разными драконами, причем одновременно.

БУ-У-У-УМ!

Шестой камешек вызвал очень большой взрыв, потому что попал прямо в оружейную и угодил в кузнечный горн, весело пылавший посередине.

— Слава Хулиганам! — прогремела Камикадза.

Она пыталась изобразить голос Стоика Обширного, но даже с помощью шлема прозвучало несколько пискляво.

— Стоик у тебя получается не так хорошо, как Валгалларама, — заметил Рыбьенег. — Не убедительнее, чем твои блондинистые усы.

Слепая паника охватила защитников крепости.

— Они применяют крадких драконов! — ревел Элвин Вероломный. — Стреляйте наугад в воздух, мы не увидим их приближения! Они заходят с воздуха, идиоты, с воздуха!

Но оказалось, что их атакуют и с земли.

— В АТА-А-А-А-КУ-У-У-У-У! — заорал Плевака Крикливый.

И выпущенные Сморкалой Воины Печати высочили из Зала Собраний и ринулись в бой.

Да, их было очень мало, но, к счастью, большинство приспешников Элвина уже поднялись в воздух верхом на драконах, чтобы отразить полностью воображаемую атаку крадких драконов.

Они целились наугад и чаще всего попадали в быкостражей. Те в свою очередь решили, что их обстреливают враги, и принялись отвечать.

Так началась Битва Под Водопадом, в которой благодаря блестящим навыкам Камикадзы по созданию хаоса и неразберихи участвовали в основном воины Элвина и быкостражи, лупившие друг друга почем зря.

15. «ВЫ ЗВАЛИ, МАДАМ?»

Ветрогон на огромной скорости плыл через внутреннее море пещеры. С впечатляющей точностью рассчитывая время, он выныривал на поверхность на несколько мгновений, чтобы Иккинг мог с облегчением, пыхтя и кашляя, сделать большой вдох.

Когда они в очередной раз вынырнули, Иккинг услышал голос Валгалларама в исполнении Камикадзы.

«Что происходит? — подумал он, растерянный и сбитый с толку. — Это же не может быть мама?»

Но тут Ветрогон снова утянул его под воду, и Иккинг едва не потерял сознание от холода и недостатка воздуха.

Рядом с ними плыли маленький розовый Мухрюндель, похожий сейчас на подводного шмеля, и Одинглык.

Когда Ветрогон наконец снова вынырнул, плавающий город уже остался позади, а рядом тихо покачивалась на ледяной воде Варварская Армада. Ветрогон нежно выплюнул Иккинга на ближайший корабль. Мальчик лежал ничком на палубе, переводя дух. Его била неукротимая дрожь, но он слишком замерз, чтобы двигаться.

— Спасибо, Ветрогон... — прошептал Иккинг, закрывая глаза.

Ему хотелось спать... он так устал от вихря событий и впечатлений, да и трясло его немилосердно.

— Проснись, хозяин, — шептал Одиноклык настойчиво. — Проснись! Тебе сейчас нельзя спать...

Волна жара, окатившая трясущееся тело Иккинга, заставила его снова открыть глаза. Моргая в теплом ветерке, он сообразил, что это Ветрогон обдувает его горячим воздухом. Жаркое дыхание дракона постепенно отогрело дрожащие конечности, и они перестали трястись. Иккинг поднялся на ноги, ужасно скособоченный и слабый — ни дать ни взять ягненок, впервые встающий на ножки. Левая сторона почти полностью онемела, и даже мысли походили на слизняков.

Он оглянулся на Зал Собраний — там орали и вопили люди Элвина, сражающиеся с Воинами Печати и пускающие стрелы без разбора.

Отлично. Рыбьенег с Камикадзой запустили Отвлекающий Маневр. И звучало это так, словно к ним и впрямь присоединились мама Иккинга и ее армия.

Вторая часть Плана «Б» была несколько сложнее.

Дело в том, что успех второй части Плана «Б» зависел от Мухрюндея.

Иккинг с сомнением взглянул на парящего перед ним в нетерпении дракончика. Тот отряхнулся, обдав мальчика брызгами.

— Мухрюндель! — окликнул Иккинг.
— Вы звали, мадам? — отозвался дракончик.
— Мухрюндель, сейчас ты нам очень нужен. Все зависит от тебя.
— Гав-гав! — пропищало дружелюбное создание, но встревожилось.

Даже Мухрюндель, похоже, понимал, что План, который зависит от него, может оказаться Невероятно Рискованным.

— Мухрюндель, мне нужно, чтобы ты кое-кого нашел, — торжественно произнес Иккинг.

Он сунул руку в рюкзак и вытащил печальные остатки рваной и обгорелой шубки. Иккинг припрятал ее специально, чтобы Мухрюндель мог проследить запах и найти, куда засунули Беззубика.

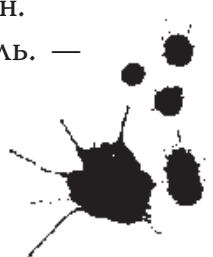
Шубка, разумеется, промокла, но Иккинг надеялся, что это не повлияло на запах.

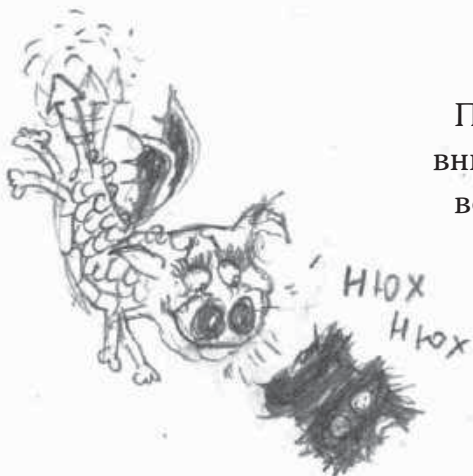
— Понюхай как следует, Мухрюндель. Мне нужно, чтобы ты нашел Беззубика. Ищи Беззубика, хороший Мухрюндель, ищи!

Мухрюндель вздохнул с облегчением. Его пооросый хвостик вертелся так быстро, что сливался в мутное пятно. Наконец-то он пригодится! Уж в этом-то он понимал! Это ему по силам!

Мухрюндель обнюхал шубку со всех сторон.

— ХМММ... — потянул носом Мухрюндель. — Сочно...

Пятачок его ходил вверх-вниз, с шумом втягивая воздух, словно жил собственной жизнью. Пару лет назад Иккинг сам обучил именно этого мухрюнделя команде «ищи». Это заняло много времени, потому что мухрюнде-лей разводят не за ум. Мысли их перескакивают с предмета на предмет, как мотылек порхает.

Но если уж они освоили «ищи», то лучшей ищейки и вынюхивателя в целом свете не найдешь.

Подвижный пятак Мухрюнделя способен улавливать запахи, которые нам с вами и не вообразить. Он чуял косяк зимогрызок, как раз проходивший под кораблем, на котором они нашли пристанище. Он чуял птиц, спящих в кронах сосен далеко-далеко на берегу.

Этот исключительно чуткий нос различал запахи, как опытный картежник различает карты в колоде. И порой среди этих запахов, между запахом паука, семенящего вверх по мачте одного из кораблей в тридцати метрах от них, и еще двадцатью четырьмя слабо различающимися запахами двадцати четырех чуть различных нанодраконов, спящих в одной из бочек с галетами на том же корабле, он улавливал крошечный отзвук чего-то, что пахло очень похоже на Беззубика.

— **Ищи Беззубика!** — протрубил Мухрюндель и понесся на запах, будто его поволок по воздуху серебряный призрак.

Ветрогон и Одиноклык едва за ним поспевали. Маленький стремительный Мухрюндель, словно поросенок на реактивном ходу, несясь над кораблями, причаленными по краям плавучего города.

— **ИщиБеззубика-ИщиБеззубика-ИщиБеззубика... пардон, бабуля!** —

извинился он перед корабельной мачтой, от которой еле увернулся в своем целеустремленном полете. — **ИщиБеззубика-ИщиБеззубика-ИщиБеззубика...**

Этих викингских боевых кораблей было,

должно
быть, не меньше
сотни. Темные и при-
зрачные, они покачивались
на черной воде, безжизненные
и беззвучные, словно смертные лодки.

Но прямо в конце, так близко к краю пещеры,
что буквально у водопада... вроде бы слабые при-
знаки жизни? Уж не крохотные ли тени людей дви-
жутся там и мерцают точки факелов?

Мухрюндель направлялся прямо к тому кораблю.

«Так, — подумал Иккинг. — Вот, значит, куда за-
брали Беззубика... а если Беззубик там... выходит,
там же спрятаны и остальные девять Утраченных
Сокровищ...»

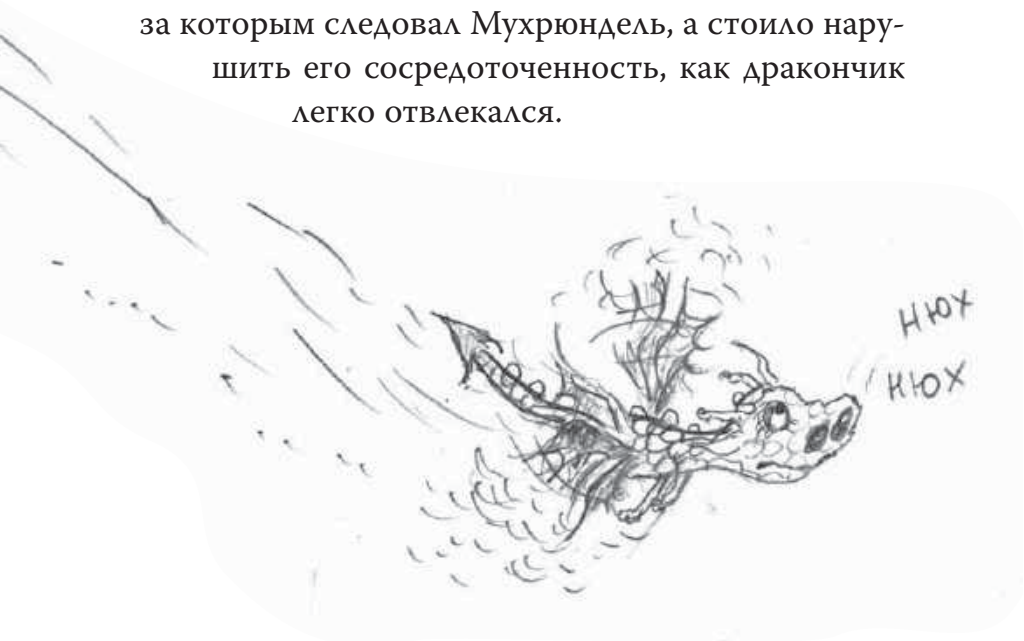
Теперь Мухрюнделя надо было остановить. Дракончику не понять, что надо вести себя тихо и пробраться на корабль тайком. Он их всех выдал бы.

Иккинг мягко тронул бока Ветрогона пятками. Ветрогон прынул вперед и пристроился рядом с мчащимся Мухрюндеlem.

Мухрюндель с впечатляющей решимостью бормотал себе под нос:

— ИщиБеззубика-ищиБеззубика-ищи-Беззубика...

Иккинг нагнулся, сгреб Мухрюнделя в охапку и сунул под мышку, а другой рукой зажал ему пяточек. Ладонь мальчика перекрыла доступ запаху, за которым следовал Мухрюндель, а стоило нарушить его сосредоточенность, как дракончик легко отвлекался.

После нескольких возмущенных писков и «Ой, щекотно!» Мухрюндель забыл про Беззубика и лизнул Иккингу ладонь, ласково тычась в нее пятчком.

— Пора спать, Мухрюндель, — сказал Иккинг.

— О-о-о, пора спать! Это мне пора?

— Да, мы сейчас ложимся спать, Мухрюндель...

Иккинг снял рюкзак, Мухрюндель запрыгнул внутрь и принялся умащиваться там, весело ухая.

— Ночь, ночь, Мухрюндель... — шептал Иккинг. — И ты молодец! Ты очень нам тут пригодился...

Мухрюндели обожают быть полезными. Дракончик так радовался, что его похвалили, что снова раздулся, как воздушный шар, и — ЧПОК! — чуть не лопнул от гордости, хотя уже позабыл, за что его благодарил Иккинг.

— Крепкого сна! — зевнул дракончик. —
Отдать якоря! Веселых праздников!
Спокойной ночи, милые дамы,
спокойной ночи...

Как только Иккинг закрыл рюкзак, изнутри донеслось глубокое, фыркающее, насморочное, раскатистое похрапывание.

Беззвучно, как тени, Иккинг с Ветрогоном и Одинклым полетели вперед к движущимся огонькам. Они приземлились на корабль поблизости и стали перепрыгивать по-кошачьи с палубы на палубу, старательно держась в тени.

Внезапно раздались быстрые шаги. Иккинг и два дракона нырнули за надстройку. Металлические подметки Коварняка прогрохотали мимо, — он спешил в бой у Зала Собраний, который теперь весело пылал, словно гигантский костер...

С колотящимся сердцем Иккинг выждал, пока Коварняк исчезнет.

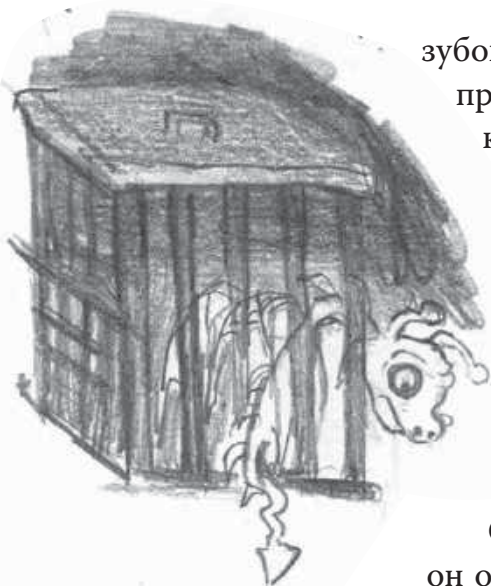
К борту последнего корабля была прислонена лестница. Тихо, как призрак, Иккинг вскарабкался по ней и заглянул через борт.

На палубе перешептывались двое стражников. Они были настолько поглощены беседой, что не видели, как Иккинг и два дракона проскользнули через борт и спрятались за палаткой посреди палубы.

Первый стражник сосал палец.

— Этот мерзкий дракончик меня УКУСИЛ! — ворчал он. Вид у него был очень раздраженный. — А кусается он, между прочим, БОЛЬНО, для без-

зубого-то! Если б я знал, что придется нянчиться с драконами, никогда б на эту работенку не вызвался... Мелкая гнусная тварь мне барабульку прямо в лицо делала!

Речь могла идти только о Беззубике.

— Ох, молодец, Беззубик, — выдохнул Одиноклык, хотя обычно он очень тщательно следил,

чтобы дракончик вел себя прилично.

Настроение у Иккинга еще поднялось, когда он различил голос Беззубика, напевавшего про себя где-то в глубине корабля.

«Беззубик, — подумал Иккинг. — Хвала богам, ты жив».

— Сто тридцать три тысячи четыреста восемьдесят девять бутылок висят на стене... — печально выводил дракончик, ибо Беззубику было себя очень жалко. — Сто тридцать три тысячи четыреста восемьдесят девять бутылок висят на стене... и если ОДНА зеленая бутылка случайно упадет... останется сто тридцать три тысячи четыреста восемьдесят восемь бутылок висеть на стене...

Беззубик недавно научился считать, и эта песенка помогала ему не падать духом, пока Иккинг его не спасет. В том, что Иккинг его спасет, Беззубик не сомневался.

Второй стражник зажимал уши руками:

— ЗАТКНИСЬ, ты, отвратительная мелкая лягуха-без-слуха! ЗАМОЛЧИ!

На миг Беззубик умолк. А затем начал снова тем же сводящим с ума заунывным тоном:

— Сто тридцать три тысячи четыреста восемьдесят восемь бутылок висят на стене... Сто тридцать три тысячи четыреста восемьдесят восемь бутылок висят на стене...

— Спустишь и заткни его! — сказал второй стражник своему напарнику.

— А чего я-то? — взмолился первый. — Меня он уже укусил и барабульку делал, половину моего обеда сожрал и обгрыз конец моих любимых ножен, и это все в первые пять минут! Почему бы тебе самому не сходить его заткнуть?

— Ладно, ладно... с этими мелкими паразитами надо жестко, ты слишком мягок, — проворчал второй и полез в люк посреди палубы. — Тут все дело

До цели
рукой подать.

в голосе. На-
блюдай за мной.
Слушай, ты, паршивая
мелкая рептилия, заглохни
или... АЙ! Меня он тоже укусил!

— Только не шлепай его, ра-
ди Тора! — взмолился первый. — Ведьма сказала,
что он — Последнее Утраченное Сокровище и что
очень важно сохранить его в идеальном состоя-
нии...

— Это верно, ты, глупый Элвинов при-
хвостень! Б'бе-беззубик — Последнее Утра-
ченное Сокровище и притом САМОЕ
ДРАГОЦЕННЕЕ! — орал Беззубик снизу. —
Сто тридцать три тысячи четыреста восемь-
десят СЕМЬ бутылок висят на стене... висят
на стене...

— Меня очень подмывает утратить его снова
прямо сейчас, — сказал второй стражник, выбира-
ясь из люка. — Он затошнил мне безрукавку твоим
обедом и укусил прямо за нос...

Стражник
и раньше-то был
не красавец, но теперь
стал еще уродливее, когда
нос раздулся вдвое против прежнего.

«А вот нечего похищать чужих драконов», —
злорадно подумал Иккинг.

БАМС! Один из Камикадзиных камешков попал
вдалеке во что-то взрывчатое, и по пещере прокатился
звук Хулиганского национального гимна.

— Тебе не кажется, что на нас напали? — встре-
пенулся первый стражник.

— Похоже на то, — отозвался второй. — Это
поет Валгалларама, я ее голос везде узнаю. Ковар-
няку лучше поспешить обратно с подкреплением.
Если на нас нападут ее воины, мы не сможем защи-
тить Сокровища...

Сокровища.

Стало быть, надежды Иккинга сбылись: они
спрятали-таки Беззубика вместе с остальными
Утраченными Сокровищами!

Нетрудно понять, почему тайник устроили на корабле — там в случае нападения быстро можно перевезти их в новое место.

«Сокровища наверняка прямо тут, на этом корабле...»

По платформе у них за спиной загрохотали шаги, и по лестнице влез третий приспешник Элвина, крупный громила с большими желтыми усами.

— Сообщение от ведьмы, — пропыхтел он. — Надо подготовить Сокровища, чтобы перенести в более безопасное место.

— Ты уверен, что нам надо достать их из тайника? — спросил первый. — Что именно сказала ведьма? Ты знаешь, как она бесится, когда мы делаем что-то без спросу...

Ведьма Экселлинор их запугала. Так она действовала на людей.

«Ох, пожалуйста, — мысленно взмолился наблюдавший за ними Иккинг. — Пожалуйста, выньте Сокровища из тайника...»

— Ладно, вот вам точные слова ведьмы: «Если они не вынут Сокровища из тайника быстро, я лично вырву им позвоночники вот этими самыми когтями», — произнес третий.

Это звучало похоже на правду, и двое стражников принялись вращать ворот, вытягивая якорный канат. Требовалась вся их сила, чтобы поворачивать скрипучий барабан.

И, вытягивая якорный канат, они вытягивали по одному и сами Сокровища.

— Ах... — вздохнул Одиноклык Иккингу в ухо. — То-то мне во сне все виделось, что они под водой...

Понимаете, ведьма привязала Сокровища длинными веревками к якорному канату. Вот почему Сморгала их так и не нашел. Он наверняка сто раз тайне обшаривал эти корабли под покровом ночи. Но ему и в голову не приходило заглянуть под воду.

Ведьма была очень мерзкая, но, надо признать, Сокровища она спрятала хитроумно.

Сначала через борт перевалилась корона. Затем римский щит, стрела из небывалой страны, браслет с камнем в форме сердца, ключ, открывающий все замки, тикалка (разбитая, но все еще тикающая), второй лучший меч и последним (стражникам пришлось изрядно поворчать и попотеть) Утраченный Трон Дикозапада... а за ним якорь.

Трон был покрыт водорослями. Когда его втаскивали через борт, из щелей хлынули мелкие, похожие на драгоценные камешки крабы и рассыпались по всей палубе.

«СОКРОВИЩА! — с восторгом подумал Иккинг, через ногу ему перебежал краб. —

Мы нашли Сокровища! Осталось всего-то выкрасть их...»

— Так, — нервно сказал первый стражник, — давайте попихаем Сокровища в трюм, чтобы быть готовыми переместить их по приказу ведьмы.

Трое людей Элвина торопливо отвязали Сокровища от якорного каната и потащили их вниз через открытый люк.

— Ой! — раздался приглушенный голос первого стражника. — Этот гнусный мелкий дракон опять меня укусил!

Трое стражников вылезли обратно, и первый захлопнул крышку люка, задвинул засов и запер на замок.

Иккинг вынул из кармана мешочек с орехами (он всегда держал в кармане угощение для Беззубика), закинул один орех как можно дальше на соседний корабль и нырнул в тень от палатки.

ТЮК!

— Что это было? — проблеял первый стражник.

— Вы двое идите и выясните, а я присмотрю за Сокровищами, — пропыхтел третий. — Кто-то явно пытается на нас напасть.

Первый и второй перелезли по лестнице на соседний корабль с мечами наголо, чтобы разобраться, что там шумело.

Третий перегнулся через борт корабля с факелом в руке и наблюдал за ними. Иккинг на цыпочках подкрался и отвесил ему могучего пинка.

Третий издал негромкий приглушенный вскрик и со смачным «ПЛЮХ!» вошел в воду внизу и...

СКРИП!

Иккинг столкнул следом лестницу, чтобы третий не мог снова взобраться на борт. Затем схватил багор и оттолкнулся.

Сокровища у него! Сокровища у него!

Сердце Иккинга отплясывало маленькую веселую джигу.

Он не возлагал особых надежд на План «Б», но тот пока шел как по маслу, прямо не верилось.

Чего Иккинг не знал, так это что третий стражник вовсе не был приспешником Элвина.

Это была его родная мама, Валгалларама.

Понимаете, Камикадза не единственная любила нацепить большие блондинистые усы.

Валгалларама переодетой проникла в тайную крепость Элвина, чтобы выкрасть девять Утраченных Сокровищ и успеть встретиться с Иккингом на берегу в Канун Солнцеворота.

И все бы у нее получилось, если б ее сын так неудачно не принял ее за настоящего воина Элвина (маскировка в виде пшеничных усов в ее случае была куда убедительнее, чем у Камикадзы, поскольку Валгаллараме хватало места, чтобы их носить) и не спихнул в воду.

«Ах, Иккинг, — вздохнула про себя Валгалларама, плывя рядом с кораблем и „случайно“ пуская

стрелу в сторону второго стражника, который стрелял по палубе уходящего корабля. — Говорила я тебе не покидать подземное убежище. Говорила, чтобы ты доверился мне, а я обо всем позабочусь...»

Воительница покачала головой.

— И все же, — задумчиво пробормотала она, — может быть, мне пора учиться отходить в сторону и позволять мальчику поступать по-своему, совершать собственные ошибки. — Она вздохнула. — Это тяжелее, чем я думала.

Но Иккинг ничего не знал об этом еще очень-очень долго.

Ему и так забот хватало.

Надо было вывести корабль на веслах из пещеры, прежде чем стражники поднимут тревогу. К счастью, корабль стоял очень близко к водопаду. Мальчик слышал рев воды, похожий на рычание моредраконуса гигантикуса максимумуса...

Стоит выбраться из пещеры, как все станет хорошо, ветер наполнит парус.

Но хотя плыть было совсем недалеко, а корабль был не особенно большим, как ему выгрести в одиночку?

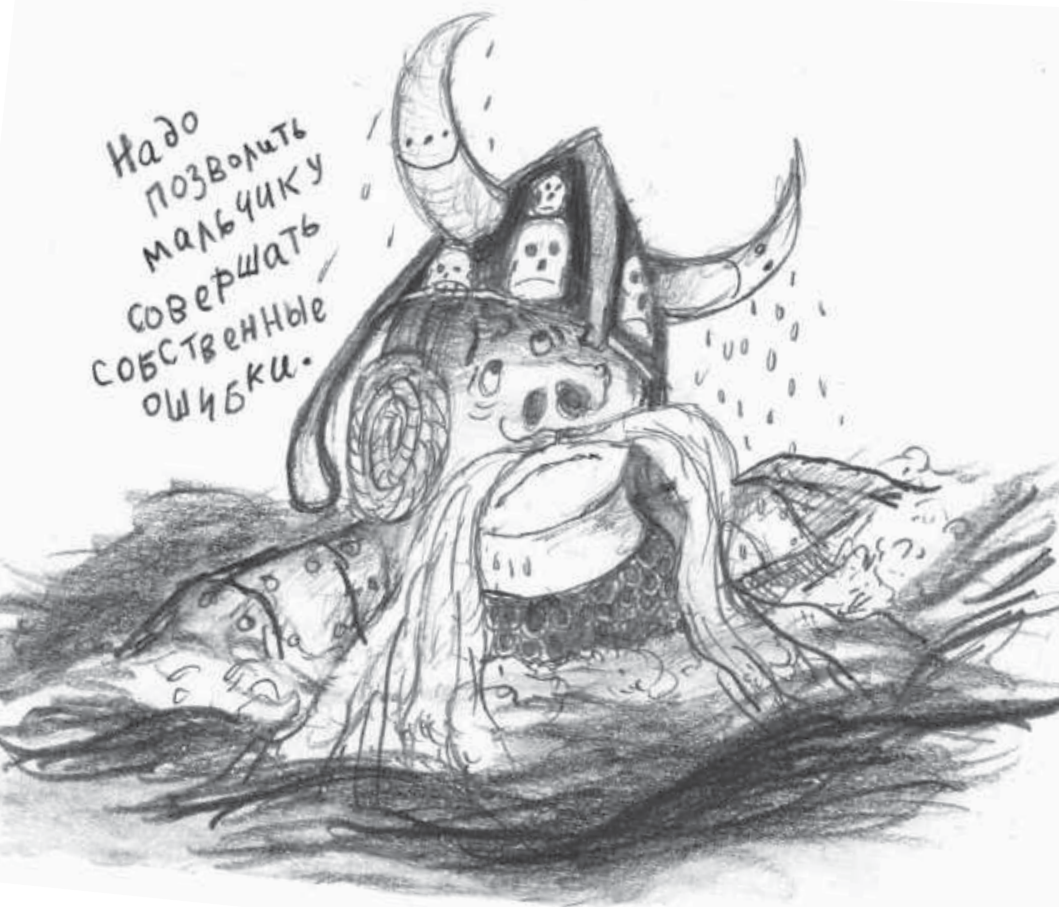
Иккинг побежал через палубу к веслам и мельком заглянул в люк, просто чтобы убедиться, что Беззубик там.

— Беззубик? — шепнул он.

— Хо-хозяин! — пискнул в ответ радостный голос Беззубика.

Ох, хвала Тору!

— Не волнуйся, Беззубик! — крикнул Ик-кинг в люк. — У меня сейчас нет времени от-пирать замок, но я тебя спасу!

Ты украл мой зуб!

16. МОЙ ЗУБ... ГДЕ МОЙ ЗУБ?

И тут Иккинг застыл.

Волосы на загривке встали дыбом, как иглы у сердитого дикобраза. Меньше чем в двух метрах от него в воздухе зависли, словно подвешенные зловредным божеством...

...два злых красных глаза.

И из пустоты донесся еле слышный ноющий шепот:

— Мой зуб... где-е-е мой зуб?

Как только Иккинг увидел эти красные глаза, он осознал, что последние два часа рука вокруг застрявшего в ней ужасного зуба отчаянно болит. Просто он не замечал боли из-за стремительной чехарды событий.

Медленно-медленно вокруг злых красных глаз с двумя узкими щелочками зрачков материализовалось тело вампира-ищейки, припавшее к люку, словно на страже.

Вампир-ищейка — отвратительное зрелище. Достаточно один раз увидеть, чтобы потом оно годами являлось в кошмарах.

Голова у него была как у гигантской летучей мыши, из слюнявого рта сбоку торчал один вампирский зуб самого злодейского вида.

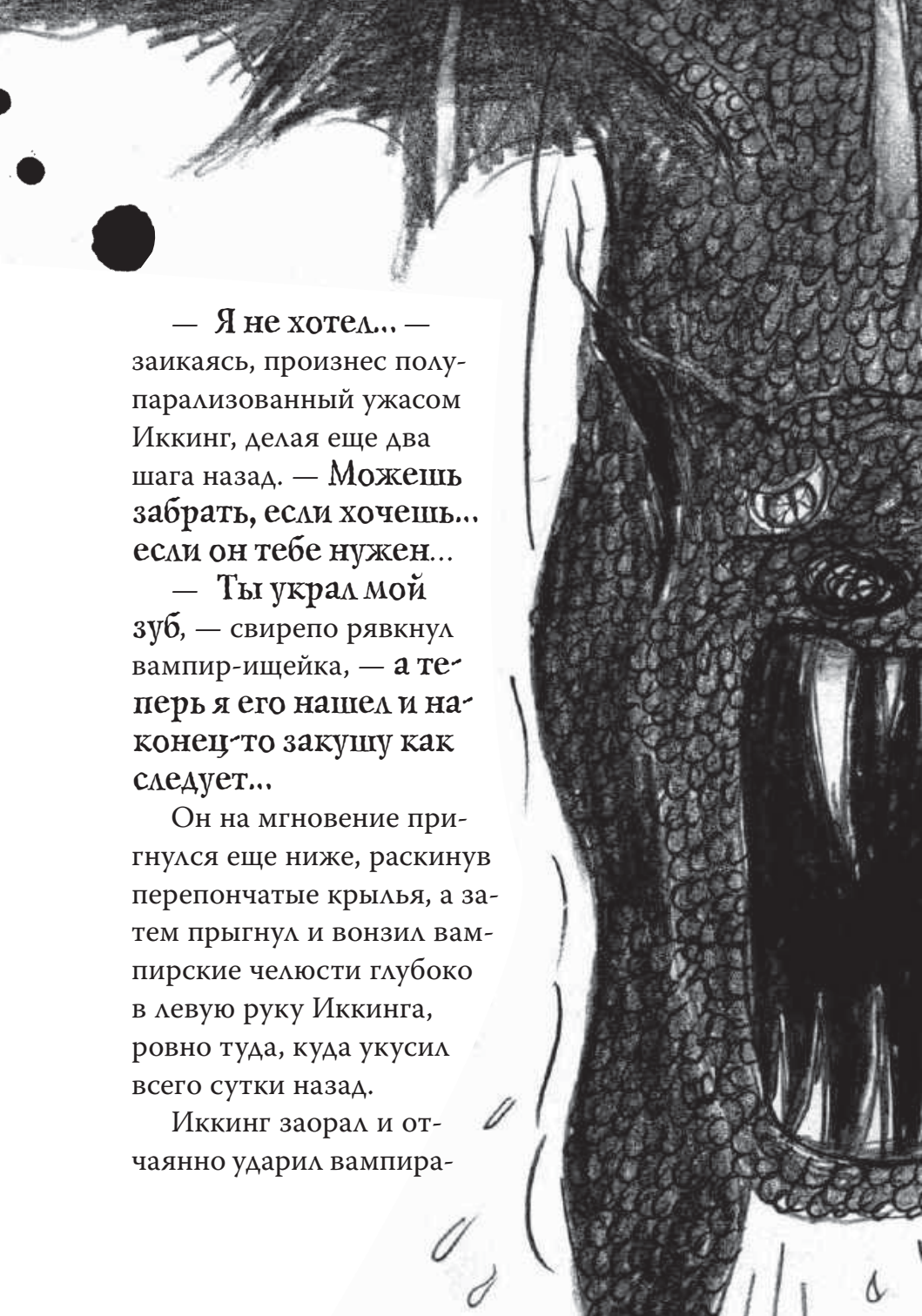
Мерзкий приплюснутый нос принюхивался, а с вампирских клыков капала слюна.

Боль в руке Иккинга, видимо, означала, что вампир-ищейка выслеживал его с помощью оставленного зуба.

— Мой зуб... — скулил вампир. — Где-е-е мой зуб? Мне ведь тоже надо что-то есть... Где-е-е мой зуб???

Иккинг ничего не ответил, только попятился в ужасе, пряча левую руку за спиной.

— Ага! — прохрипел вампир-ищейка. Его красные глазки вспыхнули кровожадным торжеством. — Ты пытаешься его спрятать, мерзкий маленький вор, но ты не можешь скрыть его от меня... Думаю, я его выследил... думаю, я его нашел... ты украл мой зуб, жуткий маленький вор...

— Я не хотел... —
заикаясь, произнес полу-
парализованный ужасом
Иккинг, делая еще два
шага назад. — Можешь
забрать, если хочешь...
если он тебе нужен...

— Ты украл мой
зуб, — свирепо рявкнул
вампирищейка, — а те-
перь я его нашел и на-
конец-то закушу как
следует...

Он на мгновение при-
гнулся еще ниже, раскинув
перепончатые крылья, а за-
тем прыгнул и вонзил вам-
пирские челюсти глубоко
в левую руку Иккинга,
ровно туда, куда укусил
всего сутки назад.

Иккинг заорал и от-
чаянно ударил вампира-

ищайку по мерзкой голове. Ветрогон тоже напал и принялся рвать толстую и волосатую вражью шкуру.

Но вампир-ищайка не отпускаял.

По иронии судьбы, вся левая сторона Иккинга — рука, плечо, нога и все остальное — только-только начала отходить. Теперь он чувствовал, как мертвящее онемение возвращается, и, посмотрев вниз, увидел, как заново расцветает черно-лиловое пятно.

«Вампир-ищейка не отпускает, — подумал Иккинг. — У них челюсти, как медвежьи капканы, и они никогда не отпускают своих жертв...»

Иккинг пытался припомнить все, что знал о вампирах-ищейках, есть ли у них слабые места, но в голове так мутилось от боли, что он ничего не мог вспомнить.

Он отчаянно лупил вампира по уродливой башке правым кулаком, но тот только крепче сжимал челюсти.

Иккинг сознавал, что кричит, но не слышал собственного голоса.

Чем из того, что есть на корабле, можно воспользоваться?

На палубе валялась кучей веревка, на которой стражники вытянули Утраченные Сокровища и якорь.

Стараясь отвлечься от боли, Иккинг подтянул вампира вперед, так что тот вступил задними лапами в веревочные петли. Затем мальчик завертелся и заизвивался, волоча мучителя за собой.

Железные челюсти по-прежнему держали крепко, ищейка мотался туда-сюда, стараясь не выпустить добычу, и с каждым бешеным броском его лапы все больше запутывались в веревке.

И тут Иккингу выпал шанс.

Ветрогон прыгнул и атаковал мягкое подбрюшье вампира, отвратительно белесое, как у слизняка, и незащищенное.

В тот же миг Одиноклык, скрипя старыми конечностями, бросился вампиру на голову.

Двойное нападение сработало.

Вампир-ищейка заорал от боли и на секунду выпустил Иккинга, обернувшись, чтобы ударить Ветрогона. Ветрогон прынул навстречу, и два дракона сомкнули челюсти.

Иккинг похромал к якорю, который балансировал на борту судна.

Из последних оставшихся сил он перевалил его через борт.

ПЛЮХ!

Якорь упал в воду, еле миновав голову Валгалларама, по-прежнему плившей рядом с кораблем, окатив ее при этом так, что пшеничные усы отвалились.

Возникла пауза, пока вес тонущего якоря разматывал веревку и та извивалась по палубе, словно живая змея.

Вампир-ищейка стряхнул Ветрогона и снова повернулся к Иккингу, широко разинув пасть в мстительном вопле... Его красные глаза уставились на Иккинга. Он припал к палубе для прыжка, на сей раз целясь единственным оставшимся вампирским зубом прямо Иккингу в сердце. Это будет Смертельный Удар.

Но в самый последний миг извивающийся и крутящийся якорный канат намертво захлестнулся во круг ищейкиной задней лапы, и на морде у вампи-

ра возникло выражение удивления. Это выглядело бы смешно, если бы такая жуткая тварь вообще была способна кого-то насмешить. Вампира рывком протащило по палубе, через борт и увлекло в воду. Причем на сей раз «ПЛЮХХХХХ!» вышел действительно громоподобный.

Иккинг зажал ладонью предплечье, из которого хлестала кровь.

Из раны торчал второй вампирский зуб.

«Ну вот, теперь у меня полный комплект!» — подумал Иккинг, развеселившись от отчаяния.

Он попытался вытащить зуб, но тот, как и первый, засел слишком глубоко. Поэтому Иккинг оторвал полосу от рубахи и перемотал рану.

Хлоп! Хлоп! Хлоп!

За спиной раздались медленные глумливые хлопки.

Иккинг выпрямился и неуверенно обернулся...

За спиной у него, прислонившись к мачте и элегантно скрестив ноги, стоял Сморкала.

17. ПОЕДИНОК

— Неплохо, Никчемный, неплохо, — протянул Сморкала. — Очень ловко ты разобрался с вампиром-ищейкой. Я правда думал, тебе конец.

Ураган вытек из-за мачты, предостерегающе ворча. Ветрогон зарычал в ответ, и два верховых дракона принялись настороженно кружить по палубе. Спинные шипы у них встопорщились перед боем.

У Иккинга перехватило дыхание.

По лицу Сморкалы ничего прочесть было нельзя.

— Сморкала... — медленно проговорил Иккинг.

— Да-да-да, — небрежно взмахнул рукой Сморкала. — Я знаю, я бандит, я разбойник и Очень Плохой Мальчик, и все такое, и я предал всех хороших, и разве я не ужасен, ай-яй-ЯЙ, но давай сначала выведем этот корабль из пещеры, а потом можем обсудить содержимое наших сердец...

Иккинг со Сморкалой взяли по веслу и погребли к водопаду.

Мягко, как тень, и столь же незаметно в рассекаемой молниями пещере, где Битва Под Водопадом достигла пика, корабль с Утраченными Сокровищами выскользнул сквозь завесу воды в Мародерскую гавань.

Сморкала отложил весло и вытащил меч.

— Сражайся со мной, — сказал Сморкала.

— Но я не хочу с тобой сражаться, — сказал Иккинг.

— СРАЖАЙСЯ СО МНОЙ! — взревел Сморкала.

— У меня нет меча, — возразил Иккинг.

Сморкала всегда носил два меча и швырнул Иккингу второй. Другим он принялся зловеще вертеть в воздухе:

— Почему ты не хочешь со мной драться? Боишься?

— Да не особенно, — признался Иккинг, и это, похоже, разозлило Сморкалу еще больше. — Немного напуган, но в основном просто не хочу драться с тобой.

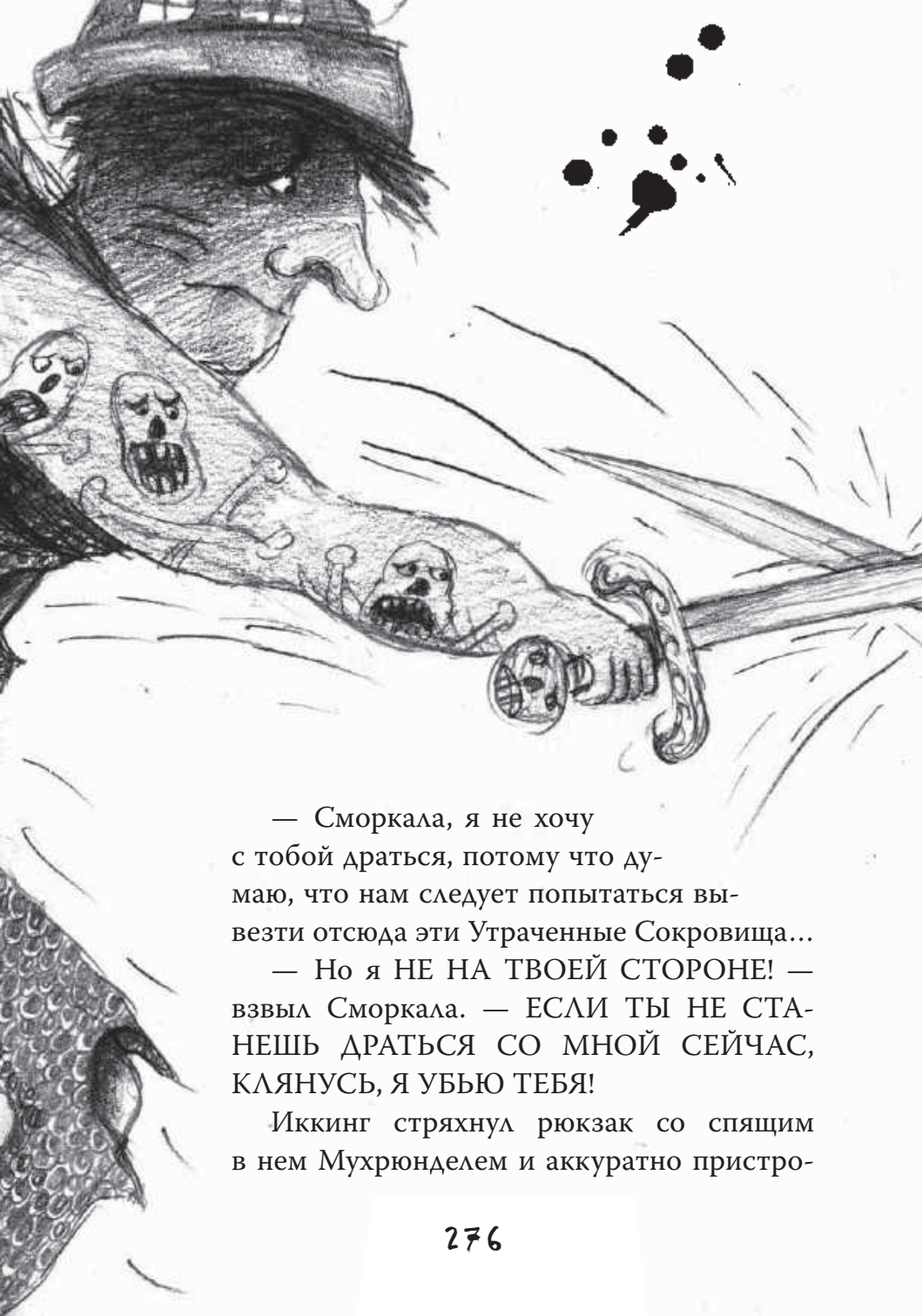
— Ты обязан бояться, — сказал Сморкала. — Из-за укуса вампира-ищейки ты не можешь пользоваться левой рукой. СРАЖАЙСЯ СО МНОЙ! Я предал тебя снова... Почему ты отказываешься ненавидеть меня?!

Сморкалу так захлестнула ярость, он был настолько взвинчен, что слова рвались из него словно сами собой:

— НЕНАВИДЬ МЕНЯ!

— Сморкала, я не питаю к тебе ненависти... и я прощаю тебе, что ты снова меня предал... я понимаю, почему ты все время это делаешь...

— О-о-ох, как ты меня бесишь! Ты все время такой героический. Прекрати меня прощать. Прекрати! Ты ничего не понимаешь! МНЕ НЕ НАДО, ЧТОБЫ МЕНЯ ПРОЩАЛИ!

— Сморкала, я не хочу с тобой драться, потому что думаю, что нам следует попытаться вывести отсюда эти Утраченные Сокровища...

— Но я НЕ НА ТВОЕЙ СТОРОНЕ! — взвыл Сморкала. — ЕСЛИ ТЫ НЕ СТАНЕШЬ ДРАТЬСЯ СО МНОЙ СЕЙЧАС, КЛЯНУСЬ, Я УБЬЮ ТЕБЯ!

Иккинг стряхнул рюкзак со спящим в нем Мухрюндем и аккуратно пристро-

ил его на бухту каната, чтобы дракончик не ударился. Он не сводил глаз с лица Сморкалы.

— Ну ладно, — сказал Иккинг, — если ты так настаиваешь...

Сморкала бросился на него.

Машинально (и неуклюже, поскольку держал оружие в правой руке) Иккинг парировал выпад.

— О боги, — вздохнул Одиноклык, печально вспорхнув на румпель. — Некоторым людям... лишь бы подраться... ну почему всегда так...

С воплем ужаса Ветрогон спикировал на защиту хозяина... но в воздухе его атаковал Ураган, и оба кувыркком полетели в море.

Сморкала провел Кружевной Выпад Молниеноса, пробив защиту Иккинга, и здорово рассадил ему плечо. Больно было, как от укуса гадюки.

Иккингу с трудом удалось отшвырнуть братца-здоровяка и откатиться в сторону, а затем неуклюже нырнуть за мачту. Левая сторона тела уже так онемела, что он волочил ее, как мертвый груз.

— Ладно! — орал Сморкала, вне себя от ярости. — Иккинг-Ума-Палата, Иккинг-Я-Весь-Герой, Иккинг-Я-Ставлю-Себя-На-Место-Других, скажи мне... Скажи мне, почему я все время тебя предаю!

Он бросился вперед, пытаясь достать Иккинга мечом из-за мачты.

— Думаю, потому, что ты сам мог бы стать Королем, — ответил Иккинг.

Это было все равно что подлить масла в огонь.

— ДА УЖ МОГ БЫ! — вопил Сморкала, атакуя Иккинга всеми известными ему приемами. — ЭТО Я ДОЛЖЕН БЫЛ БЫТЬ ГЕРОЕМ! ЭТО ДОЛЖЕН БЫЛ БЫТЬ Я! У меня есть все! Внешность, ум, безжалостность, обаяние. Я всегда хотел только быть вождем, предводителем. Разве я так многого про-

шу? Но в этом мне было отказано только потому, что я сын второго сына, а не первого. Разве это справедливо?

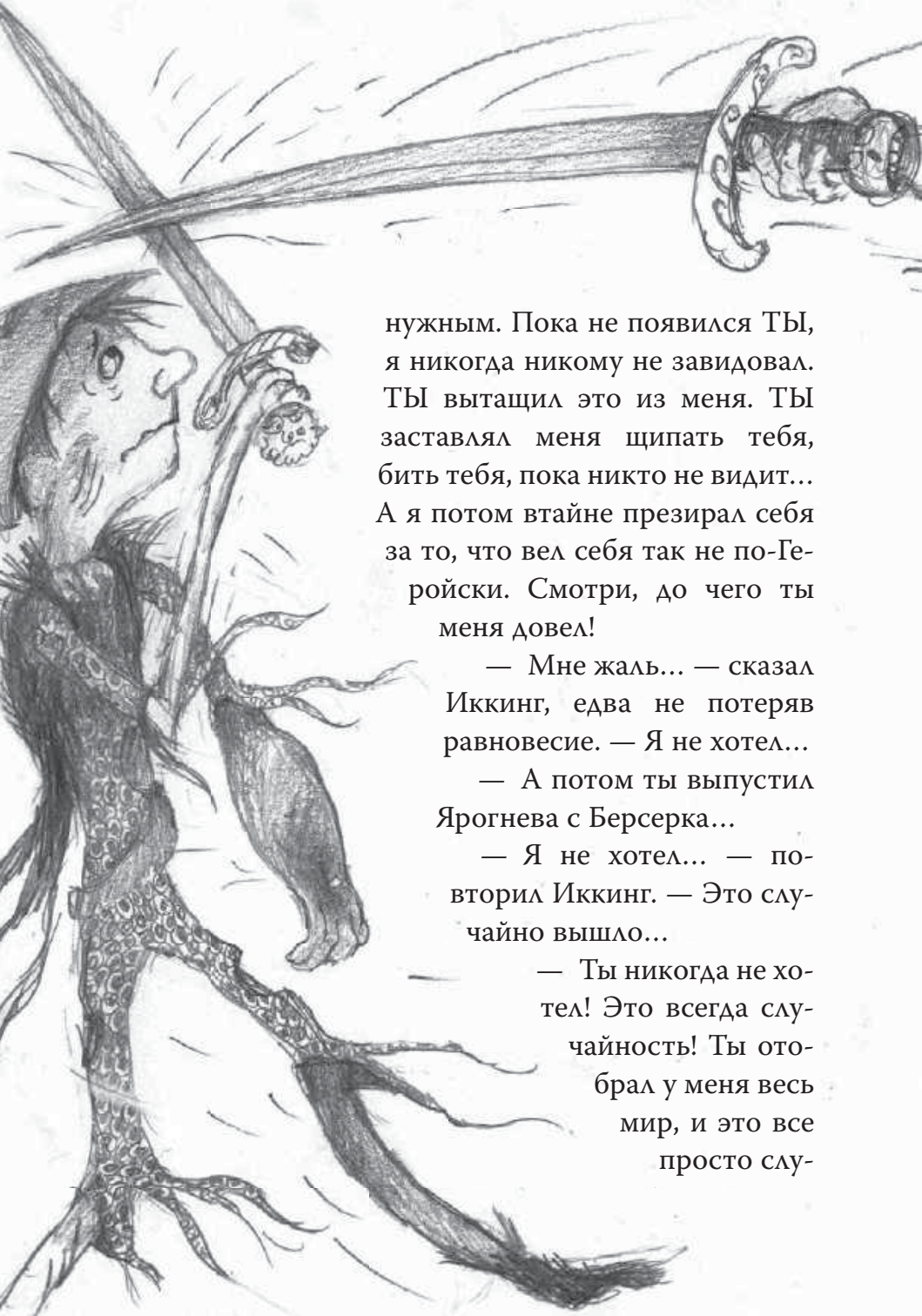
— Очень несправедливо, — признал Иккинг.

— Пока мне не исполнилось три года, я был Наследником Племени Хулиганов! — ревел Сморкала. — Я до сих пор помню уважение в глазах людей, когда они смотрели на меня. Они следили за каждым моим движением. И знаешь что, Иккинг? Из меня получился бы великий вождь, блистательный вождь. Стань я вождем, это пробудило бы все лучшее во мне...

— А потом, — голос Сморкалы помрачнел, — а потом родился ты. Слабая, маленькая, хнычущая ошибка, НЕДОМЕРОК... и все переменялось... — Он выплевывал каждое слово, как будто слова были горькие и ядовитые. — Раз — и уже ты оказался в центре внимания. Раз — и ты оказался будущим вождем... а потом будущим Героем... а потом будущим Королем...

Сморкала бросился вперед и пробил слабую защиту Иккинга — тот увернулся лишь в последний момент.

— Хочешь узнать, почему я зову тебя Никчемным? — горько орал Сморкала. — Потому что это то, что ТЫ сделал из МЕНЯ, просто родившись. Как бы я ни старался, я всего лишь запасной, а не Наследник. Ты сделал меня никчемным, никому не

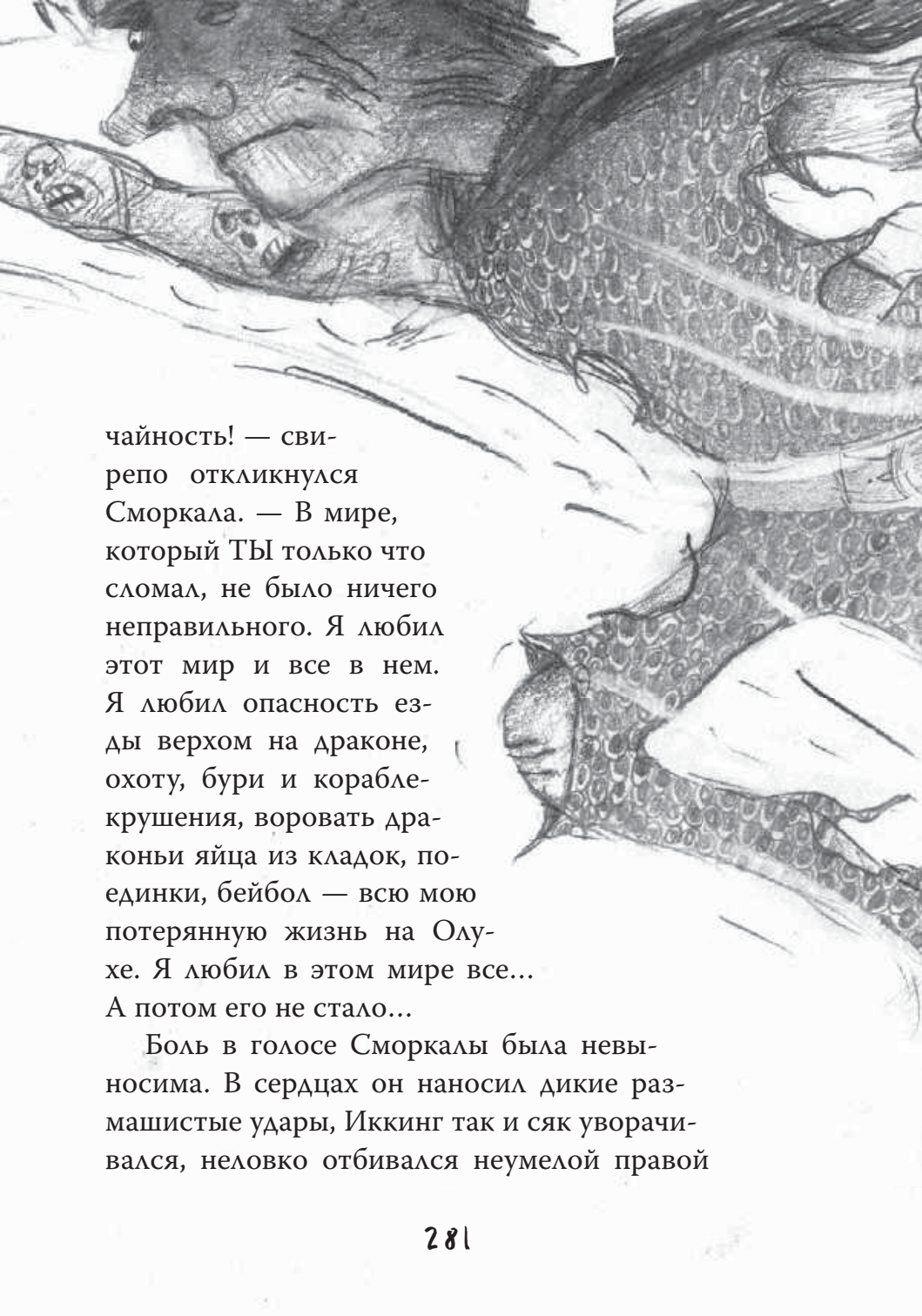
нужным. Пока не появился ТЫ, я никогда никому не завидовал. ТЫ вытащил это из меня. ТЫ заставлял меня щипать тебя, бить тебя, пока никто не видит... А я потом втайне презирал себя за то, что вел себя так не по-Геройски. Смотри, до чего ты меня довел!

— Мне жаль... — сказал Иккинг, едва не потеряв равновесие. — Я не хотел...

— А потом ты выпустил Ярогнева с Берсерка...

— Я не хотел... — повторил Иккинг. — Это случайно вышло...

— Ты никогда не хотел! Это всегда случайность! Ты отобрал у меня весь мир, и это все просто слу-

чайность! — свирепо откликнулся Сморкала. — В мире, который ТЫ только что сломал, не было ничего неправильного. Я любил этот мир и все в нем. Я любил опасность езды верхом на драконе, охоту, бури и кораблекрушения, воровать драконьи яйца из кладок, поединки, бейбол — всю мою потерянную жизнь на Олухе. Я любил в этом мире все... А потом его не стало...

Боль в голосе Сморкалы была невыносима. В сердцах он наносил дикие размашистые удары, Иккинг так и сяк уворачивался, неловко отбивался неумелой правой

рукой, подволакивая дурацкую онемевшую ногу, из-за которой приходилось подскакивать, словно несчастная раненая чайка.

— ЭТО... ВСЕ... ТЫ... ВИНОВАТ...

Сморкала развивал преимущество, а Иккинг чувствовал, что устает. Боль в левом плече становилась невыносимой.

— А потом ты раз за разом спасаешь мне жизнь и прощаешь меня за это, и от этого только еще больше выглядишь Героем, а мне полагается быть благодарным... Ну так я НЕ благодарен! Потому что ты забрал у меня все, ради чего стоит жить!

Сморкала продолжал ругаться между яростными ударами, обращаясь то ли к богам в небесах, то ли к себе самому.

— Смотрите, боги, смотрите, как я хорош! — орал он.

Он рванулся вперед в вихре бешеных ударов и провел Молниеносов Прохват (очень красивый удар, сопровождаемый прыжком по воздуху), Пляску Пивобрюха (один из приемов собственного отца, прыжок с притопом, а следом агрессивный бросок на противника, с одновременной быстрой пробежкой мимо на случай промаха) и пять Искусных Ремизов подряд, словно показывал этим старым глухим богам Одину и Тору, насколько именно они ошиблись, не выбрав его в находители Утраченных Сокровищ.

Последний удар Сморкалы выбил клинок у Иккинга из руки. Левая нога подогнулась, и он упал на колени перед своим двоюродным братом. Сморкала с торжеством выпрямился над ним.

— Смотрите! — пропыхтел он. — Я НЕ НИКЧЕМНЫЙ, Я САМЫЙ ЛУЧШИЙ! Я ЛУЧШЕ ИККИНГА ВО ВСЕМ!

Лицо его перекосило от бури чувств. Сморкала стоял, нацелив меч Иккингу в грудь, и рука его дрожала.

— Я могу тебя убить. Но даже если я убью тебя сейчас, — бесился он, — даже если я убью тебя сейчас и заберу Сокровища себе, даже если я это сделаю... — И тут он надолго замолчал, прежде чем выговорить правду. — Никто за мной не пойдет.

— Да, мне жаль, Сморкала... — сказал Иккинг, хотя слова казались неподходящими.

— Ненавидь меня, ради Тора, ты, ужасный маленький кузен! — орал Сморкала. — Почему ты отказываешься меня ненавидеть?

— Мне так жаль, Сморкала, — сказал Иккинг совершенно искренне. — Я просто, честно, не могу тебя ненавидеть...

— Ты мне сочувствуешь, да? — яростно бросил Сморкала. — Ты меня жалеешь. Так ведь?

Иккинг промолчал, потому что оба знали, что это правда.

— Как ты смеешь меня жалеть! — взревел Сморкала. — Как ты смеешь! Прекрати меня прощать! Прекрати! Как ты не понимаешь? Мне надо злиться! Мне надо все время злиться! Потому что, если я приторможу и перестану злиться, мне придется взглянуть правде в глаза и понять, куда меня занесло...

Меч Сморкалы дрожал. Бешенство в его голосе уступило место абсолютному отчаянию.

— Если я перестану злиться, мне придется оглянуться на то, за что я сражался все эти годы, и увидеть, что все было зря. Если я перестану злиться, на меня обрушится ужас осознания, что ненависть к тебе заставила меня сражаться не на той стороне. Ненависть к тебе заползла мне в сердце зеленой отравой, помутила разум, затуманила зрение и привела меня к Элвину, этому воплощению зла, и там я сбился с пути. Теперь я вижу, что такое Элвин и его демоница-маменька, и я знаю, что они хуже, чем самое страшное зло, какое я мог вообразить.

Зависть вынудила меня пустить прахом все, чем я в глубине души дорожил... Собственную честь. Уважение Плеваки. Уважение отца. Весь мой мир, мир драконов и самих драконов, которых я люблю. Если я перестану злиться, мне придется увидеть, кто я есть, а я сейчас именно то, что

сказала ведьма. Я вероломный червь. Я бессмысленный, никчемный, ничего не стою. Неудивительно, что все отвернулись от меня. Я сам от себя отвернулся.

Сморкала с глухим стуком уронил меч на палубу и спрятал лицо в сгибе локтя. Плечи его заходили ходуном от неуждержимых рыданий.

Повисла долгая и жуткая тишина.

Иккинг силился подыскать правильные слова. Поистине ужасно и жалко было видеть человека в бедственном положении, отвернувшегося от самого себя.

Слова нашлись, но почему-то не человеческие, а королевские.

— Ты слишком суров к себе, Сморкала, — произнес наконец Иккинг. — Слабый человек на твоём месте просто убил бы меня сейчас. Ты мог это сделать. Ты выиграл поединок, ты разоружил меня. Но ты знал, что бедствия мира важнее твоих личных чувств. Ты поставил честь выше гордости, а так поступают только Герои. Не вини во всем себя одного. Судьба и звезды поставили нас в это трудное положение.

Я знаю, я не таков, каким бы ты хотел видеть Короля, — продолжал Иккинг. — Я знаю, что тебе трудно следовать за тем, кто физически слабее тебя,

и, более того, за твоим же младшим родичем. И удивительно, что это трудно. Как можно следовать за тем, кого ты в душе не уважаешь?

Мне бы хотелось предложить тебе более великого Короля. Я-то не могу превратиться в кого-то другого, я могу только быть собой. Но я обнаружил, что я тоже сильнее, чем мне казалось. Думаю, я справлюсь. Я смогу быть таким Королем, каким хотят меня видеть Воины Печати Дракона.

— О чем ты? — не понял Сморкала.

— Я спрашиваю тебя еще раз: встанешь ли ты на сторону Печати? — сказал Иккинг.

Вот этого Сморкала никак не ожидал.

Повисла новая затяжная пауза.

Предложение застигло его врасплох.

— Если ты согласишься в меня, я постараюсь тебя не разочаровать, — добавил Иккинг.

— Ты говоришь, — произнес Сморкала, недоверчиво отнимая локоть от лица, — что по-прежнему готов рискнуть и довериться мне, после того как я раз за разом предавал тебя?

— В глубине души я знаю, что ты идешь по пути Героя, — ответил Иккинг. — Мы все совершаем ошибки. Нам всем нужен второй шанс, и даже третий, четвертый и пятый. Наверное, тебе просто нужно было сразиться со мной в этот последний раз, чтобы присоединиться к нам.

И снова долгая-долгая пауза.

В очень темной и крохотной каморке, в которую превратилась Сморкалина жизнь, каморке, где ему было мучительно тесно и душно, где он не видел света так долго, что почти позабыл о его существовании, вдруг открылась дверь.

Наконец Сморкала совсем убрал локоть от лица и вытер его о безрукавку. Лицо утратило болезненный зеленоватый оттенок, и он вдруг стал выглядеть лучше, чем выглядел долгие-долгие годы.

— Ты очень необычный человек, Иккинг.

Что ж, это уже лучше, чем традиционное «Ты мелкий придурок, Иккинг».

— Я действительно не позволял себе так думать до этой минуты... — неловко продолжал Сморкала, и слова эти явно давались ему с трудом, — но, может, из тебя выйдет и не такой уж кошмарный Король, как мне казалось раньше. В ведьмином лагере ты вел себя очень храбро, по-моему.

— Спасибо, — отозвался Иккинг.

— И возможно, — добавил Сморкала, — возможно, Судьба в конце концов знает свое дело. Ты не такой Король, какого мы хотели, но, может, ты такой Король, который нам нужен.

Он нагнулся за мечом, медленно, словно начал выздоравливать после долгой-долгой болезни.

— Думаю, я смог тебе пригодиться, — задумчиво продолжал он. — В конце концов, если бы не я, у тебя было бы всего одно ничтожное Сокровище.

Немного надежды короноваться со всего одним мелким жалким Сокровищем. А теперь благодаря мне у тебя есть они все.

— Да, блестяще, Сморкала, должен признать, ты провел поистине великолепную работу, — отзывался Иккинг. — Мы никогда бы не добыли все Сокровища без твоей помощи. Родители так обрадуются... Теперь у нас и правда появился шанс.

Сморкала выпрямился во весь свой выдающийся рост.

Он повернулся к Иккингу и поклонился, как воин древних времен, когда Короли Дикозапада приглашали своих величайших Героев присоединиться к ним за высоким столом.

— Мой меч к твоим услугам, Король, — сказал Сморкала Иккингу.

Иккинг торжественно поклонился в ответ.

— Принять его — честь для меня, — произнес он освященную временем традиционную формулу.

— Пожмем друг другу руки? — почти застенчиво спросил Сморкала.

Иккинг улыбнулся.

И Сморкала с Иккингом пожали друг другу руки.

— Это было потрясающе, Иккинг, — восхищенно прошептал Одиноклык. — Ты мог бы преподать ведьме пару уроков, как завоевывать сердца людей и заставлять их менять свое мнение.

— Хо-хозяин, с тобой все хо-хорошо? — донесся сквозь доски палубы испуганный голосок бедного Беззубика. — И ч'чего там несет этот С-Таким-Большим-Носом-Хоть-Гнездись? Он что, не знает, что Б'бе-беззубик САМОЕ ДРАГОЦЕ-ЦЕННОЕ СОКРОВИСЧ'ЧЕ?

Иккинг опустился на колени. Ему удалось разглядеть Беззубика прямо под собой сквозь щель в палубе. Бедный дракончик был заперт в клетке, шипы у него поникли, большие глаза смотрели испуганно.

— Со мной все в порядке, — заверил его Иккинг. — Нет времени вскрывать трюм. Вот уплывем в безопасное место и сразу выпустим тебя, обещаю, Беззубик.

— Б'бе-беззубику не-не нравится взаперти! — пропищал бедный дракончик.

— Ох, ради Тора, — язвительно процедил Сморкала, — ничего не меняется. Перестань наконец шептаться и посылать воздушные поцелуи своему милому малышу и помоги мне вывести этот корабль отсюда.

В драматическом угаре поединка они позабыли, что им, вообще-то, надо бежать.

— Куда направляемся? — спросил Иккинг, с трудом поднимаясь на ноги.

— Через Мародерскую гавань к убежищу Драконьей Печати, — ответил Сморкала. — Ты ведь, наверное, на самом деле знаешь, где это, раз уж ведьма потратила столько сил на вытаскивание из тебя этих сведений?

— Убежище находится на Коралловом пляже, — ухмыльнулся Иккинг. — Мама сказала мне это перед самым расставанием в Янтарных Рабо-владениях.

— Хорошо, — отозвался Сморкала. — Мы доберемся туда как раз вовремя, и ты успеешь переплыть в Теснину Героев в Канун Солнцеворота. Ты

правда любишь делать все в последнюю минуту, а, Иккинг?

Сморкала потер руки. Он приходил в себя прямо на глазах.

— ОПЕРАЦИЯ «СДЕЛАЙ ИККИНГА КОРОЛЕМ» НАЧИНАЕТСЯ!

— Нам понадобится изрядная удача... — заметил Иккинг.

— У тебя есть планы получше, о Гениальнейший? — фыркнул Сморкала. — Почему бы тебе просто не сосредоточиться на управлении кораблем? И постарайся его не потопить, как ты всегда делал с «Бакланом»...

В сложившихся обстоятельствах план был не хуже любого другого.

18. ОЧЕНЬ КОРОТКАЯ ГЛАВА, В КОТОРОЙ МИНУТ ПЯТЬ ВСЕ ВРОДЕ БЫ ИДЕТ КАК НАДО

Двоюродные братья взялись за дело и разогнали корабль, мастерски управляясь с такелажем, — ведь они же были юные викинги. Они тысячу раз проделывали это во время Викингской Парусной Практики. Но никогда вместе. Они работали удивительно слаженно для двух мальчишек, ненавидевших друг друга всю жизнь.

Иккинг испытывал странный подъем, ибо впервые в жизни работал бок о бок с кузеном ради общей цели.

Опасность еще не миновала, нет. Но, как ни удивительно, им удалось заполучить все Сокровища, все до единого, — они лежат, надежно запертые в трюме. Только бы удалось довести их до Завтра... которое теперь было так близко, что они видели его, темную тень в тумане, мучительно недостижимую.

Старая вражда наконец закончилась, все Сокровища были при них, чистый ветер нес корабль через Мародерскую гавань, и целых пять минут казалось, что все будет хорошо.

Они бы радовались еще больше, если бы не завывания Беззубика. По-прежнему запертый в клетке, дракончик решил, что ему конец, прекратил петь про тысячи бутылок и затянул еще более печальную песню, что-то в духе:

— Б'бе-беззубик умира-а-а-ет... Б'бе-бедный Б'бе-беззубик умира-а-а-ет...

— Не мог бы ты заткнуть беззубого, — попросил Сморкала сквозь стиснутые зубы. — А то я, того и гляди, сам брошусь в море или сдамся ведьме.

Они выскользнули из ведьминой гавани. Стаи драконов и чаек предостерегающе орали над головой, налетая роями саранчи со стороны открытого моря.

Невероятный шум, непохожий ни на что слышанное Иккингом раньше, низкий, первобытный вой следовал за птицами. На миг Иккингу показалось, что вернулся Ярогнев. Но потом мальчик сообразил, что ни одно живое существо не способно издавать такой звук — даже могучий моредраконус размером с гору.

Только самые катастрофические силы могли породить такой шум. Вулканы, землетрясения или ураганы. Такой шум напоминает человеку, какая крохотная и незначительная песчинка человечество, при всей его хитрости и гениальности, перед лицом грандиозной силы самой Природы.

— Что это? — крикнул Сморкала, несколько позеленев.

— Это, — Иккинг сглотнул, — Зимний Ветер Одина.

Как будто без этого их побег вышел бы слишком простым. Каковы теперь их шансы?

Иккинг произвел некоторые расчеты. Избежать Зимнего Ветра Одина можно, если удастся набрать скорость — и не упустить удачу.

Упрямо и тихо двое мальчишек направили корабль в сторону убежища Воинов Печати и выдвинулись из гавани. Стаи драконов и птиц орали и носились над головой, словно метеоры, а за спиной продолжали грохотать взрывы и фейерверки Битвы.

Так оно и было,
Пять мучительно
недолгих минут счастья.

А потом...

19. ВСЕ СНОВА ИДЕТ НАПЕРЕКОСЯК, И ОЧЕНЬ БЫСТРО

Пока Иккинг со Сморкалой сражались, сосредоточившись друг на друге и своей древней распре, они позабыли о смертельной опасности, в которой находились, о своем бегстве от ведьмы и Элвина.

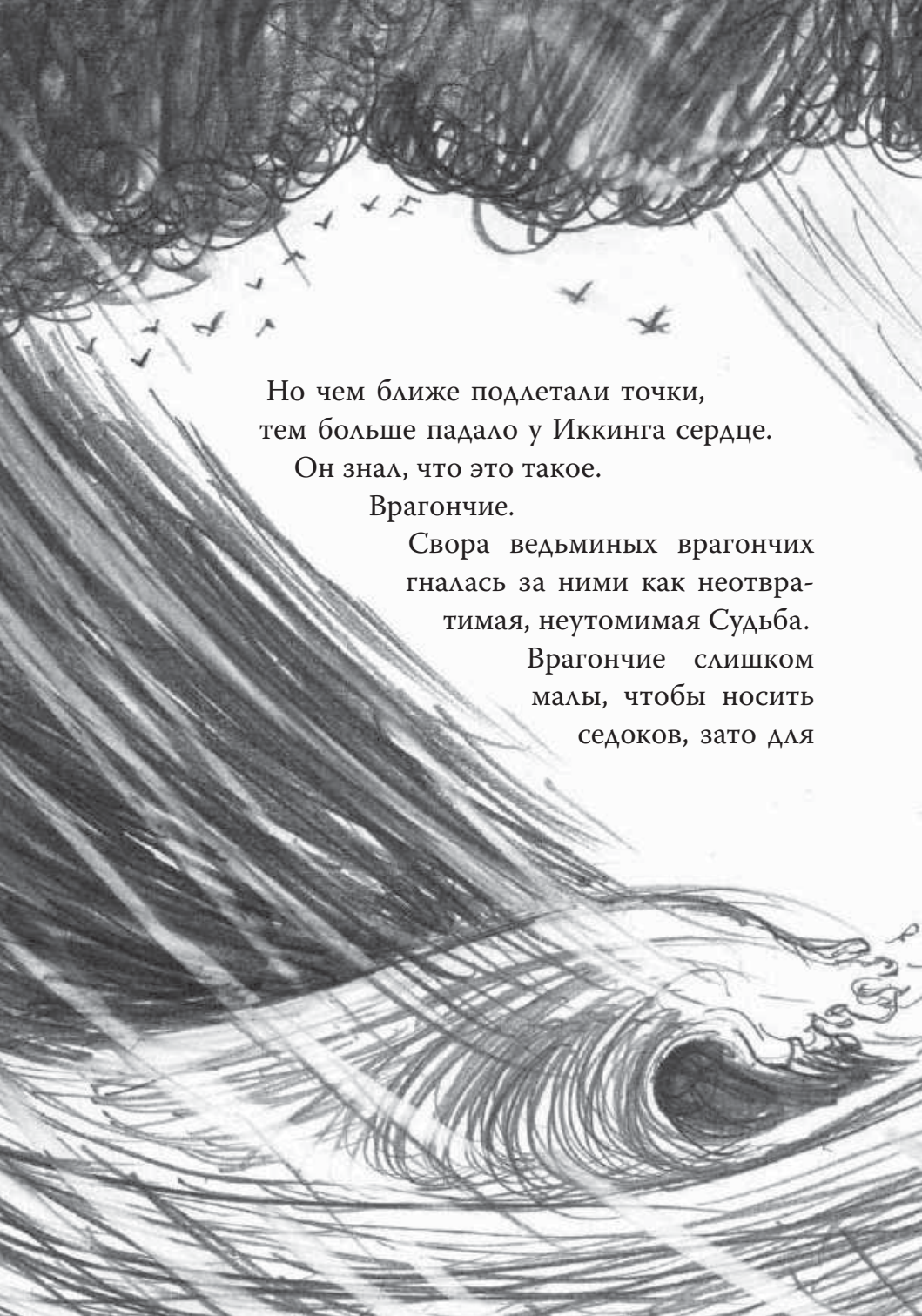
Но теперь внешний мир снова настойчиво потребовал их внимания.

Едва они поставили корабль на курс и двинулись в сторону убежища Драконьей Печати, Сморкала обернулся и вдруг уставился на что-то позади, у водопада, на только что покинутый берег, и ткнул Иккинга локтем. Лицо его застыло.

Они были на полпути через Мародерскую гавань... На полпути к Коралловому пляжу и безопасности...

Но из-за далекого холодного водопада выползла кучка черных пятнышек, словно трупные мухи из щели в стене.

Напрягшись в тревоге, Сморкала с Иккингом таращились на далекую землю, вопреки всему надеясь, что ошибаются, что маленькие черные точки — всего лишь игра света и ветра.

Но чем ближе подлетали точки,
тем больше падало у Иккинга сердце.

Он знал, что это такое.

Врагончие.

Свора ведьминых врагончих
гналась за ними как неотвратимая,
неутомимая Судьба.

Врагончие слишком
малы, чтобы носить
седоков, зато для

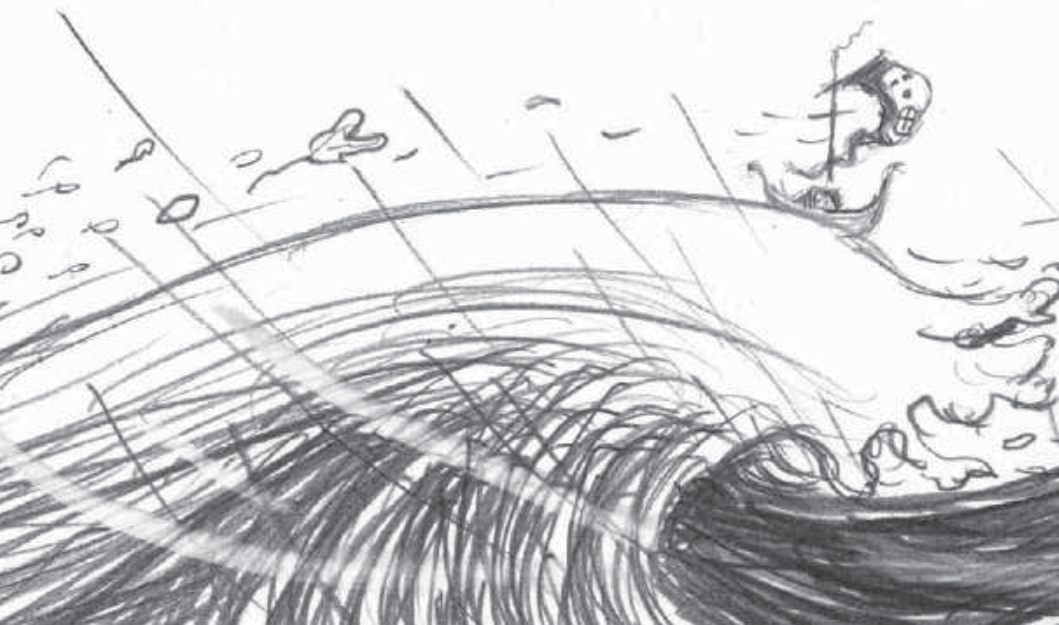
слежки в самый раз. Они приближа-
лись безжалостно быстро. Летящий
дракон легко обгоняет корабль.

Ближе... ближе... ближе...

— Стреляй в них! — заорал Сморкала,
хватая свой лук.

Ветрогон и Ураган отважно взмыли с палубы,
намереваясь встретить врагончих в воздухе.

Сморкала подстрелил пятерых — даже Иккинг
с нерабочей рукой снял одного. Ветрогон и Ура-

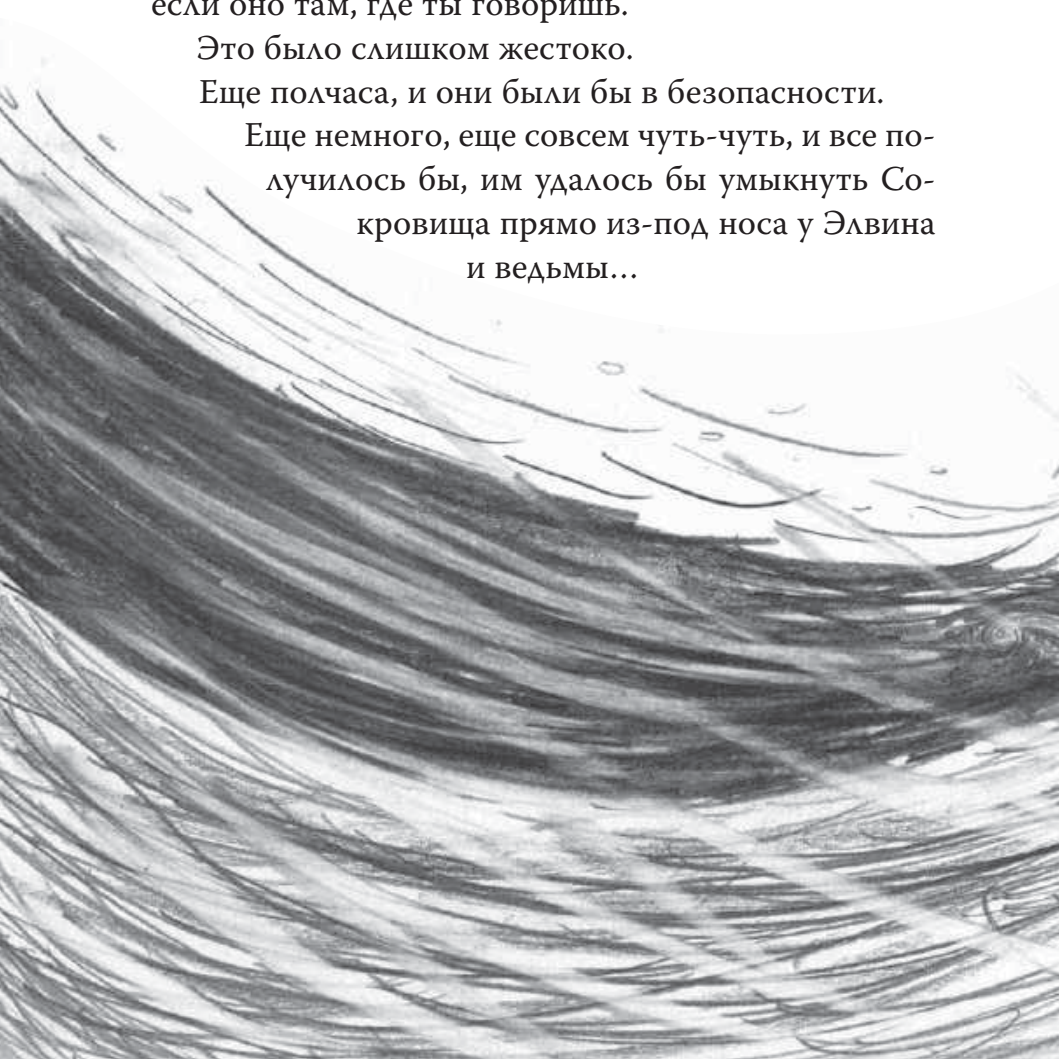
ган вынесли еще больше, погнавшись за остатками стаи, с воплями улепетывавшей обратно к ведьме. Но врагончих было слишком много, не переловишь.

— Они приведут подкрепление! — крикнул Сморкала. — И на сей раз это будут быкостражи со всадниками. А быкостражи шустрые. Они поймут нас прежде, чем мы доберемся до убежища, если оно там, где ты говоришь.

Это было слишком жестоко.

Еще полчаса, и они были бы в безопасности.

Еще немного, еще совсем чуть-чуть, и все получилось бы, им удалось бы умыкнуть Сокровища прямо из-под носа у Элвина и ведьмы...

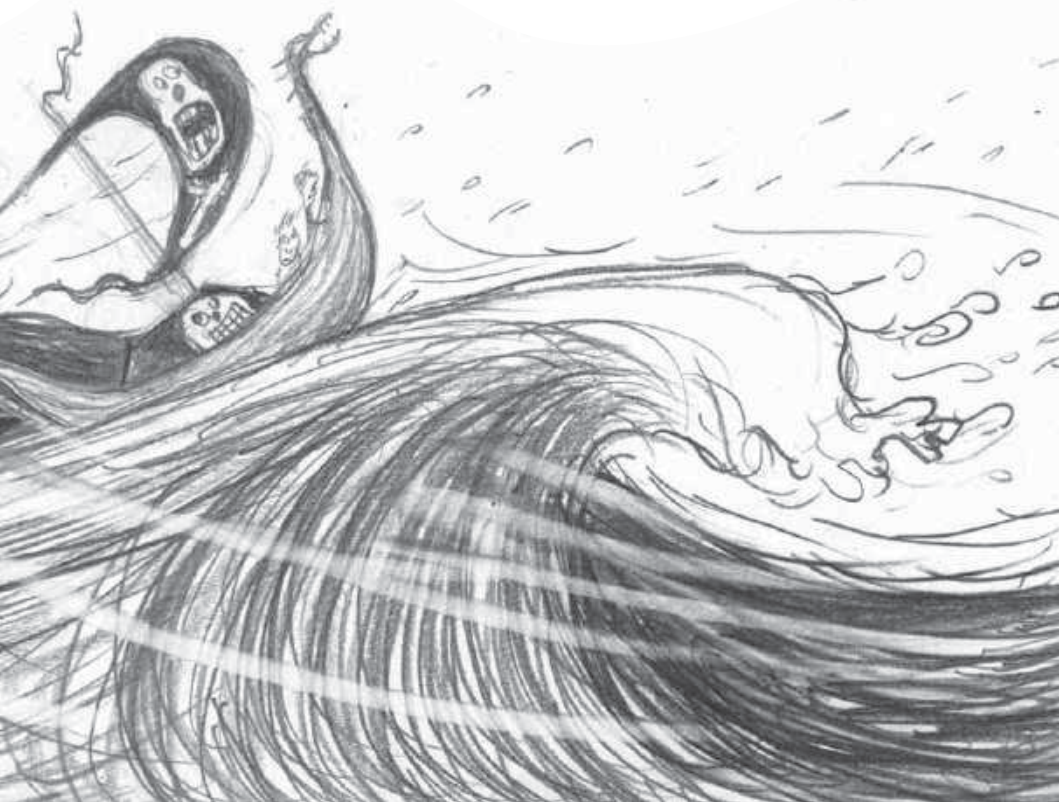

Иккинг обшаривал взглядом горизонт.

Зимний Ветер Одина, дыхание разгневанного божества, был ближе, чем убежище Драконьей Печати.

— Мы можем направить корабль в Зимний Ветер? — спросил Иккинг. — Туда они за нами ни за что не полезут.

— А что, можно, — невесело хохотнул Сморкала. — Это верный смертный приговор. Кроме того, по-моему, у нас не хватит времени. Гляди! Я вижу, быкостражи уже вылетели. Они доберутся до нас прежде, чем мы до Ветра.

Мальчики посмотрели на Ветрогона с Ураганом. Сокровища в ловушке. Они заперты в трюме. Но у самих мальчиков выбор все-таки был.

Они могли оседлать верховых драконов и улететь в безопасное место. И Ветрогон, и Ураган легко обогнали бы быкостражей.

Но это означало бы оставить все Утраченные Сокровища Элвину и ведьме. Включая Беззубика.

Что еще им оставалось делать? Остаться тут и умереть?

— Ч-ч-что происходит? — донесся голос Беззубика из трюма.

— Все нормально, Беззубик, — крикнул вниз Иккинг. — У нас тут просто мелкая помеха... беспокоиться не о чем.

Ураган жалобно заскулил, поджав хвост, гребень у него на спине обмяк. Сморкала машинально протянул руку и погладил роскошную опущенную голову своего дракона.

— Все будет в порядке, мальчик, — сказал он. — Все будет хорошо.

Сморкала смотрел вдаль и думал.

— Ох, Торовы громы, — выругался он, нагибаясь, подбирая меч и засовывая его в ножны. — Просто не верится, что я это делаю... Поменяйся со мной одеждой и дай свой шлем! — приказал он Иккингу, снимая собственный шлем и сбрасывая безрукавку.

— Зачем? — воскликнул Иккинг, тоже снимая безрукавку.

— Не верится... просто не верится... — фыркнул Сморкала про себя. А затем пояснил Иккингу: — Они же за ТОБОЙ гонятся?

— Ну да, — медленно отозвался Иккинг.

— Так я переоденусь тобой, о Догадливый, — бросил Сморкала. — Надену твой шлем, возьму твоего Ветрогона и полечу навстречу этим быкостражам с их всадниками. Это их немного отвлечет...

— Но это безумие! — пролепетал Иккинг. — Если ты вылетишь им навстречу совершенно один, тебя просто убьют!

Сморкала улыбнулся:

— Это, по-твоему, безумие? Пока я их отвлекаю, ты развернешь корабль и направишь его в Зимний Ветер Одина, и если это не безумие, то уж не знаю, что тогда...

Сморкала быстро накинул безрукавку Иккинга и потянулся за огнеупорным костюмом.

— Ты уверен? — прошептал Иккинг, надевая чужой шлем.

— Слушай, — пропыхтел Сморкала, втискиваясь в его огнеупорный костюм. Штанины доставали ему только до колен. — Ты всегда привлекаешь к себе всеобщее внимание, Иккинг, но знаешь что? Моя очередь побыть Героем. — Он громко рассмеялся. — Я теперь на твоей стороне, да? Я Воин Печати Дра-

кона. Мы выберемся отсюда со всеми Утраченными Сокровищами и сделаем тебя Королем. И когда я в следующий раз увижу Плеваку, — Сморкала стоял прямо и гордо и говорил со страстной искренностью, — он поймет, что я все-таки Герой. Они снова Повернутся Лицом ко мне и посмотрят мне в глаза, не с отвращением, а с восхищением. Мое имя будут воспевать в сагах и никогда не забудут меня.

На Иккинге теперь был шлем и броня двоюродного брата.

В качестве последнего штриха Сморкала повесил ему на шею свою Черную Звезду.

— Вот, — произнес он с довольным видом. — Место помечено крестиком. Она хорошо на тебе смотрится, Иккинг. Стражам-Защитникам Завтра будет куда целиться. Имей в виду, ты ее просто одолжил на время, — предупредил он. — Не вздумай потерять, какими бы страшными Стражи ни оказались. Присмотри за ней до нашей новой встречи. Эта Звезда очень важна для меня.

— Погоди, Сморкала... — Иккинг совсем растерялся. — Ты не должен этого делать. Я что-нибудь придумаю...

— Но я уже кое-что придумал, — возразил Сморкала. — Ты не единственный, кто умеет строить планы, Иккинг. Дай мне это сделать!

Иккинга охватило ужасное предчувствие беды.

— **Ветрогон! Не бери его!** — крикнул Иккинг.

Ветрогон был послушный дракон, и в нормальных обстоятельствах он бы повиновался Иккингу. Но Ветрогон достаточно трезво оценивал происходящее, чтобы понимать: это их единственный шанс. Он извиняющимся мокрым носом ткнулся хозяину в бок и присел перед Сморкалой, чтобы тот мог забраться ему на спину.

— Почему у тебя такой неказистый верховой дракон, Иккинг, я правда не понимаю, — нахмурился Сморкала. — Ты же сын вождя, ради Тора...

Сморкала протянул руку и в последний раз погладил Урагана по царственному блестящему боку. Он коротко прижался головой к Урагановой скуле и прошептал:

— Ты хороший дракон, Ураган.

Прежде чем оседлать Ветрогона, Сморкала вспомнил еще кое-что.

— Поставь мне Печать Дракона, прежде чем я улечу, — попросил он.

Иккинг не поверил своим ушам:

— Как — поставить тебе Печать Дракона?

— Я не хочу быть как юный Чернобород Оголтелый из рассказа Одиноклыка, — пояснил Сморкала. — Слишком гордый, чтобы принять Печать. Я — Воин Печати Дракона. Поэтому поставь мне Печать.

— Но каким образом поставить тебе Печать? — заикаясь, спросил Иккинг. — Тут нужно тавро...

ну, эта длинная штука с раскаленным концом в виде буквы S.

— Придумай что-нибудь! — нетерпеливо воскликнул Сморкала. — Король ты или где? Поступай по-королевски...

И он опустился на колени перед двоюродным братом.

Иккинг потер палец об обугленный кусок мачты и торжественно вывел завиток в виде дракона на лбу у Сморкалы. Надо было сказать что-нибудь такое королевское, подобающее случаю...

— Отныне и навсегда ты — Воин Печати Дракона, — произнес он наконец.

Сморкала коротко кивнул:

— Разумеется, это только временно. Пока я не получу настоящую. Но важно, чтобы люди знали, на чьей я стороне.

И он взобрался Ветрогону на спину. Иккингу шлем был слишком велик, и плюмаж на нем был слишком большой, но Сморкале он подошел в самый раз.

Сморкала опустил забрало.

Иккингу вдруг показалось, что он впервые видит этого человека.

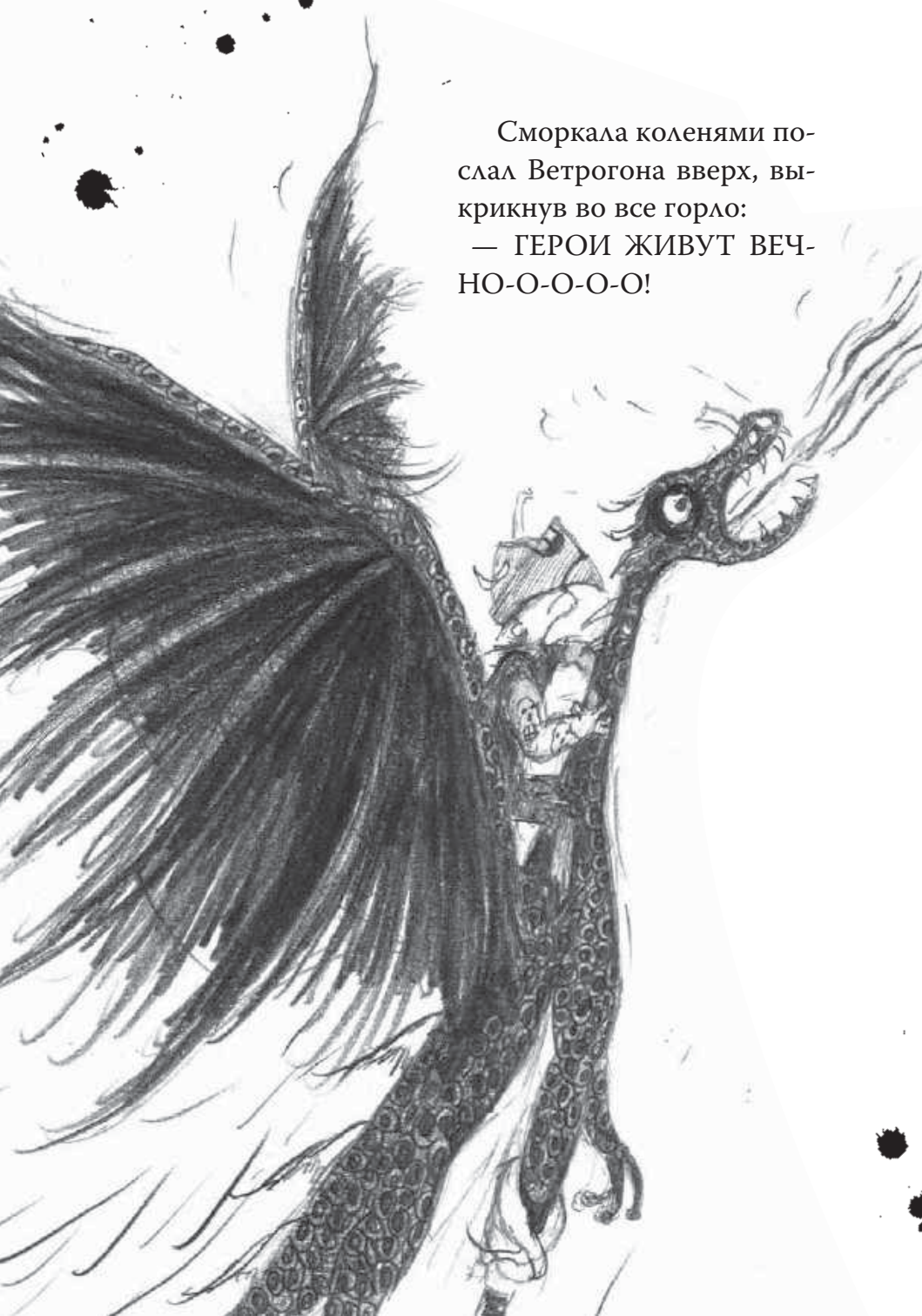
Очень благородного, прямо как Герои былых времен.

Сморкала коленями по-
слал Ветрогона вверх, вы-
крикнув во все горло:

— ГЕРОИ ЖИВУТ ВЕЧ-
НО-О-О-О-О!

20. ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЬ ЧЕРНОБОРОДА ОГОЛТЕЛОГО

Подвывая от ужаса, отважный Ветрогон взмыл в небо, неся своего всадника в закрытом шлеме прямо на надвигающуюся армию врагов.

На каждом быкостраже сидело по всаднику. Каждый воин держал еще пятерых драконов на длинных цепях, словно лошадей, тянущих гоночные колесницы в воздухе. Быкостражи остановились, жужжа крыльями, не совсем уверенные, как понимать атакующего их одинокого мальчишку. А вдруг за ним еще невидимые смертени? Наверняка он не один! Или этот наглый человечиска не знает, какие они, быкостражи, страшные?

Иккинг подобрал рюкзак с мирно дрыхнущим Мухрюнделем и надел на спину.

— Не волнуйся, Беззубик! — окликнул он через запертый люк своего дракончика. — Все просто прекрасно...

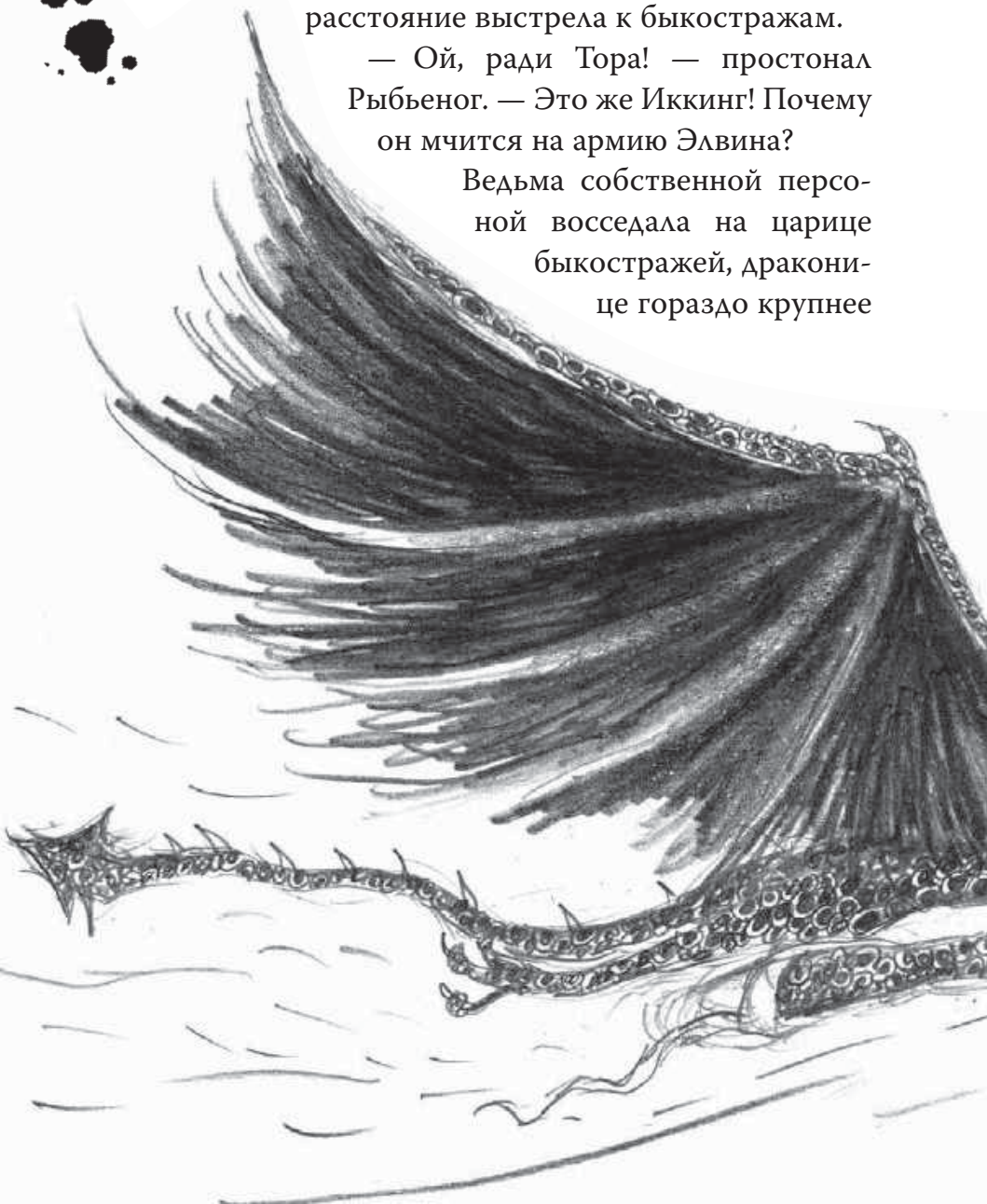
Он развернул корабль прямо на юг, выходя из-под защиты Мародерской гавани, и подставил его заполоскавшие паруса визжащему ураганному Ветру.

Еще дальше позади и совершенно невидимые, Камикадза с Рыбьеногом только что покинули под-

земное убежище Элвина и гнали Смерте-
ня вперед. Они еще не подлетели и на
расстояние выстрела к быкостражам.

— Ой, ради Тора! — простонал
Рыбьенот. — Это же Иккинг! Почему
он мчится на армию Элвина?

Ведьма собственной персо-
ной восседала на царице
быкостражей, дракони-
це гораздо крупнее

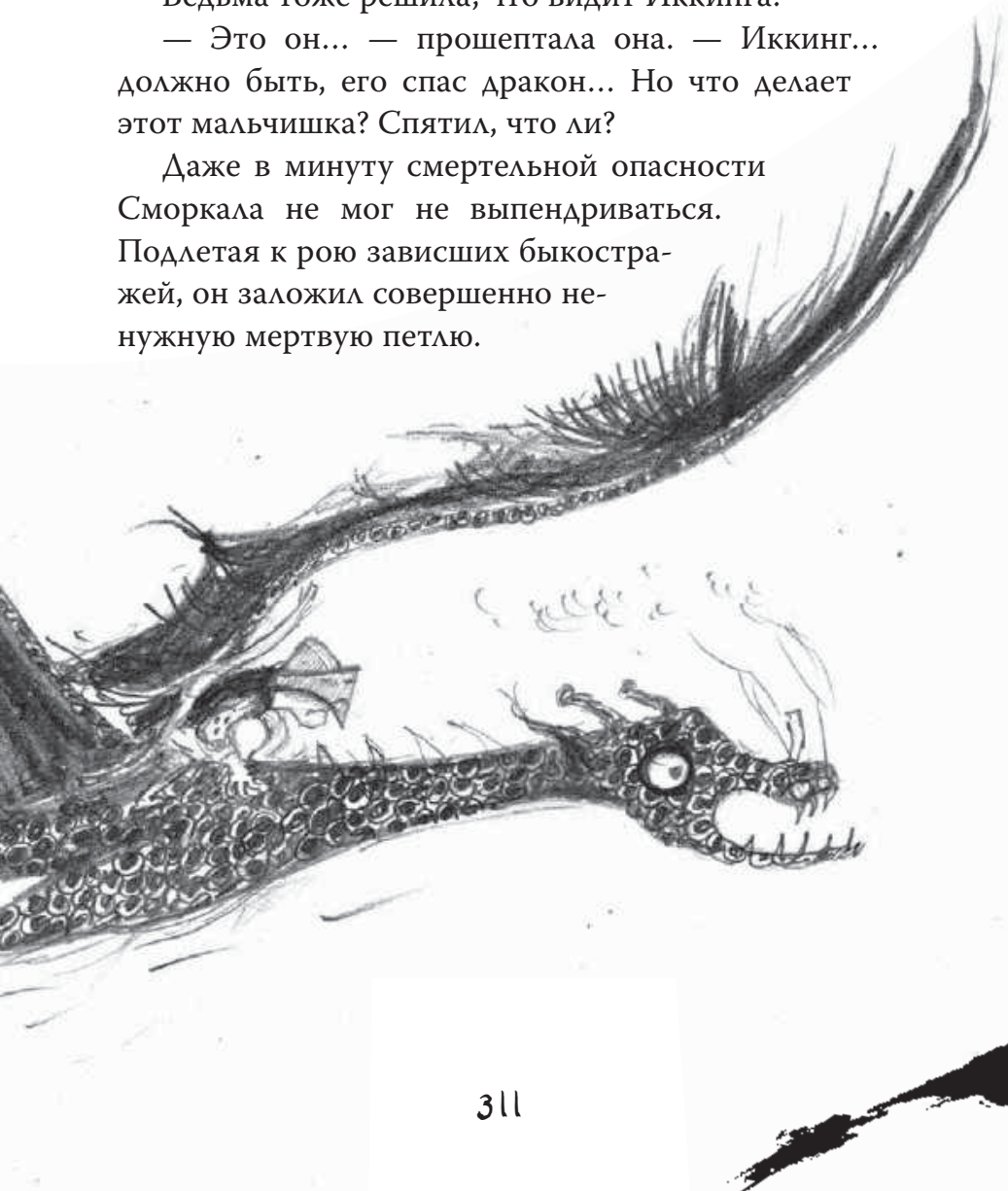

остальных представителей этого вида. Белый плащ Экселлинора развевался у нее за спиной. Элвин летел рядом на царе быкостражей.

Ведьма тоже решила, что видит Иккинга.

— Это он... — прошептала она. — Иккинг... должно быть, его спас дракон... Но что делает этот мальчишка? Спятил, что ли?

Даже в минуту смертельной опасности Сморкала не мог не выпендриваться. Подлетая к рою зависших быкостражей, он заложил совершенно ненужную мертвую петлю.

Это был один из любимых приемов Молниеноса, Особая Петля-В-Петле, которую и в лучшие-то времена очень трудно выполнить. Надо очень крепко держаться коленями за драконью спину, чтобы не свалиться, когда дракон окажется брюхом вверх.

— Видел?! — крикнул Сморкала через плечо Иккингу, хотя тот едва ли мог его слышать. — Я ЛУЧШИЙ ДРАКОНИЙ НАЕЗДНИК В МИРЕ!

Затем он попытался встать на ноги — еще один трюк Молниеноса, — но Ветрогон уже летел слишком быстро для этого фокуса, и Сморкала торопливо сел обратно.

Он несся прямо на быкостражей, и Иккинг слышал, как родич поет Чернобородову Песнь. Ту самую, которую Чернобород пел однажды, давным-давно, когда уплывал на запад на своем корабле «Бесконечное странствие», убив собственного сына и разрушив королевство Дикозапада.

Вот какую песню пел Сморкала:

Я заплыл далеко, чтобы стать Королем,
Но не вовремя было всегда...
Запутал в бурном прошлом и был сокрушен,
И в ночи не светила звезда...
Но пусть сердце мое разорвал ураган
И разбила корабль беда,
Знаю я — я Герой... а Герой — это...
НАВСЕГДА!

Иккинг чувствовал, как волны под кораблем набирают мощь. Он все ближе и ближе подбирался к воющему гулу урагана, Зимнему Ветру Одина.

В иных временах и в крае ином
Я мог бы стать Королем,
Но в обрушенных башнях твердыни моей
Только чайки кричат об одном...
Я сжег свое Завтра и не могу
Вернуться туда никогда,
Но все ж я Герой... а Герой — это...
НАВСЕГДА!

Быкостражи подозрительно жужжали. Их усы шевелились, ощупывая воздух.

— Что он делает? — подозрительно шипела ведьма. — Это может быть уловка...

Но Элвин чуял близкую победу. Он привинтил любимый крюк.

— Нет, он знает, что попался, — злорадно протянул он. — Он поет Последнюю Песнь Черноборода Оголтелого... он знает, что попался, и намерен биться до конца. Он хочет уйти как Герой, выставив нас в дурном свете. Крысеныш.

Ибо Элвин чувствовал, как за спиной вождей их воины перешептывались:

— Ого, да он еще жив... и он поет эту песню...

— В атаку-у-у-у! — взревел Элвин Вероломный.

Быкостражи испустили одновременный душевраздирающий вопль. И армия Элвина рванула за

Ветрогоном и Сморкалой, словно громадный рой шершней. А ведьма продолжала вопить:

— Нет... Стойте! Это может быть уловка! Это наверняка уловка!

Вопя как безумный, на остекленевшем от ужаса Ветрогоне Сморкала неся по небу, преследуемый армией Элвина.

— Ох, ради Тора, — шептал Иккинг в оцепенении, боясь оглянуться, но все равно оглядываясь. — Ох, ради Тора...

Сморкала мчался вперед, выкрикивая через плечо веселые оскорбления и пуская стрелы в быкостражей-преследователей:

— Давайте догоните меня, беззубые старые свиньи! Поймайте меня, если сумеете, червяки слюнявые!

Иккинг был слишком далеко, чтобы слышать эти насмешки, но едва сдерживал улыбку, воображая их. Сморкала всегда был отличником по Витиеватой Ругани, одному из предметов Начальной Пиратской Подготовки.

— На, получи, гадюка шелудивая! Не догонишь, сороконожка карманная!

Иккинг уже вел корабль почти вплотную к Ветру. Сморкала и сам летел близко к урагану. Ветрогон мог легко обогнать быкостражей, но всадник сознательно его придерживал, дабы показаться более заманчивой добычей для преследователей.

Обезумевший рой подобрался к Сморкале уже так близко, что на один душераздирающий миг Иккинг подумал, будто его поймали.

Но тут Сморкала предпринял дерзкий Смертельный Нырок, направив Ветрогона вниз, вниз — словно пикирующий сокол-перегрин, на скорости больше трехсот километров в час, прямо в море.

Быкостражи бросились за ним, как падающие с неба стрелы.

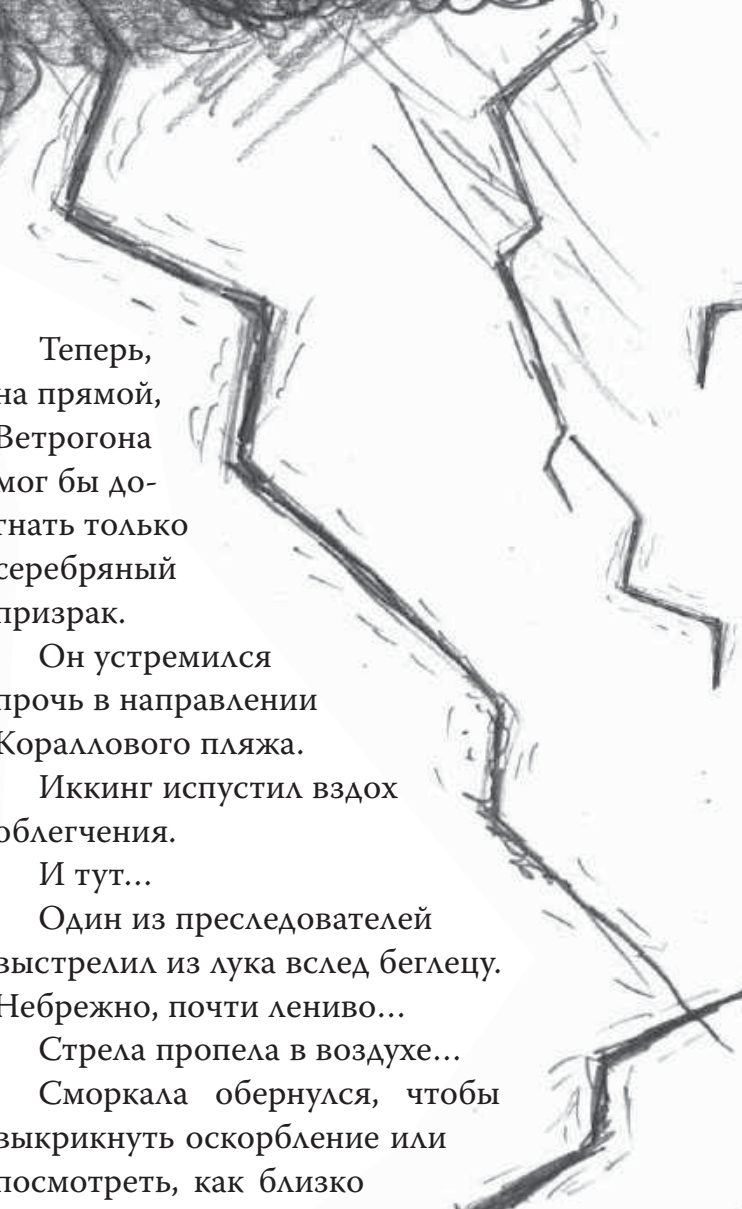

В самый распоследний миг Сморкала вывел Ветрогона из пике, так поздно, что дракон задел кончиками крыльев верхушки волн.

Большинство быкостражей не сумели вовремя выправиться и ушли в воду. Многие затормозили у самой воды, но сбились с курса и принялись врезаться друг в друга. Когда рой наконец выровнялся и с кряканьем возобновил погоню, примерно треть преследователей безнадежно отстала, шмякнувшись в воду.

— Ха-ха! Вы, поросята глазированные! Даже летать не умеете! — дразнился далекий Сморкала.

— Ладно, пора, Сморкала, — шептал про себя Иккинг, наблюдая за крохотной фигуркой, показывающей грубые жесты верхом на Ветрогоне. — Я уже почти добрался. Тебе пора спасаться... лети на Коралловый пляж, Воины Печати защитят тебя...

Сморкала его словно бы услышал: он припал к спине Ветрогона и что-то шепнул ему. И Ветрогон рванулся вперед.

Теперь,
на прямой,
Ветрогона
мог бы до-
гнать только
серебряный
призрак.

Он устремился
прочь в направлении
Кораллового пляжа.

Иккинг испустил вздох
облегчения.

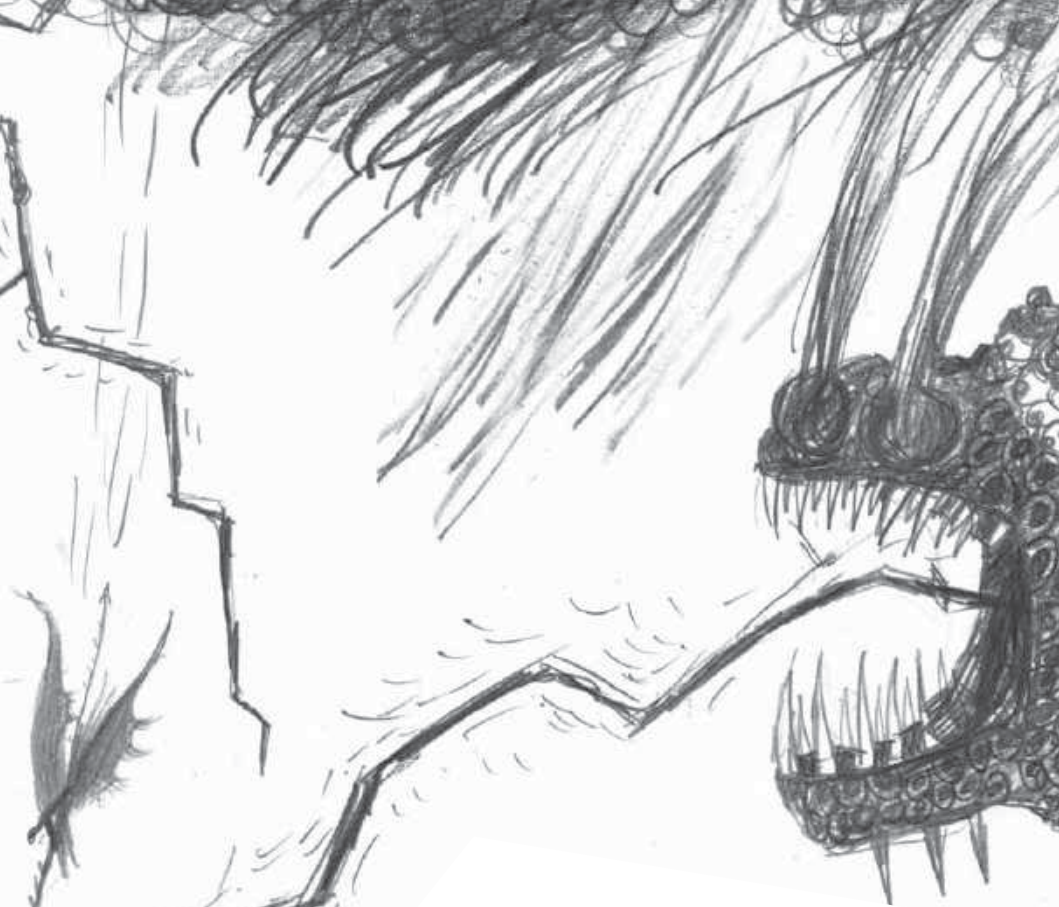
И тут...

Один из преследователей
выстрелил из лука вслед беглецу.
Небрежно, почти лениво...

Стрела пропела в воздухе...

Сморкала обернулся, чтобы
выкрикнуть оскорбление или
• посмотреть, как близко

его преследователи, и Иккинг увидел, как стрела ударила его прямо в грудь. И почти сразу же в него попал огненный залп одного из быкостражей, спалив страховочные ремни, а бедный истрепанный огнеупорный костюм Иккинга не мог выдержать прямого попадания. Шерстяная одежда под ним загорелась... мальчишка вспыхнул свечкой... и свалился с Ветрогоновой спины.

Он все падал и падал, пылая, как звезда...

Вниз, в холодное море...

...и свет Сморкалы погас.

— НЕ-Е-Е-Е-Е-Е-ЕТ! — заорал Иккинг. — НЕТ!
НЕТ! НЕТ! НЕТ! НЕТ! НЕТ!

Ветрогон вскрикнул в ужасе. Он так разогнался, что к тому времени, когда он с визгом развернулся и бросился в море на поиски седока, его уже опередила целая стая быкостражей.

Ветрогона они больше не преследовали, ведь истинной целью был Мальчишка-Который-Выглядел-Как-Иккинг, и они убили его. Теперь им требовалось тело, чтобы доказать это ведьме. Запасных быкостражей спустили с цепей и отправили нырять за телом.

— УРРРА-А-А-А-А! — заорал Элвин. — Видели, маменька? Наконец-то мы прикончили этого Иккинга! МЫ ПРИКОНЧИЛИ ЕГО!

— Очень ловко, — прошипела ведьма. — Молодец, мой мальчик...

Быкостражи тоже орали, их злорадный визг и торжествующий хохот было воистину страшно слышать. Они роились, проносились по небу и ныряли в море, выискивая тело дерзкого врага.

Сколько раз, когда, казалось, уже все потеряно, Иккингу и его друзьям удавалось в последний миг отпрыгнуть от края. Иккинг почти начал верить, что они неуязвимы.

Но...

Порой случается необратимое.

Нельзя засунуть дракона обратно в лес, вернуть ведьму в дупло и вдохнуть в друга жизнь, покинувшую его.

Война и правда страшное дело, и последствия ее не отменить.

Сморкала быстро опускался на океанское дно, его тянули вниз меч и другое оружие. Он летел сквозь море, бесконечно падал в мир иной, словно легкая снежинка, словно звезда, лучами раскинув в стороны руки и ноги.

— Герои, павшие в битве, отправляются прямо-ком в Валгаллу... — прошептал Иккинг.

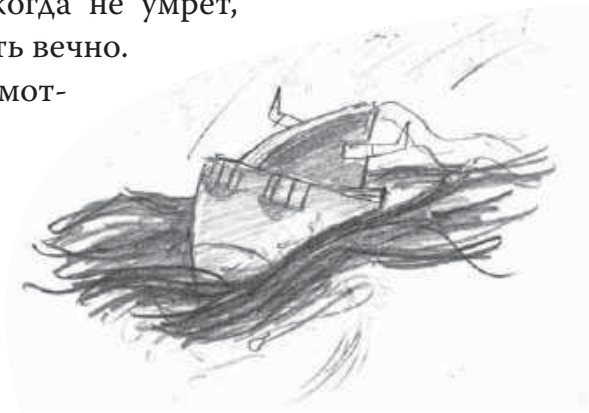
Сморкала много раз сворачивал на кривую дорожку и сделал немало дурного. Он родился не в свое время, в эпоху перемен, когда мир вокруг становится другим, а жить в такое время всегда трудно.

Но именно наши поступки показывают, кто мы на самом деле.

Сморкала погиб как Герой, стремясь поступить правильно в отчаянном положении. И в некотором смысле он никогда не умрет, ведь имя его будет жить вечно.

Иккинг с минуту смотрел на Черную Звезду.

Теперь не было времени об этом думать.

Ветер хлестал в лицо, сдувая слезы. Мальчик старался удержать корабль на курсе.

— Я должен добраться до Завтра любой ценой... Я должен добраться до Завтра... Я подумаю об этом завтра.

Холодное отчаяние снизошло на Иккинга, пока он направлял корабль все глубже и глубже в шторм.

«Пожалуйста, пусть Элвин и его люди не вспомнят про корабль».

Высоко среди торжествующих быкостражей и воинов Элвина белая ведьмина голова повернулась, словно стрелка часов.

— Сокровища... Утраченные Сокровища... — прошипела она.

Далеко внизу в гавани, лишившись (как думала ведьма) рулевого, корабль с Утраченными Сокровищами направлялся прямо в Зимний Ветер.

— Сокровища! — прохрипела ведьма. — Сокровища! Потом труп мальчишки заберем! Нам нужны Сокровища!

Вся армия быкостражей развернулась и, словно пущенные в полет кинжалы, метнулась к кораблику, который был уже на волосок от Ветра.

— Остановите корабль! — визжала ведьма. — Остановите корабль! Если Сокровища попадут в Зимний Ветер, нам ни за что их вовремя не найти!

— Давай же! — тяжело дыша, шептал Иккинг. Промокший до костей, полузахлебнувшийся мы-

шонок в слишком большой для него одежде погибшего брата. — ПОЖАЛУЙСТА, дай мне туда добраться... Не допусти, чтоб Сморкала погиб напрасно... ПОЖАЛУЙСТА, Один, великий бог Дикой Охоты... дай мне туда добраться... дай мне туда добраться...

Если мечтаешь только о том, чтобы бросить свой корабль в самое сердце Зимнего Ветра, значит твое положение действительно отчаянное.

Но День Солнцеворота был на носу, и Зимний Ветер остался последней надеждой Иккинга достичь берегов Завтра.

Рой быкостражей развернулся, и преследователи принялись осыпать корабль горящими стрелами. Стрелы подпалили паруса, и те мгновенно вспыхнули.

Иккинг резко переложил румпель направо, веля, чтобы им было труднее его поймать... корабль под ним ходил ходуном, в левый борт ударила огромная волна.

Один из военачальников Элвина ехал верхом на клинозавре. Клинозавры глотают большие камни и используют их как снаряды.

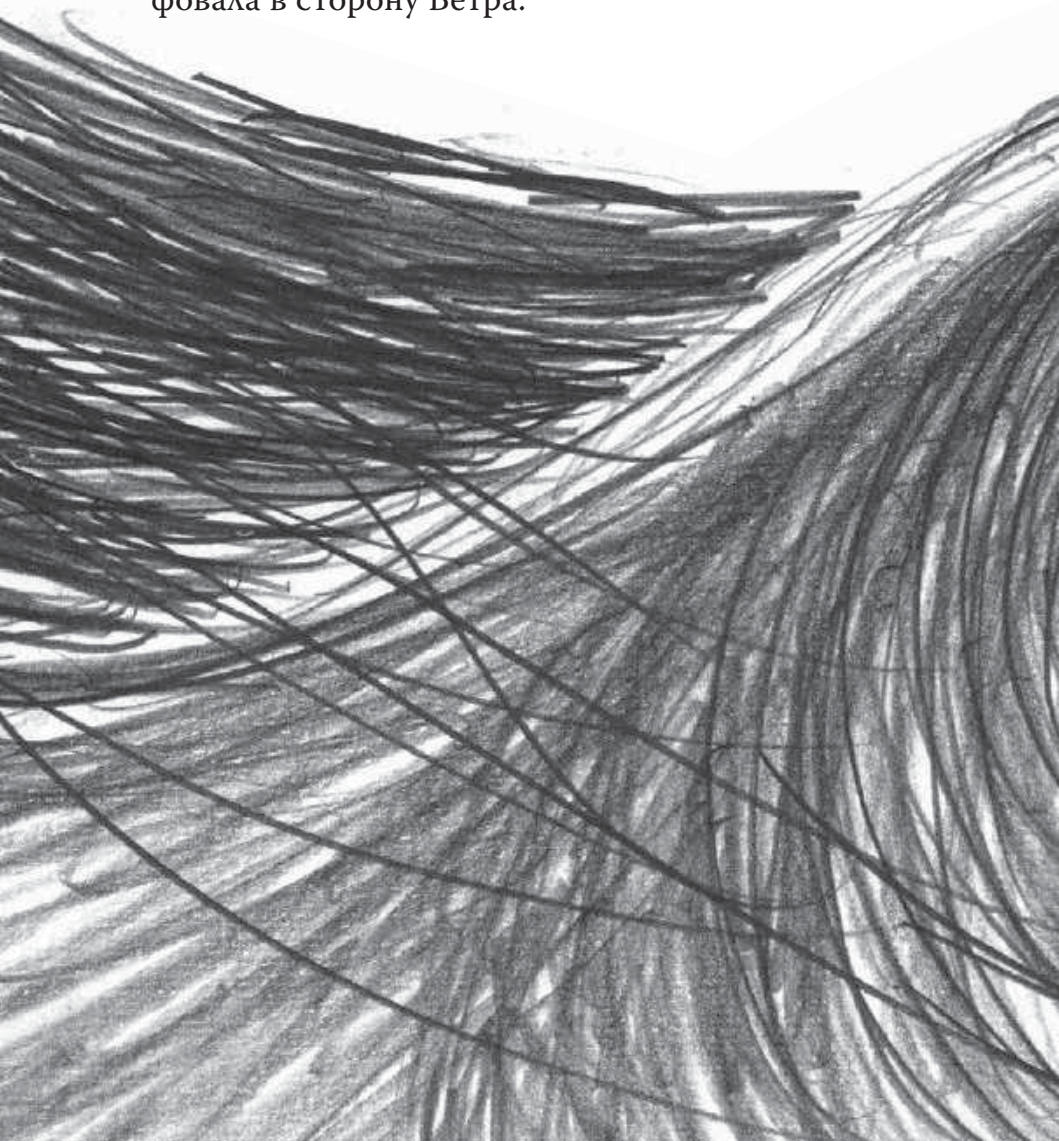
Клинозавр тяжело прошел над корабликом, всего на волосок от ветра, и сбросил три больших камня, размером с комод, прямо на палубу.

ТТТТТТРЕСССССССКККК!

С тошнотворным звуком ломающегося дерева кораблик распался надвое.

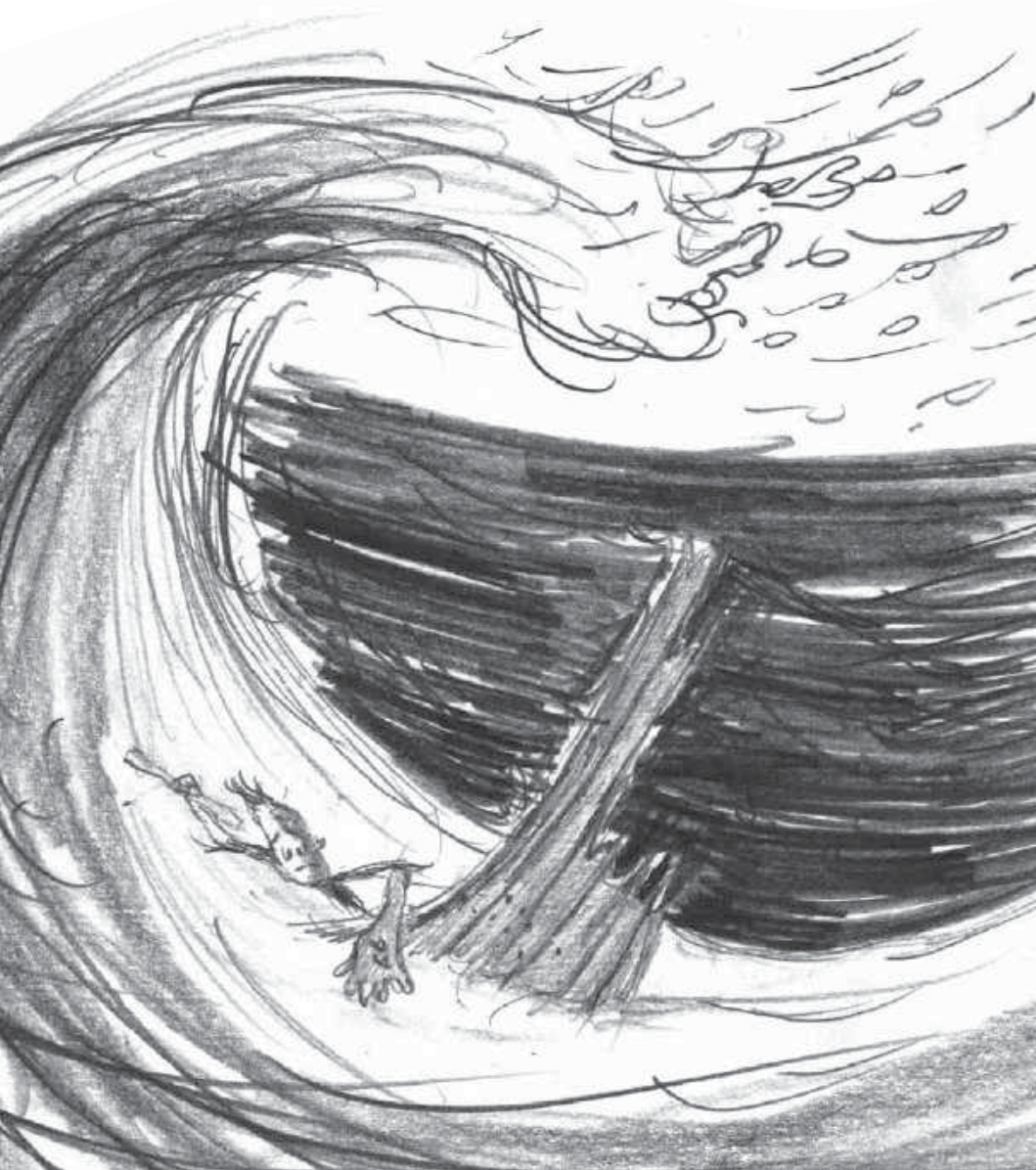
Одна часть, с Утраченными Сокровищами, мгновенно затонула.

Вторая, с Иккингом по-прежнему у руля, дрейфовала в сторону Ветра.

ВНИЗ упали Утраченные Сокровища, вниз на океанское дно.

— Поймали! — взвизгнула ведьма. — Ныряйте за Утраченными Сокровищами, быкостражи!

(Не бойся за Беззубика, читатель. Пусть он и заперт в клетке, Беззубик ведь дракон, у него есть жабры, и он может дышать под водой так же легко, как и на суше. А если ведьма его получит — а она может, — она не причинит ему вреда, потому что он последнее Утраченное Сокровище. И действительно Самое Драгоценное.)

Иккинга чем-то стукнуло, кровь из ссадины заливала ему глаза, и он ничего не видел. Полузабытие поглотило его, милосердно не дав осознать, что он потерял Сокровища.

Половина корабля, которую он по-прежнему вел, почти затонула, но он не замечал даже этого. Он по-прежнему держался за румпель, нижняя часть тела его уже погрузилась в воду.

Он бормотал про себя:

— Войти в Ветер... в Ветер...
я должен войти в Ветер...

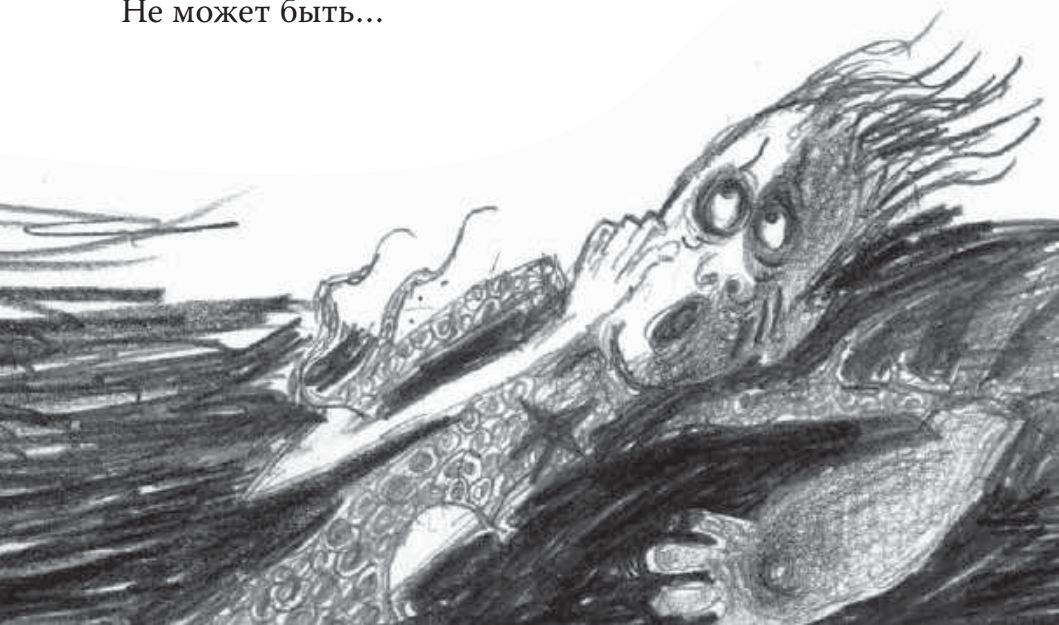
— Не волнуйся, Беззубик, — убеждал он в бреду, — не волнуйся... все хорошо... я заведу нас в Ветер... я заведу нас туда...

Вдалеке Камикадза и Рыбьенег верхом на Смертене видели, как разворачивалась вся драма, видели, как тому, кого они считали Иккингом, в грудь попала стрела и он упал в море, видели, как погиб корабль с Утраченными Сокровищами за мгновение до того, как войти в Ветер, и как победно ныряли ведьмины быкостражи.

— НЕ-Е-Е-Е-Е-Е-Е-Е-Е-Е-Е-Е-ЕТ! — заорал Рыбьенот.

Один из быкостражей уже вынырнул и подле-
тел к Элвину отдать ключ, открывающий все замки.
Понятно было, что рано или поздно они и осталь-
ные Сокровища достанут.

— Нет... — в ужасе плакал Рыбьенег. — Не может быть...

Камикадза была белая от ужаса.

— Нет, не может быть, Рыбьенег, — бормотала она. — Иккинг не умер. Я бы знала, если бы умер. Я ЗНАЮ, что знала бы, если бы умер... я бы сердцем почуяла...

Иккинг не погиб, хотя ни друзья, ни враги не могли его видеть. Он вслепую барахтался в воде, повиснув на печальных останках корабля.

А потом Иккинга поглотил Зимний Ветер Одина. Его вместе с жалким обломком корабля закрутило и понесло со скоростью и силой бури, словно крохотный кусочек коры, смытый приливной волной.

Иккинг вошел в Ветер.

21. КАНУН СОЛНЦЕВОРОТА НА ОСТРОВЕ ЗАВТРА

Всю ночь Зимний Ветер Одина выл, словно баньши, над Мародерской гаванью и всю дорогу до пустынного, проклятого острова Завтра.

На следующее утро, спозаранку в Канун Солнцеворота, ведьма, Элвин и все их прихвостни собрались на Поющих Песках Дара Перевозчика, у подножия Душегубских гор.

Палал легкий снег.

Ведьма также притащила с собой Плеваку и остальных пленников, заново отловленных в конце Битвы Под Водопадом прошлой ночью¹.

Ведьма хотела, чтобы они своими глазами увидели торжество Элвина, прежде чем их казнят. Поэтому они стояли — печальные, закованные в цепи пленники — позади толпы.

Элвин предвкушал победу, но весь извелся от беспокойства.

За прошедшую сотню лет множество людей, как злосчастный СТР Страхолуд, приплывали на Пою-

¹ Воинов Печати было двадцать шесть человек против тысяч воинов Элвина, поэтому исход битвы никого не удивил. Только Камикадзе и Рыбьеногу удалось ударить на спине невидимого Смертеня.

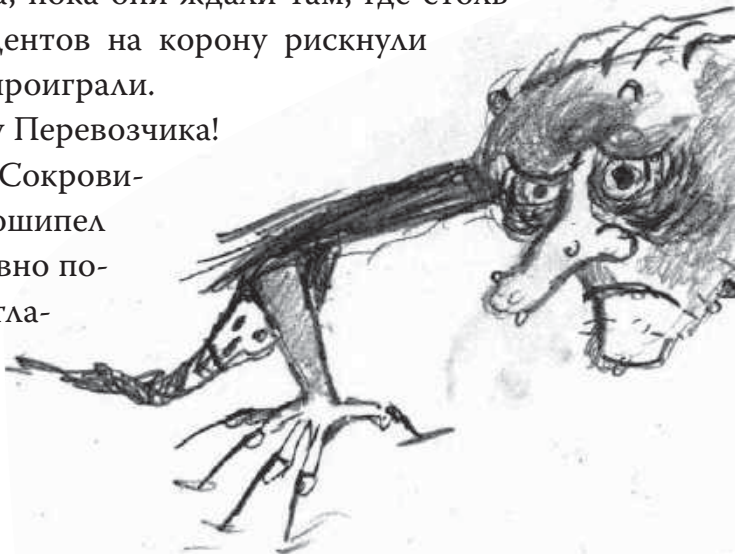
щие Пески и привозили фальшивые Сокровища в надежде обмануть Стражей-Защитников и получить корону Дикозапада. Все эти несостоявшиеся Короли вместе с их глупыми последователями погибли на месте, на этом самом пляже.

Место, где в прошлом происходило столько несчастий, казалось, хранило память об этих бедах. Может, когда-то Поющие Пески и пели, задолго до дней Черноборода Оголтелого.

Теперь они молчали.

Вместо песен над этим берегами нависало Проклятие, словно живая тварь, высматривающая жертву. Всепоглощающее зло висело в воздухе, как плотный и тяжелый туман. Даже ведьма, которая сама была порождением зла, обнаружила, что редкие волосы на ее полуоблысевшей голове шевелятся от ужаса, пока они ждали там, где столько претендентов на корону рискнули жизнью и проиграли.

— Вижу Перевозчика!
Проверьте Сокровища... — прошипел Элвин, нервно поблескивая глазами. —
Они же все у нас?

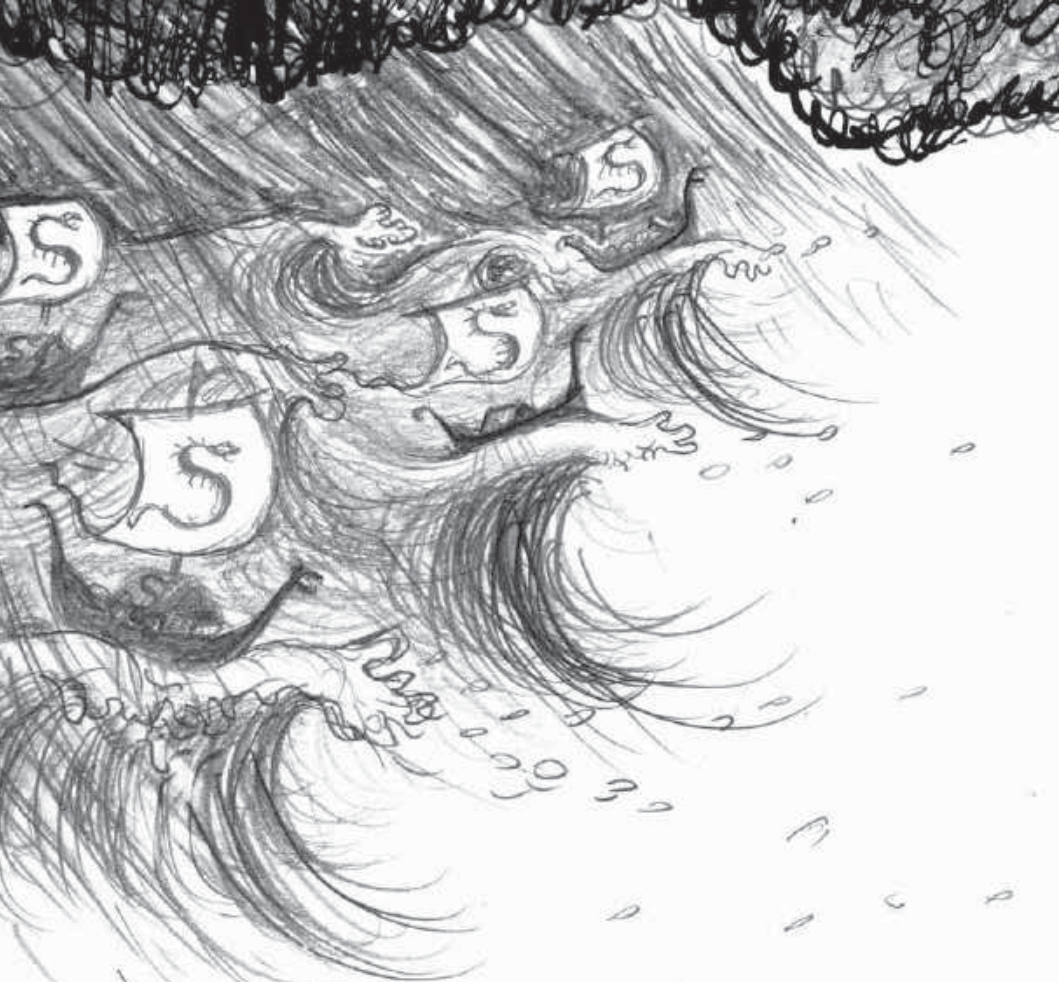
Ведьма в очередной раз пересчитала Сокровища костлявым пальцем. Да, их по-прежнему было десять, как в последний раз, когда она их проверяла — за две минуты до того.

— Прекрати суетиться, Элвин, — нахмурилась она. — И корону поправь.

Она сама поправила корону, чтобы та покрасивее сидела у сына на голове.

Трон они установили посреди пустого пляжа, и Элвин восседал на нем, обвешанный всеми остальными Утраченными Сокровищами.

Выглядел он роскошно — или немного смешно, это как посмотреть.

Ведьма до крови закусила губу. Она знала, насколько важно, чтобы у них все оказалось правильно. Одна-единственная ошибка означала смерть для всех.

Она еще раз пересчитала вещи, о-о-очень медленно, просто чтобы быть абсолютно уверенной.

— Хм-мф, — донесся из клетки тихий голос Беззубика. Клетку закрыли черной тканью, чтобы приглушить его пение. — Ты до десяти еще досчитала. А вот Б'бе-беззубик умеет считать до ста ми-ми-миллионов. Сто ми-ми-миллионов бутылок висят на стене... — Бедный, испуганный и усталый дракончик просто пытался подбодрить себя дразнилкой.

— Заткнись, ты, мерзкий мелкий драконишка! — прошипела ведьма, стискивая костявые кулаки.

Ей до смерти хотелось сделать с ним что-нибудь ужасное, но, разумеется, ей нужно было сохранить беззубого дракончика в целости, пока Элвин не станет Королем.

Перевозчик приближался. Элвин и его свита разглядели, как от далекого берега Завтра отделилось крохотное пятнышко лодки. Оно двигалось сквозь туман, взбираясь и скатываясь с каждой увенчанной барашком волны, все ближе к ним... ближе... БЛИЖЕ...

Но лодка Перевозчика была не единственным судном в Теснине Героев в тот день.

Первые лучи утреннего солнца разогнали туман и открыли корабли Стоика и остальных Воинов Печати Дракона — они выплыли из своего подземного убежища на Коралловом пляже, словно

зачарованные призраки, и тоже направились к Поющим Пескам.

Ведьма взглянула на море и злорадно облизнулась.

— Опоздал! — крикнула она глумливо. — Опоздал, Стоик, идиот ты напыщенный! Теперь мой Элвин станет Королем.

— Быстрее! — заорала она Перевозчику, нервно косясь на приближающиеся корабли.

Суеверная часть ее души до сих пор боялась, что Воины Печати Дракона могут в последнюю минуту учинить бой и отобрать Сокровища.

Экселлинор взвизгнула от радости, когда Перевозчик с завязанными глазами аккуратно сложил весла в лодку и стал ждать, пока волны вынесут ее на берег и лодка замрет на песке.

Шестое чувство подсказало Друиду-Стражу, что на пляже его ждут. Он выбрался из лодки и широким шагом направился к Элвину и его людям, застывшим на Поющих Песках.

Он остановился прямо перед съезжившимся на Троне Элвином, так близко, что тому пришлось задрать голову, чтобы заглянуть Друиду-Стражу в лицо. Это встревожило Элвина, потому что на этом лице с завязанными глазами отсутствовало всякое выражение.

Ведьме отчаянно хотелось поторопить Друида-Стража. Приближающиеся корабли Печати Дракона страшили ее. Но было в Страже что-то такое, отчего она не посмела вмешаться. Ведьма крайне редко встречала кого-то пострашнее себя самой. Поэтому она закусила окровавленную губу и промолчала, хотя это усилие едва не стоило ей жизни.

Страж воздел руки к небесам и вскричал:

— О Будущий Король или Королева, ступи же навстречу Завтра, если посмеешь! Только Тот, кто собрал Утраченные Королевские Сокровища, может принять корону и остаться в живых...

Страж медленно наклонил голову в сторону Элвина:

— Ты ли Будущий Король?

Элвин судорожно сглотнул. Он уже жалел, что вообще появился сюда.

— Я, — по-королевски пискнул Вероломный.

— Избран ли ты всеми племенами архипелага, чтобы править? — спросил Друид-Страж.

— ДА! — крикнули приспешники Элвина, заглушая пленных Воинов Печати, которые, разумеется, орали:

— НЕТ!

— С нами тут несколько несогласных... — нервно объяснила ведьма.

Друид-Страж наклонил голову:

— Коль скоро претендент избран большинством, этого достаточно. Привез ли ты Дар для Перевозчика?

— Привез, — слотнул Элвин.

— Тогда покажи мне Сокровища.

Тон Стража не изменился, но что-то подсказало Элвину, что, увешав себя Сокровищами и усевшись на Трон, еще не будучи принят в качестве будущего Короля, он поступил несколько самоуверенно.

Поэтому, корчась от унижения и шепча извинения, Элвин снял все Сокровища. Он разложил их на песке перед Стражем и отступил от Трона, блея:

— Моя мать заверила меня, что Сокровища правильные, ваша друидность, и я верю ей на слово, поэтому надеюсь, что, если что-нибудь случайно окажется не так или неприемлемо по какой-то причине, ваша честь проявит ко мне милосердие

за чистосердечную ошибку, и знаю, что вина лежит твердо у ног моей матери, которая...

Страж повернул незрячую голову к Элвину буквально на волосок.

— Если Дары неприемлемы, — произнес Друид-Страж, — Стражи-Защитники Завтра поднимутся и убьют вас всех.

— Ой...

Элвин заткнулся.

Одно за другим Друид-Страж ощупывал Сокровища.

Вот он почтительно провел рукой над сиденьем Трона, где темнело кровавое пятно, кровь Иккинга Кровожадного Карасика II, сейчас побуревшее от времени, но по-прежнему раскинувшееся, словно цветок.

Вот он взял в руки разбитую тикалку. Поднес к уху. Она еще тикала: неровно, тихо и дерзко.

Вот он снял покрывало с клетки Беззубика.

Вынул брыкающегося и плачущего дракончика, тщательно его осмотрел, даже мягко сунул палец тому в пасть и ощупал десны. Он не подскочил и не отшатнулся, когда Беззубик укусил его до крови.

— Б'бе-беззубик — не Элвина дракон, — плакал малыш. — Б'бе-беззубик — дракон И-И-Иккинга...

— Неважно, кому ты принадлежишь, — сказал Страж, и ведьма подскочила, потому что

Друид-Страж заговорил с дракончиком по-драконьи. — **Значение имеет только то, кто принес тебя сюда. А теперь спи, маленький дракон.**

Бедный Беззубик пребывал в таком расстройстве и истерике из-за своего похищения, что не спал как следует уже больше суток. Но когда Страж заговорил этим спокойным, гипнотическим тоном, дракончик зевнул и тут же провалился в сон, поддавшись внушению, как какой-нибудь мухрюндель.

Страж снова накинул покрывало на клетку.

Остальные вещи он проверял очень долго.

Ведьма от беспокойства случайно откусила собственный ноготь. А зря, ведь ноготь был отравлен. Она сильно обожглась, губы у нее посинели.

Последнее Сокровище, Драконий Камень, Страж проверял мучительно медленно и с почти-тельной осторожностью, прежде чем положить обратно на Трон.

Он воздел руки в воздух.

Викинги на пляже подались вперед, округлив глаза и напрягши спины, в ужасе ожидая, что скажет Друид-Страж. Элвин невольно отпрянул, закрывая лицо крюком и рукой, словно ожидал нападения.

Повисла напряженная пауза.

— Сокровища **НАСТОЯЩИЕ!** — вскричал Друид-Страж. Бесстрастное лицо Стража вдруг осветилось страстью, словно в суровую каменную

скалу внезапно ударила молния. — Спустия девяносто девять лет неудач, девяносто девять лет поисков, девяносто девять лет охраны острова Завтра Сокровища Настоящие! Невыполнимая Задача выполнена!

Люди на пляже взорвались радостными воплями.

Ведьма расплакалась.

Она бросилась в объятия Элвину, колотя по воздуху тощим кулаком.

— Я знала! — визжала она, вне себя от торжества. — Я знала! Двадцать лет... Двадцать лет просидеть в дупле, в маленьком круглом аду. Двадцать лет я пела заклинания, смешивала зелья, плела

гобелены судьбы из крысиных кишок и мышинных костей. Двадцать лет стремлений, мечтаний и убийств, чтобы ты стал Королем... и ты им станешь! МОЙ ЭЛВИН — КОРОЛЬ!

— СТРАЖИ-ЗАЩИТНИКИ ЗАВТРА! — воззвал Страж великим радостным воплем, обращаясь к Стражам, тем самым драконоподобным тварям, что таились под Поющими Песками. — Через двадцать четыре часа, когда этот Король будет коронован, мы станем свободны от рабства длинной в девяносто девять лет! Мы сможем свободно странствовать в небесах и по морям архипелага, на легких крыльях и легких ногах, без границ, без пределов, без конца...

— А я, — и тут голос Стража ощутимо дрогнул, — я наконец смогу снять эту повязку, закрывающую мне глаза, и увижу краски архипелага, сияющие свежестью, словно боги только вчера нанесли их на все сущее!

Далее случилось нечто необычайное.

Повсюду вокруг распростертых рук Стража песок запел.

Элвин и его люди были слишком заняты празднованием, чтобы это заметить, а пленные Воины Печати слишком подавлены.

Но Поющие Пески Дара Перевозчика снова пели.

Словно каждая крохотная песчинка терлась о соседнюю, словно миллион счастливых кузнечиков пели радостный хвалебный гимн.

В этом звуке таилась невинная грусть, от которой наворачивались слезы.

— Наконец-то Невыполнимая Задача выполнена!.. — вскричал Друид-Страж. — Наконец-то наше рабство кончается... Наконец-то МЫ НАШЛИ НАШЕГО НАСЛЕДНИКА!

— Это буду я! — радостно пропел Элвин, а ведьма скакала рядом. — Это буду Я! Я-Я-Я-Я! И какой же это прекрасный выбор!

— Тот, кто собрал все Сокровища, должно быть, поистине великий Герой, — сказал Друид-Страж. — Но погодите... я слышу, на берег высаживаются другие люди...

— Погодить? — Ведьма мгновенно испугалась. — Что значит «погодите»?! У нас же все Сокровища!

— ПОСТОЙТЕ, ПОЧТЕННЕЙШИЙ ДРУИД-СТРАЖ!

Корабли Печати Дракона действительно приставали к берегу. Отец Иккинга, Стоик Обширный, великий вождь племени Хулиганов, перепрыгнул через борт своего «Большого синего кита» на Поющие Пески.

Страж повернулся, когда Стоик побежал вперед, плеща по мелководью. Даже на исходе среднего возраста Стоик, скроенный по традиционной викингской мерке, производил впечатление: брюхо — как боевой корабль, борода — как пылающий куст можжевельника.

За Стоиком следовали тысячи и тысячи воинов, включая Берту, предводительницу Бой-баб, Неимоверного Крутняка, его спутницу-Героиню Яриссу О'СТРели и одиннадцать ее женихов, Сморкалиного отца Толстопуза Пивобрюха и Старого Сморчка, дедушку Иккинга.

— СТОЙТЕ! — крикнул Стоик Обширный, запыхавшись.

Бегать по песку вообще тяжело, а уж по достижении определенного возраста — особенно.

— Кто вы? — сурово спросил Друид-Страж.

— Мы Воины Печати Дракона, — пропыхтел Стоик. — Мы представляем половину племен Архипелага... и этот Элвин никогда не станет нашим королем!

Прибывающие Воины Печати слаженно заорали. Поднялся великий крик тысяч глоток, чтобы показать Стражу, как их много.

— Похоже, у вас больше, чем несколько несогласных, — заметил Страж Элвину. — Если это половина племен архипелага...

— Но это же менее важная половина, ваша честь... — возразил Элвин.

— Мы, Воины Печати Дракона, — пропыхтел Стоик, — заявляем права на Трон. Мы утверждаем, что мой сын Иккинг — истинный Король Дикозапада!

— У тебя есть сын по имени Иккинг? — с интересом спросил Друид-Страж.

— Не придавайте этому значения! — взвыла ведьма, позабыв о вежливости по отношению к Стражу. — То, что его зовут Иккингом, как сына Черноборода Оголтелого, ничего не значит!

— На самом деле все Сокровища отыскал Иккинг, — сказал Стоик, — все до единого! А этот вор Элвин и его ведьма-маменька их украли!

— Чушь собачья! — завизжала ведьма, брызжа слюной, словно кобра.

— Моя жена Валгалларама отправилась забрать украденные Сокровища у этой ужасной парочки, — пояснил Стоик. — Она должна встретить нас здесь, вместе с Иккингом, которого мы спрятали, чтобы приспешники Элвина его не убили. Иккинг будет здесь с минуты на минуту, вместе с Последним Утраченным Сокровищем, беззубым драконом...

Стоик осекся.

Он был так занят объяснением, что только сейчас заметил, что Сокровища уже расставлены на пляже.

— Сокровища уже здесь! — изумленно воскликнул Стоик.

— Да, они здесь, Стоик, — снисходительно улыбнулась ведьма. — Как верно подмечено.

Стоик был не самый умный варвар на свете, поэтому потребовалось некоторое время, чтобы до него дошло. Лоб его нахмурился.

— Но где моя жена Валгалларама?

— Бедный глупый Стоик... — презрительно процедила ведьма. — Всегда опаздывает, всегда медлит. Мы поймали твою драгоценную Валгаллараму на месте грабежа и мятежа сегодня утром,

и я любезно привезла ее с собой, чтобы она могла иметь удовольствие наблюдать триумф Элвина, прежде чем мы ее казним.

Ведьма щелкнула пальцами, и ее воины, покачиваясь, притащили на плечах сундук. Это был тот самый сундук, в котором раньше держали Камикадзу. Его спешно починили и как попало, на скорую руку обмотали цепями.

Один из людей Элвина отпер замки, и Валгалларама вырвалась из сундука. Ее немного помяло, ибо женщина средних лет (даже в такой отменной форме, как Валгалларама) старовата для складывания в сундуки, но ее воинское достоинство не пострадало.

Стоик побелел. Он впервые заметил пленных Воинов Печати, уныло стоявших в цепях по краям толпы.

— Плевака... дружище, что случилось с твоей бородой? Валгалларама... любовь моя, я не понимаю... — Стоик совершенно растерялся. — Вы что... вы... проиграли? — спросил он недоверчиво, поскольку непохоже было на Валгаллараму, великую Героиню, проиграть хоть в чем-нибудь.

— Наш сын не остался в подземном логове. Он напал на ведьмину тайную крепость, чтобы забрать Сокровища самому. Он не узнал меня, переодетую воином Элвина, и отобрал у меня Сокровища, как раз когда я занималась их возвращением, — пояснила Валгалларама.

Стоик просиял:

— Молодчина Иккинг! То есть это, конечно, очень невежливо с его стороны, и порядочному сыну так поступать не пристало, но, в конце концов, если он собирается стать Королем, то не могут же родители все делать за него. Я горжусь парнем... — Он снова осекся и нахмурился, а затем сказал:— Но тогда... тогда почему Сокровища здесь? И где Иккинг?

Лицо Валгалларамы было очень-очень мрачно.

Она повернулась к матери Элвина.

— Вероятно, ведьма сумеет ответить на оба твоих вопроса. — И взгляд ее был холоден и немолчим, как железо.

— Да, — улыбнулась ведьма, мурлыча от удовольствия, — я могу ответить на оба этих вопроса. Боюсь, ты немного отстал от времени, Стоик. Ибо, как видишь, у нас теперь ВСЕ Сокровища.

Она сдернула черную ткань с клетки Беззубика.

Стоик отшатнулся, словно его укусили, и толпа Воинов Печати ахнула от ужаса.

В клетке спал измученный дракончик. Жалкое зрелище — крылышки дрожат, под глазами черные круги от горя из-за разлуки с Иккингом.

— Присутствующий здесь Друид-Страж только что проверил все Сокровища и нашел их настоящими, после чего объявил моего Элвина Наследником Черноборода Оголтелого. Мы коронуем его

завтра, в последний день Солнцеворота, День Светопреставления.

— Это верно, — признал Друид-Страж.

— НЕТ! — вскричал Стоик, глаза его округлились от ужаса.

Стон и вопли донеслись со стороны Воинов Печати.

— Но тогда... мой Иккинг? — пролепетал Стоик. — Где мой Иккинг?

Ведьма расплылась в бесконечно мерзкой улыбке:

— Твой Иккинг не будет «с минуты на минуту». Он вообще больше никогда не будет, боюсь.

Валгалларама, гордая Валгалларама упала на колени:

— Нет! Иккинг! Нет!

Она никогда раньше не падала. Стоик нагнулся поддержать ее...

...а Старый Сморчок, дедушка Иккинга, совершенно опешил.

— Я не понимаю, — пробормотал он.

— Тебе никогда особо не удавались предсказания, Сморчок, — глумилась ведьма.

— Это Сморкала, — мрачно сказал Плевака, стоя в цепях позади толпы. — Сморкала предал нас всех.

— Предатель! — воскликнул Граббит Мрачный. Воины Печати заулюлюкали. — Этот предательский предатель из предателей!

Толстопуз Пивобрюх, отец Сморкалы, обхватил голову руками и прошептал:

— Простите. Мне так жаль. Мне стыдно, что я его отец.

— Видите теперь, как смехотворно было с вашей стороны пытаться отобрать у Элвина Трон! — глумилась ведьма. — У вас нет ничего, ничего! И Герой, которого вы ждете, мертв.

Валгалларама Белорукая была белее снега, руки она стиснула до синевы.

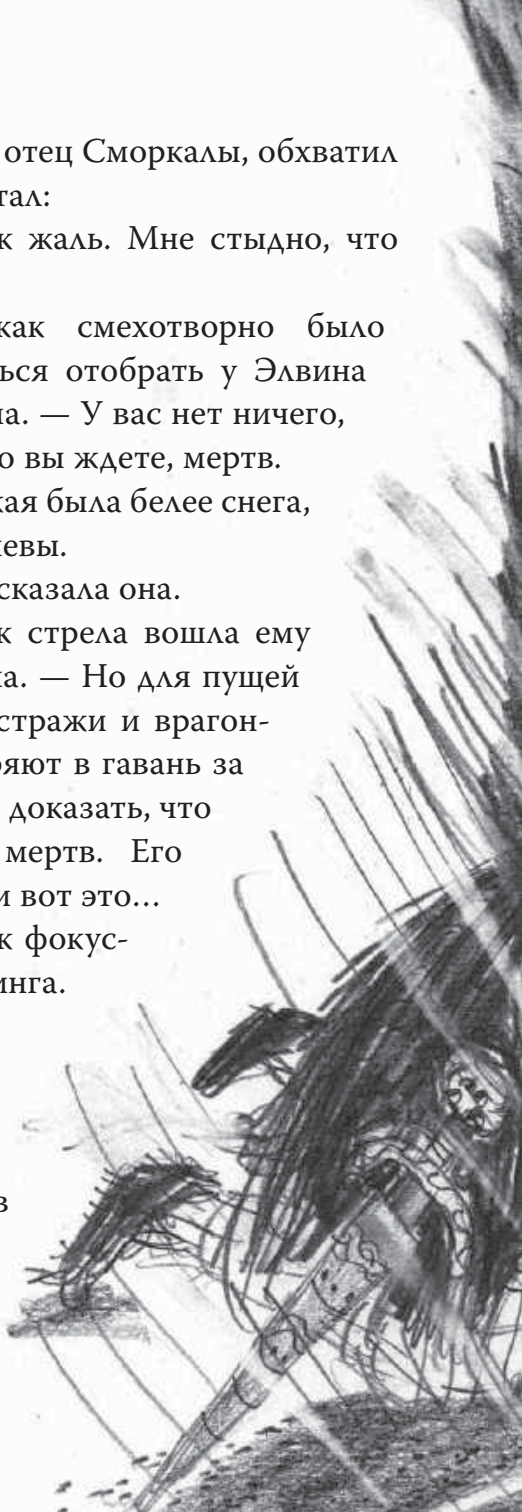
— Я тебе не верю, — сказала она.

— Я сама видела, как стрела вошла ему в грудь, — сказала ведьма. — Но для пущей уверенности наши быкостражи и врагончие с тех самых пор ныряют в гавань за телом, так что мы можем доказать, что недомерок наконец-то мертв. Его еще не достали, но нашли вот это...

Из-под плаща она, как фокусник, извлекла шлем Иккинга.

— Нет... — умоляюще прошептали Валгалларама и Стоик, и Стоик тоже упал на колени.

Двое великих воинов стояли рядом на коленях на песке, словно снова вступая в брак,

и держали шлем. По щекам их текли безмолвные слезы.

Затем Валгалларама вскочила на ноги и яростно потрясла кулаком.

— ТЫ убила его! — зарычала она на ведьму. — Ты, чудовище!

— В любви и на войне все средства хороши, Валгалларама, — проворковала ведьма. — Разве ты не пыталась убить моего собственного сына, Элвина, своей собственной стрелой там, в Янтарных Рабо-владениях? Наверное, тебе тоже стоило дать своему сыну тройную броню, тогда, может быть, сегодня он был бы жив... но, наверное, ты более беспечная мать, чем я. Тебя же вечно не было дома, правда?

Ведьме за многое хотелось отплатить Валгаллараме, и этот ядовитый укол достиг цели. Боль отразилась в голубых глазах бедной сокрушенной воительницы.

Валгалларама одним текучим движением резко развернулась и выхватила из-за пояса у ближнего воина Элвина секиру.

Вскинув боевой топор над головой, мать Ик-кинга взревела:

— КРОВНАЯ МЕСТЬ!

Ряды Воинов Печати вскинули собственные топоры в поддержку. Битва между сторонниками Элвина и Печати Дракона была готова вот-вот разразиться.

Но тут, с удивительной для его возраста живостью и необычайной силой, Друид-Страж прыгнул вперед и выхватил топор у Валгалларами из руки, когда она уже готова была зарубить ведьму.

Он выпрямился во весь свой двухметровый рост и, широко раскинув руки, громовым голосом скомандовал:

— Во имя Завтра, ОСТАНОВИТЕСЬ! ИЛИ, ПОМОГИ МНЕ ТОР, Я ПРИЗОВУ НА ВАШИ ГОЛОВЫ СТРАЖЕЙ-ЗАЩИТНИКОВ ЗАВТРА! ОНИ УНЕСУТ ВАС К САМЫМ ДАЛЬНИМ КРАЯМ ЗАБВЕНИЯ, И ВЫ НИКОГДА УЖЕ НЕ СТУПИТЕ НА ЭТУ СЛАДОСТНУЮ ЗЕМЛЮ СНОВА!

Речь его сама по себе привлекла всеобщее внимание, а вдобавок Страж пошевелил пальцами на концах раскинутых рук, и песок под ногами воюющих людей начал булькать и проседать, словно под ним что-то происходило...

Ярость мгновенно сменилась страхом.

— Опустите мечи! — приказал Страж. — Это священная земля! Вы ссоритесь на Поющих Песках Дара Перевозчика, и если вы не уймётесь, я преподнесу вам такой дар, о котором вы уж точно не просили и который не сможете вернуть!

Обе стороны притихли, онемев от ужаса при этом призыве сверхъестественного. И когда они затихли, Поющие Пески тоже умолкли и снова стали неподвижными и твердыми у них под ногами.

— Так-то лучше, — сказал Страж. — Я повелеваю этими Песками и островом Завтра. До завершения коронации мое слово — закон, и кара за нарушение его — смерть. По мере своих сил я могу быть очень по-человечески рассудителен, но, увы, моя роль Стража выводит меня за пределы человеческого, и я действую только как Закон.

Все по-прежнему старательно помалкивали.

— Госпожа. — Страж повернулся к Валгаллараме. — Я понимаю твой гнев и материнское горе, но теперь не время внимать им. Дракон Ярогнев сделался слишком силен. На карту поставлено само существование архипелага.

Он говорил негромко, но с такой властью, что казалось, слова исходят от самих богов.

— Мы, викинги, известны своей гордой независимостью и склочным характером. Это самая суть нашего бытия. Но теперь, когда пришел Дракон, мы должны позабыть свои печали и мелкие кровные распри и вместе выступить против общего врага. Мы больше не можем сражаться друг с другом, когда под угрозой само будущее человечества. Драконье восстание пришло! Сокровища найдены! Боги сказали свое слово! Если бывает время подчиняться Судьбе и Воле богов, то это время настало. Госпожа, отложи свою личную скорбь ради нас всех.

Валгалларама стояла, словно огромное дерево, пораженное громом среди ясного неба, и смотрела на свой меч.

— Столько лет, — проговорила она, опуская голову, — столько, столько одиноких лет я провела, разыскивая эти Сокровища... пожертвовав теплом очага, мужем и ребенком. И чего ради? Бесплодные скитания. А потом показалось, что, может, все оно того стоило. Порой оказывается, что Сокровища, которые ты ищешь по всему миру, находятся прямо у тебя под носом, дома. Я думала, что, может быть, настанет время, когда эта ужасная Война уйдет в прошлое, время вторых шансов. Я могла бы вернуться в семью, и мы бы заново узнали друг друга. Мой сын получил бы Королевство, которое я некогда хотела себе... Но теперь и эту надежду отняли у меня. Этот человек... — Она плюнула в сторону Элвина. — Если этого человека коронуют, вы расскажете ему тайну Драконьего Камня. И он употребит его силу для уничтожения драконов навсегда.

— Но дракон Ярогнев уничтожит все человечество, — отозвался Друид-Страж. — Порой Королю приходится совершать ужасные деяния, чтобы защитить тех, о ком он поклялся заботиться. Когда ставки так высоки, наступает время принимать жестокие решения. И брать на себя это бремя, эту вину — долг Короля. Мне о таком долге мало что

известно. Прости мне мои резкие слова, госпожа. Я не привык разговаривать с незнакомцами.

Друид-Страж говорил мягко, понимая, что говорит с женщиной, только что потерявшей сына:

— Бывают времена, когда приходится положиться на волю богов, и порой воля богов остается тайной, пока мы не увидим, в какой узор все сложится в самом конце...

Валгалларама попыталась расправить плечи. Истинного Героя узнают по тому, как он себя ведет, когда все против него.

Она гордо сняла боевую рукавицу и вручила ее Друиду-Стражу.

Валгалларама Гордо
снимает Боевую Рукавицу

— Я не стану присягать на верность Элвину, — натянуто произнесла она. — Но и не буду больше сражаться с ним. Если Стражи Завтра полагают, что такова воля богов, Воины Печати Дракона будут безмолвными свидетелями коронации.

Стоик Обширный, не поднимая головы, словно сломленный лев, кивнул в знак согласия.

— Да будет так, — сказал Друид-Страж.

— Погодите секундочку, — засуетилась ведьма, чувствуя, что ситуация, которую она считала вполне управляемой, внезапно снова ускользает из рук. — Это частная вечеринка! Мой сын Король, а эти люди предатели и незваные гости! Мы их на коронации не хотим!

Друид-Страж задумчиво посмотрел на нее.

— Твой сын пока не Король, — напомнил он. — А Короля должно короновать перед лицом объединенных племен архипелага как их избранного представителя. Чернобород на этот счет выразился совершенно однозначно. Эта госпожа принесла клятву викинга, что отодвинет личную скорбь и будет молчаливым свидетелем, и ее клятвы мне достаточно. Она принесли свой обет, а вы в знак доброй воли должны отпустить пленников.

Выбора у ведьмы не оставалось. Она приказала освободить Плеваку и остальных.

Друид-Страж стукнул посохом по песку: раз, два, три.

— Вы прошли первое испытание. Мы не станем вас убивать... пока. Теперь мы проследуем в Проклятые Земли Завтра для коронации Короля. Одну минуту, пожалуйста, я обращусь к своим товарищам Стражам...

Друид-Страж в последний раз поднял руки и голову к небесам и произнес с ужасной окончательностью:

— Сегодня одиннадцатый день Солнцеворота, Наследник найден, и отныне более никто не может заявить права на Трон.

ЯВИТЕСЬ ЖЕ, ВЕЛИКИЕ СИЛЫ СМЕРТИ И ТЬМЫ! Восстаньте и защитите границы Завтра снова! Любой мужчина, женщина, ребенок или дракон, кто посмеет незаконно проникнуть на Завтра в ближайшие двадцать четыре часа, погибнет от ужасного гнева СТРАЖЕЙ-ЗАЩИТНИКОВ!

Повсюду вокруг стоявших на пляже викингов песок забурлил, и земля снова породила тех кошмарных тварей, что унесли СТРа и его последователей к их ужасной воздушной судьбе семьдесят два часа назад. На сей раз они викингов не тронули и с воем пронесли у них над головой, словно падучие звезды или астероиды, обратно на остров Завтра, охранять его границы.

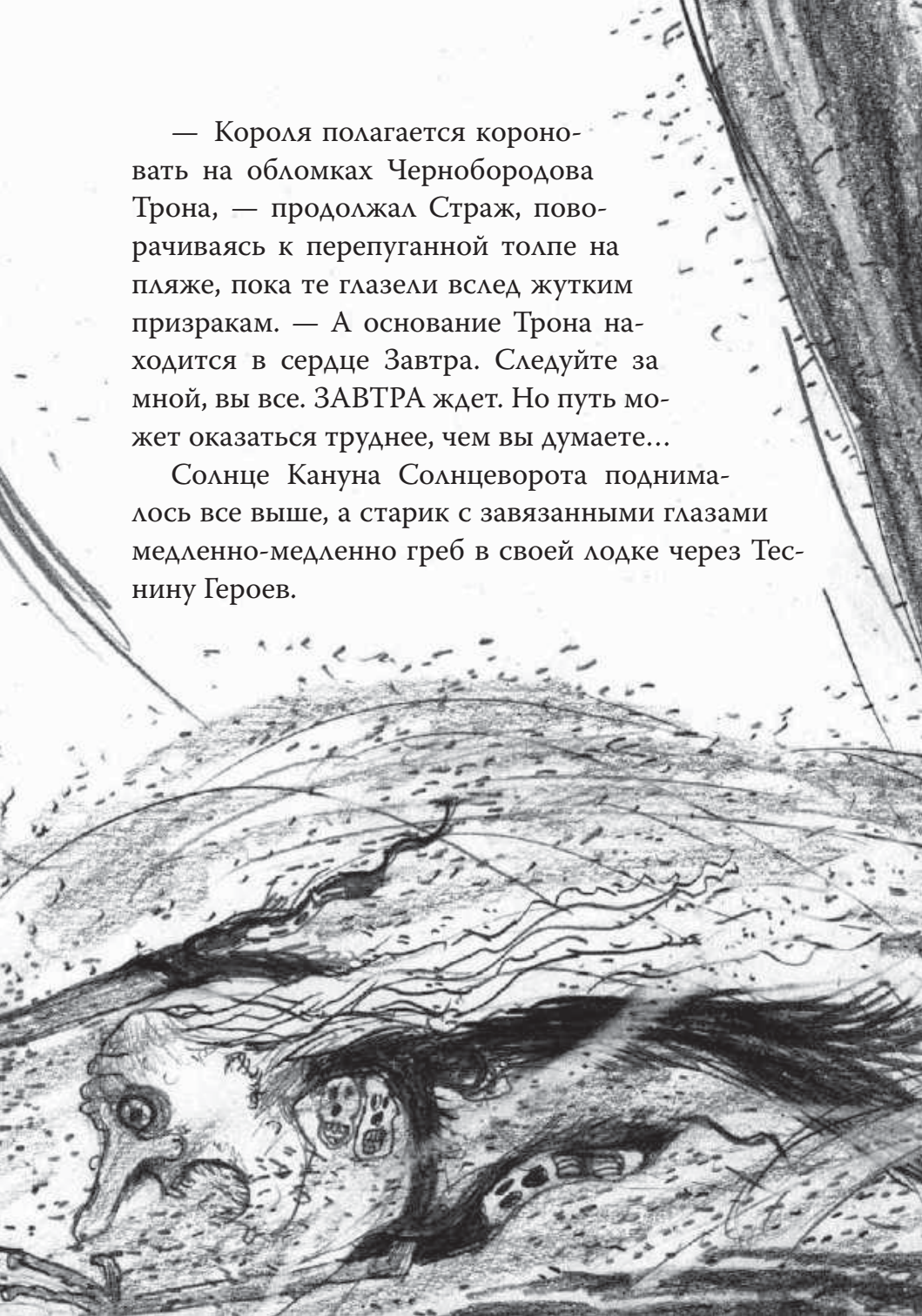
— Что они такое, во имя Одина? — сглотнул Элвин, обращая к матери зеленое и больное лицо.

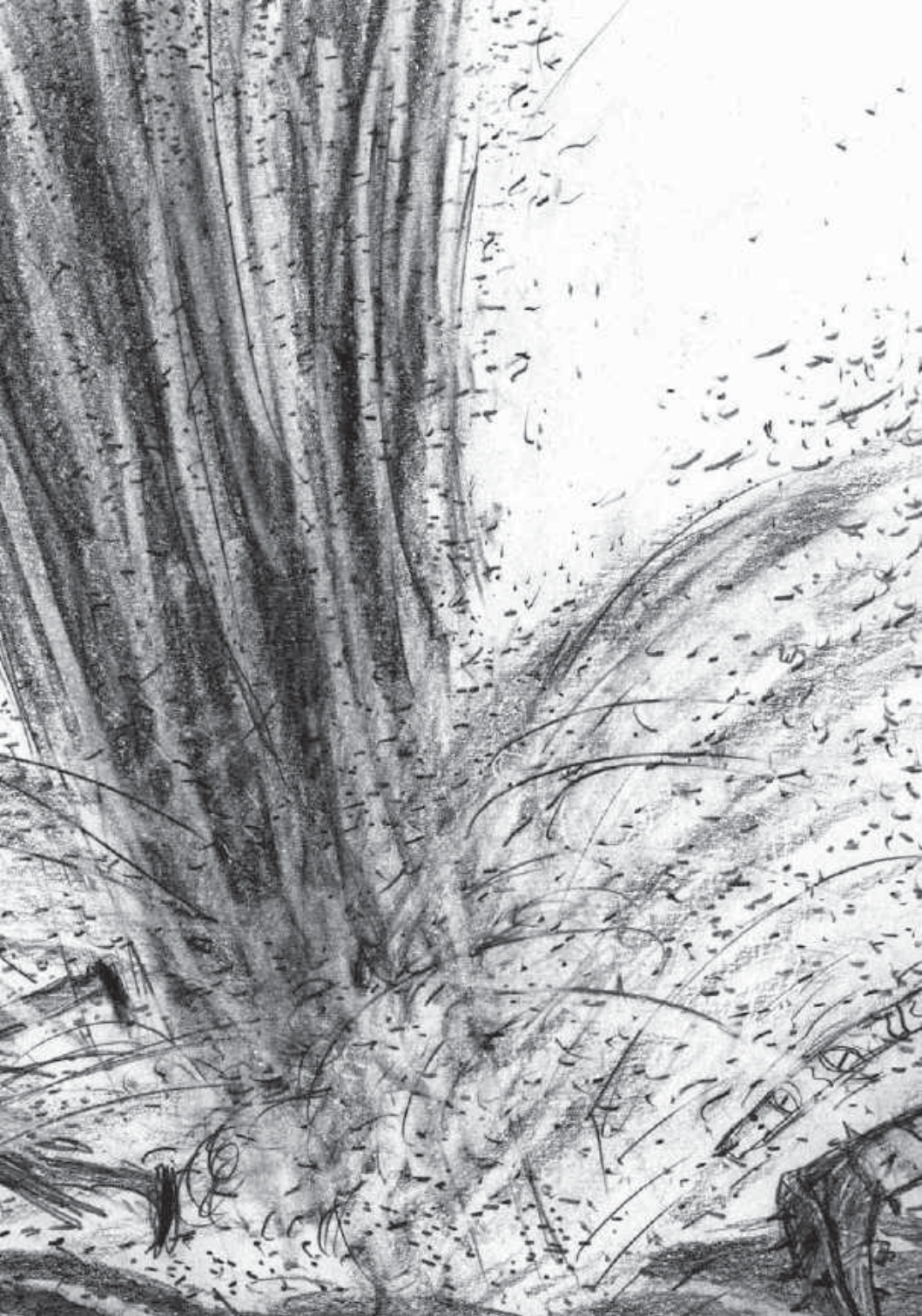
— Смерть через воздушное забвение, — мрачно ответила ведьма. — Нам повезло, что у нас есть Сокровища...

— Короля полагается короновать на обломках Чернобородова Трона, — продолжал Страж, поворачиваясь к перепуганной толпе на пляже, пока те глазели вслед жутким призракам. — А основание Трона находится в сердце Завтра. Следуйте за мной, вы все. ЗАВТРА ждет. Но путь может оказаться труднее, чем вы думаете...

Солнце Кануна Солнцеворота поднималось все выше, а старик с завязанными глазами медленно-медленно греб в своей лодке через Теснину Героев.

За ним плыли сотни и сотни кораблей с рваными парусами и опаленными викингами, усталыми и бездомными, утратившими всякую надежду и силы в этой ужасной войне.

Далеко-далеко, слишком боясь Завтра, чтобы подобраться ближе, разведчики Драконьего восстания проследили, как они уходят, и полетели рассказать своему вождю.

Ярогнев победоносно нежился в горячих ключах и глубоких снегах своей твердыни на севере. Две струйки дыма вытекали из его могучих ноздрей.

— У них Сокровища, повелитель, все десять... — доложил бритвокрыл с круглыми от тревоги глазами. — И маленького беззубого дракона они тоже добыли. И я видел... — Бритвокрыл тяжело дышал от ужаса. — Я видел Камень... Камень, обладающий властью уничтожить драконов навеки.

Но Ярогнева новости, похоже, ничуть не напугали.

— А, — задумчиво отозвался могучий дракон. — Но, видишь ли, у меня есть кое-что покрепче Камня. У меня есть обещание Одинклыка.

22. ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ В ОДИННАДЦАТОМ ЧАСУ

Камикадза с Рыбьеногом следовали за Элвином и его людьми до самых Поющих Песков Дара Перевозчика, невидимками на спине Смертеня. Они спрятались в дюнах прямо над пляжем и, защищенные крыльями громадного замаскированного дракона, наблюдали из безопасного укрытия всю разыгравшуюся там сцену.

И когда всем показали шлем Иккинга, найденный быкостражами, друзья поняли, что это означает. Рыбьеногу и Камикадзе больше не надо было прятаться. Теперь они могли присоединиться к остальным Воинам Печати.

С красными глазами, вытирая нос рукавом, Рыбьеног уже собирался лететь вслед печальной веренице кораблей, пересекавших Теснину Героев и удалявшихся в сторону Завтра, когда Камикадза остановила его.

— Какого тролля ты делаешь, Рыбьеног? — резко поинтересовалась она.

— Гм... — безнадежно всхлипнул очкарик, — я отправляюсь за остальными... здесь больше делать нечего, теперь, когда мы знаем, что Иккинг мертв.

— Чем больше я об этом думаю, — сказала Камикадза, — тем меньше верю, что Иккинг мертв.

— Но... но... шлем... это же был его шлем... — запротестовал Рыбьенег. — И они выловили его из моря... По-другому-то никак это не объяснишь.

— Ой, ради Тора, — раздраженно фыркнула Камикадза. — Ты проболтался с ним достаточно долго, чтобы знать, что никогда нельзя терять надежду, пока тебе не предъявят скелет Иккинга, торжественно зарегистрированный и заверенный Смертной Комиссией Валькирий как однозначно подлинный.

— Да, но...

— Там, в Рабовладениях, мы с Иккингом тоже чуть не поверили, что ты мертв, помнишь? И посмотри! Ты снова с нами, живой и здоровый, — вернее, живой, тощий, астматичный и диатезный!

А если бы мы перестали тебя искать?

— Но... но... но... — заикался Рыбьенег, — но иногда люди ПРАВДА умирают, Камикадза! И сегодня Канун Солнцеворота...

У нас всего двадцать четыре часа до коронации, и все Сокровища у Элвина... Надежды нет...

— Да, сроки поджимают, — признала Камикадза. — Но, опять-таки, Иккингу всегда лучше всего работается именно тогда, когда времени в обрез...

— Я хочу тебе верить, — с тоской произнес Рыбьенег. — Очень-очень хочу, но ГДЕ он, Камикадза?

— ДА ПОШЕВЕЛИВАЙСЯ ЖЕ! — крикнула Камикадза, уже верхом на Смертене. — Нам просто надо слетать и найти его...

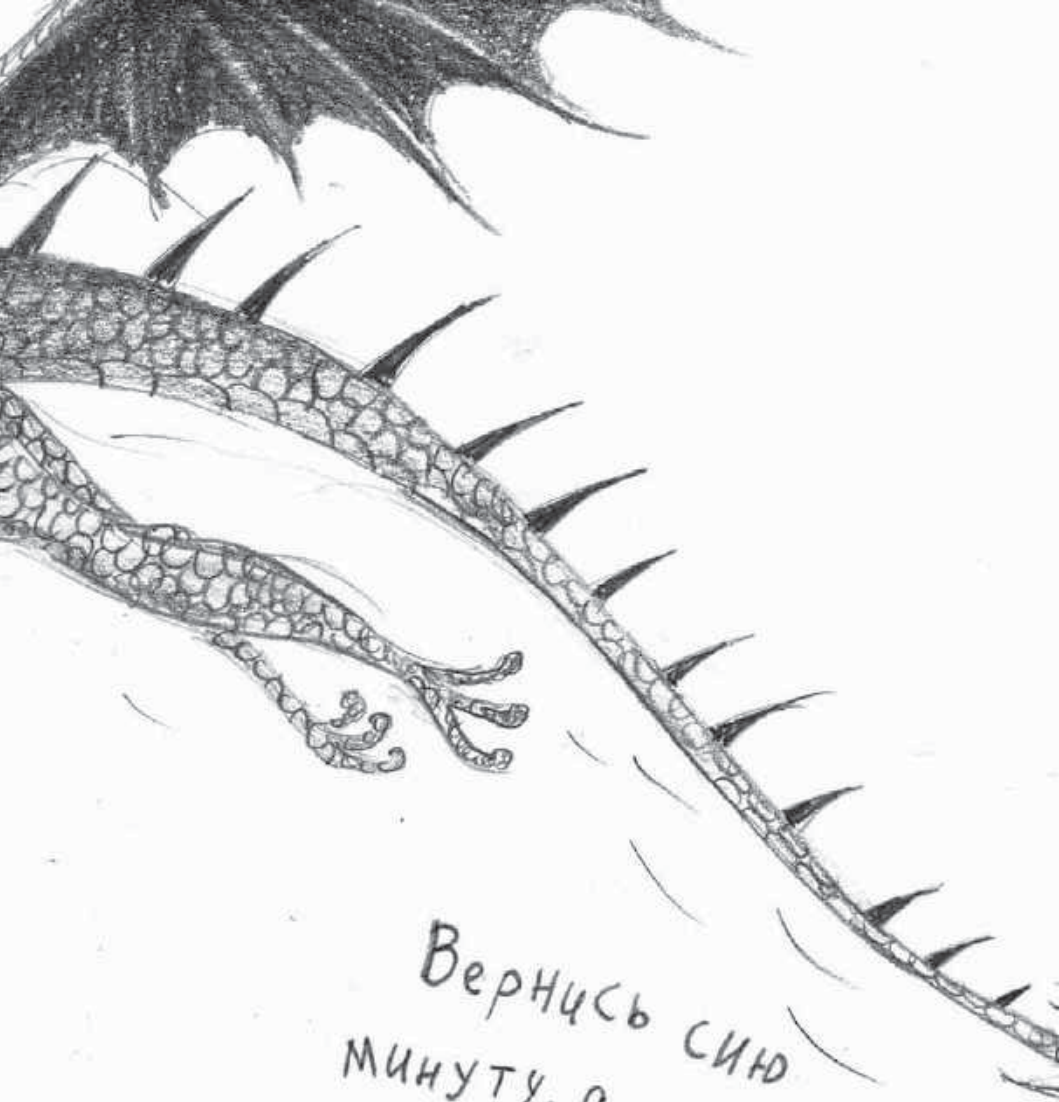
— Тебе не кажется, что стоит хотя бы сообщить твоей маме, что с нами все в порядке? — заметил Рыбьенег, карабкаясь следом за ней. — Я видел Берту среди Воинов Печати... Можно хотя бы дать ей знать, что ты сама еще жива. А вдруг она не разрешит тебе отправиться на поиски Иккинга?

— Пожалуй, — задумчиво проговорила Камикадза, — разрешения лучше не спрашивать. Однако ты прав, дадим ей знать, что мы живы, а то волноваться будет...

Спустя две минуты великая предводительница Бой-баб Большегрудая Берта, мрачно правившая «Большой мамой», взглянула вверх на пронесшуюся над ней громадную тень. Она увидела брюхо гигантского трехглавого дракона, на короткое мгновение сделавшегося видимым. Медленные изящные взмахи крыльев несли его на юг.

— МАМ, МЫ ТОЛЬКО И ККИНГА ПОИЩЕМ — И СРАЗУ ДОМОЙ... Пока... Не волнуйся за меня! Бой-бабы сражаются всегда!

Вернись сию
минуту, а не то
у тебя будут
неприятности!

— КАМИКАДЗА! — гаркнула Берта Бой-Ба-ба. — ИККИНГ МЕРТВ! КУДА ТЕБЯ НЕСЕТ? Я Ж ТОЛЬКО ЧТО ТЕБЯ НАШЛА! ВЕРНИСЬ СИЮ МИНУТУ, А ТО У ТЕБЯ БУДУТ БОЛЬШИЕ НЕПРИЯТНОСТИ! КАМИКА-А-А-А-АДЗА-А-А-А-А!

Поздно. Красивый трехглавый Смерть уже медленно растаял в воздухе, словно облачко дыхания на зимнем ветру.

23. ЕЩЕ ОДИН ДЕНЬ

Далеко-далеко, на крохотном островке Последний Приют, на песке распростерся без сознания мальчик.

Камикадза не ошиблась.

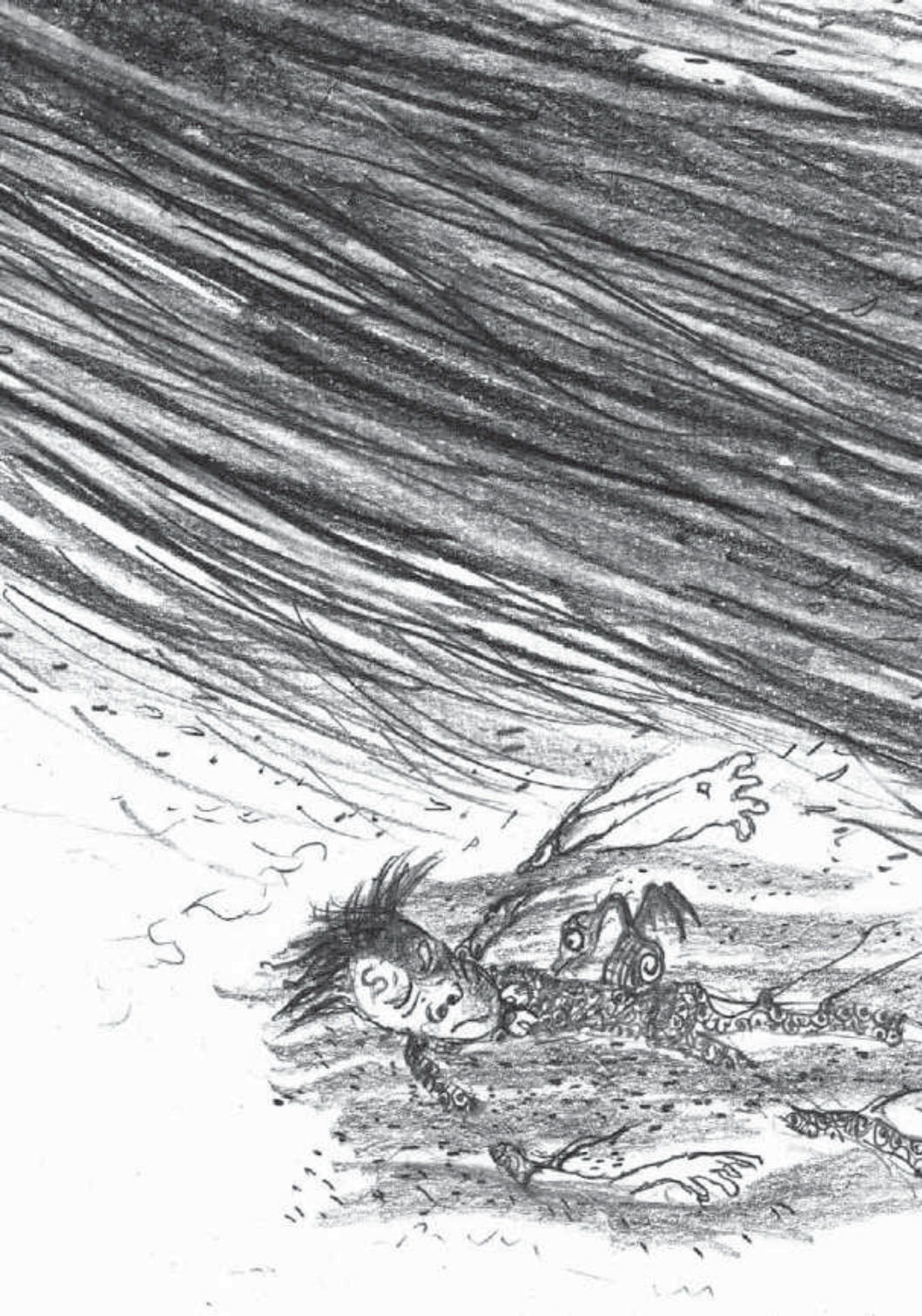
ИККИНГ БЫЛ ЖИВ.

У него оставались всего сутки.

Сутки до того, как в День Солнцеворота коронуют Короля.

Сутки, чтобы убедить Стражей, что Король — он, а не Элвин Вероломный.

И у него не было Сокровищ. Ни единого.

Как ему вообще добраться до Завтра?

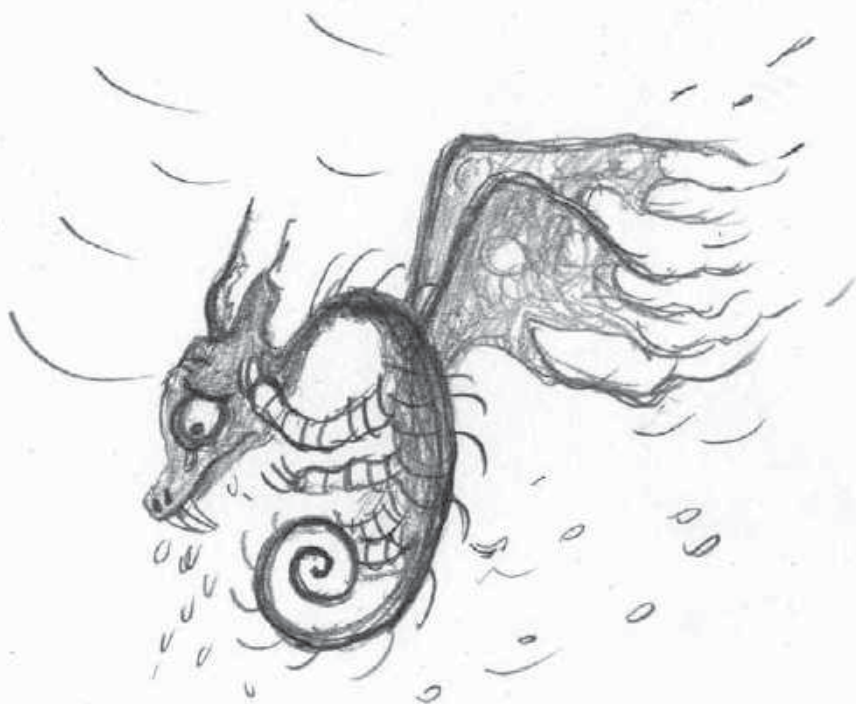
Ведь Друид-Страж запер границы острова. Он призвал своих Стражей-Защитников не пускать на Завтра никого, будь то человек или дракон, ведь Наследник нашелся и коронация вот-вот состоится.

А мы только что видели, какие страшные и ужасные эти Стражи-Защитники.

Но по крайней мере, Иккинг ЖИВ. Едва-едва, но все-таки ЖИВ.

На груди у него, сунув голову под крыло от стыда, сидел маленький старый дракон Одиноклык и ждал, пока мальчик проснется.

я предатель.

я не знаю, как
это теперь
закончится...

Эпилог Иккинга Кровожадного Карасика III, последнего из великих героев-викингов

Я уже говорил в начале этой книги моих мемуаров, что становление Героя напоминает закалку меча.

И Героя, и клинок испытывают снова и снова, и чем страшнее и ужаснее испытание, тем в итоге крепче и меч, и воин.

Мальчик, Каким Я Некогда Был, лежащий на песке Последнего Приюта... похоже, он потерял все.

Он рискнул всем, стремясь добыть Утраченные Сокровища, и в последнюю минуту они просочились у него сквозь пальцы.

Он еще не знает этого, бедняга, лежа там, на песке. Ему все еще снится, что он благополучно ведет корабль с Утраченными Сокровищами на борту сквозь Ветер.

— Не волнуйся, Беззубик, — горячно бормочет он про себя. — **Все будет хорошо... все-все будет хорошо...** — Не зная, что бедный Беззубик попал в злые руки и все нисколько не хорошо.

Больно, не правда ли, видеть, как бредит мальчишка, лежа на песке покореженным обломком ко-

раблекрушения, выброшенный беспечными богами, словно надоевшая безделушка?

Но теперь мне семьдесят шесть лет, и, оглядываясь назад, я должен сказать, что все не так страшно, как может показаться.

Наконец впервые мальчик готов к тому, что ждет его впереди.

Со стороны, конечно, в это трудно поверить, ведь он лежит там, на берегу, утративший все Сокровища, утративший Беззубика, утративший все. Но именно сейчас на свет рождается Герой.

Теперь он готов принять свою судьбу.

Я встречаю его на Последнем Приюте, паря над ним, пока он там лежит, и шепчу:

Теперь ты готов.

Знай это, когда проснешься.

Ты наконец готов принять Завтра.

Может, ты и выглядишь как труп, но на самом деле ты Король.

Ему понадобится это знание, когда он проснется к мучительной яви.

А она и правда будет мучительна.

Ему предстоит горевать о потере Сокровищ и сознавать, что это его вина. Ему предстоит горевать по Сморкале. Ему покажется, что в этом тоже виноват он, хотя Сморкала сделал свой опасный выбор по собственной свободной воле.

Но Сморкала кое-чему его научил.

Иккинг верил в Сморкалу. Он не оставлял попыток поверить в Сморкалу. И в конце концов Сморкала поверил в Иккинга, и вот тогда-то Иккинг наконец поверил в себя.

Это имело значение.

С тех пор он не расставался со Сморкалой. Сморкала и его Черная Звезда стали частью его королевской сущности.

Помните дребезжащий голосок Одиноклыка, шептавший в темноте подземного укрытия высоко в Душегубских горах о том, как мальчик может превратиться из Скорохода в Черноборода Оголтелого...

«...и наоборот».

А на кораблях, пересекавших Теснину Героев в Канун Солнцеворота, отец Сморкалы, Толстопуз Пивобрюх, еще не знал, что его сын выбрал правую сторону. Плевака и другие Воины Печати по-прежнему проклинают имя Сморкалы, все еще верят, что он самый коварный предатель из предателей, по-прежнему качают головой и потрясают кулаками и призывают на его голову ужасные проклятия.

Но однажды они узнают правду.

Время вытрясет правду наружу, как всегда бывает.

Плевака и Толстопуз узнают правду, в точности как предполагал Сморкала, когда вешал мне на шею Черную Звезду.

В конце концов они узнают, что Сморкала был Герой...

Плевака и Толстопуз смогут наконец им гордиться.

И даже после того, как Королей позабудут и их имена рассыплются в прах, добрые дела и подвиги Героев еще долго будут жить во славе.

О замках высоких я прежде мечтал
И короне на голове...
Нынче звездное небо — мой единственный кров
И море — моя колыбель...
Но пусть сердце мое разорвал ураган
И разбила корабль беда,
Знаю я — я Герой... а Герой — это
НАВСЕГДА!

Я пишу это спустя шестьдесят два года, и Черная Звезда Сморкалы висит на цепочке у меня на шее. Черная Звезда, которая в племени Хулиганов является высшей наградой за храбрость в бою.

Она выглядит несколько неуместно на груди такого старика, как я, но я ношу ее с гордостью. Она заставляет меня держаться чуть прямее, хотя возраст и злые ветра архипелага согнули меня в дугу и я уже не так твердо стою на ногах, как прежде.

Это та Черная Звезда, которую он вручил мне, когда мы менялись одеждой и судьбой. Не правда ли, прекрасный дар, который брат вручил брату?

Однако есть одна странность.

Время стерло черноту со Звезды.

А под чернотой... что-то мерцало, год за годом.
И я стал тереть ее и тереть, пока ломкая черная поверхность не осыпалась с сердца звезды и не проступил металл такой яркий и блестящий, словно его только что вынули из горна.

Теперь звезда совсем не черная.

Просто золотая.

ГЕРОЙ... ЭТО... НАВСЕГДА.

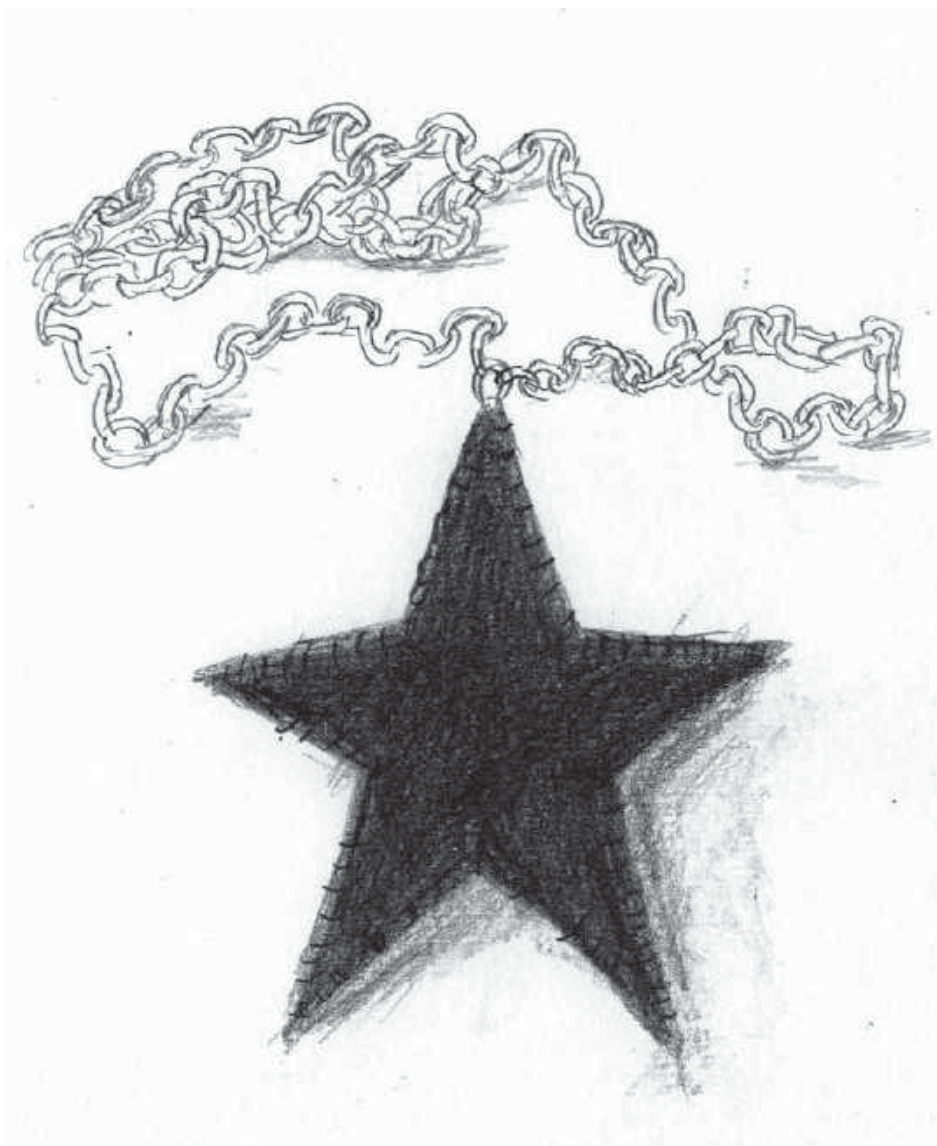
Прощай, Сморкала.

Без тебя я бы не справился.

Ты всегда со мной, на каждом шагу, в каждом решении. Ты у меня в крови, и без тебя я бы никогда так далеко не забрался.

Мы встретимся снова, в мире лучшем, чем этот.

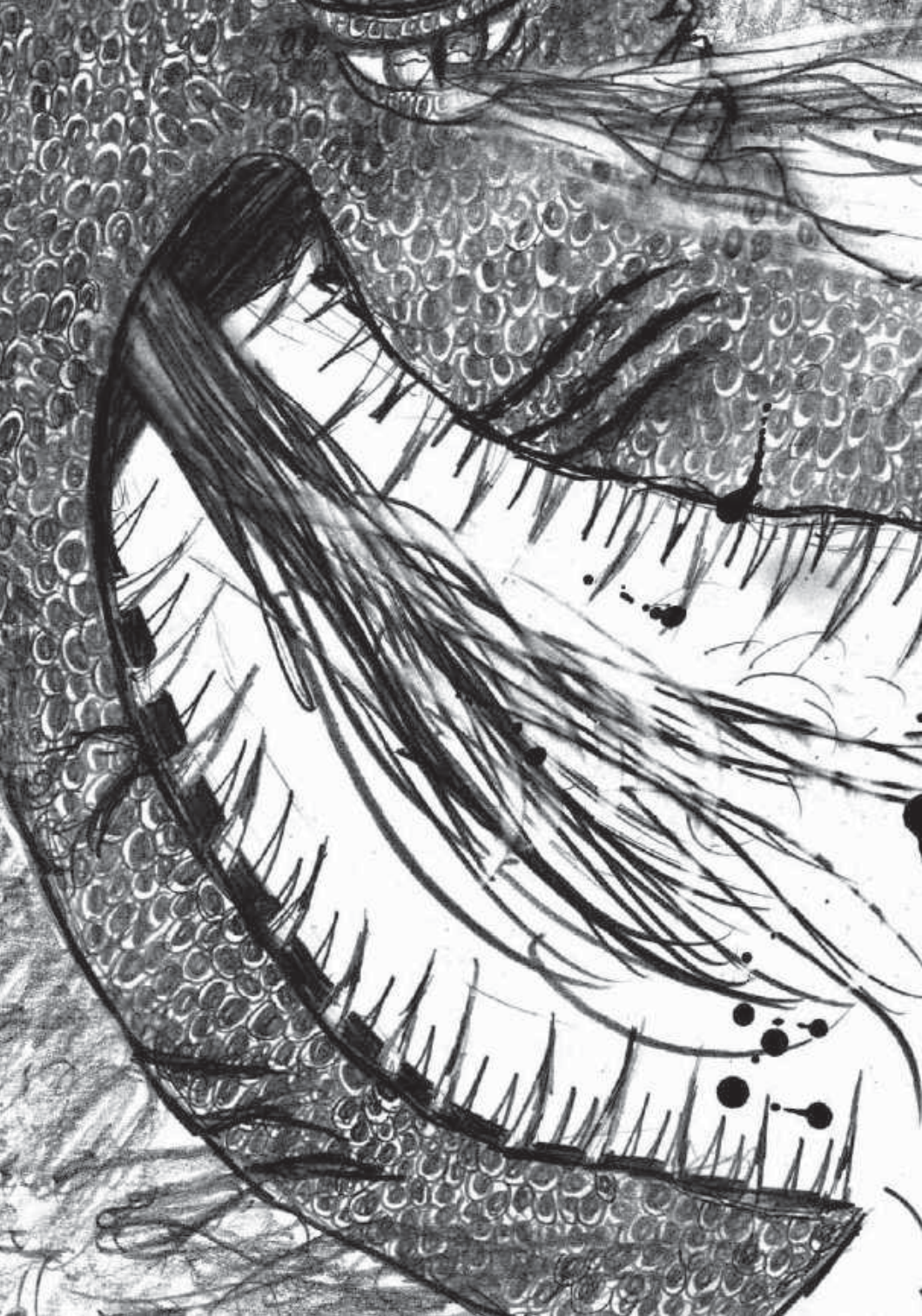

*Даже если Иккинггу удастся одолеть
ужасных драконов — Стражей Завтра,
его ждет дракон Ярогнев.*

ЕЩЕ ОДИН ДЕНЬ

ОН: НИ ЗА ЧТО
НЕ ДОЛЖЕН
СТАТЬ ВЗРОСЛЫМ!!
Я ОБРУШУСЬ НА НЕГО С НЕБЕС
И УНИЧТОЖУ!!!

ЕЩЕ
ОДИН
ДЕНЬ

*Как Иккинг попадет на Завтра теперь, когда
границы охраняют ужасные драконы-стражи,
дарующие смерть воздушным забвением?*

*И как он станет новым Королем Дикозапада
теперь, когда у него не осталось ни единого
Сокровища?*

*Ведь правда же, Элвину Вероломному
не бывать Королем?*

*И правда же не может быть,
чтобы драконам пришел КОНЕЦ?*

*Ищите ответы в двенадцатой книге,
действительно **ПОСЛЕДНЕМ** томе
мемуаров Иккинга.*

~ СОДЕРЖАНИЕ ~

Пролог, написанный Иккингом	
Кровожадным Карасиком III, последним	
из великих героев-викингов	23
1. Мама не велела покидать нору	28
2. Нам просто интересно, на чьей он стороне..	49
3. План идет наперекосяк.	69
4. Глаза в пустоте	84
5. Укус вампира-ищейки	95
6. Другая сторона истории.	113
7. Сон Беззубика	137
8. Вам и за сто лет не найти тайный лагерь	
Элвина	152
9. В крепости Элвина.	166
10. Вероломство и предательство	175
11. Испытание героя	196
12. Этот вероломный предатель из предателей. .	225

13. Тем временем под полом.....	236
14. Мастер-класс от Камикадзы: сеем хаос и неразбериху.....	243
15. «Вы звали, мадам?»	247
16. Мой зуб... Где мой зуб?	266
17. Поединок	273
18. Очень короткая глава, в которой минут пять все вроде бы идет как надо. ...	293
19. Все снова идет наперекосяк, и очень быстро	297
20. Последняя песнь Черноборода Оголтелого..	309
21. Канун Солнцеворота на острове Завтра ...	327
22. Последний приют в одиннадцатом часу ...	359
23. Еще один день.....	366
Эпилог Иккинга Кровожадного	
Карасика III, последнего из великих героев-викингов.....	370

Литературно-художественное издание
Для среднего школьного возраста
СЕРИЯ «КАК ПРИРУЧИТЬ ДРАКОНА»

КРЕССИДА КОУЭЛЛ
**КАК ПРЕДАТЬ
ГЕРОЯ**

Ответственный редактор *Анастасия Бутина*
Редактор *Наи Аллунан*
Художественный редактор *Татьяна Павлова*
Технический редактор *Валентин Бердник*
Корректоры *Маргарита Ахметова, Лариса Ершова*
Компьютерная верстка *Валентина Бердника*
Главный редактор *Александр Жикаренцев*

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, Москва, Павловская ул., д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

Товар соответствует требованиям ТР ТС 007/2011 «О безопасности продукции, предназначенной для детей и подростков».

Подписано в печать 14.01.2022. Формат издания 60×90 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 24.

Тираж 3000 экз. Заказ №

Дата изготовления 04.02.2022.

Срок службы (годности): не ограничен.

Условия хранения: в сухом помещении.

Отпечатано в России.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru

C-KPD-18147-05-R

Драконы вернут верх в войне с викингами.

Спассти людей может только появление нового Короля,
которому Стражи запретного острова

Завтра откроют тайну Драконьего
Камня. А для этого надо принести

им все десять Утраченных Королевских
Сокровищ и сделать это не позже

чем в Канун Солнцеворота.

У Иккинга и его грузей
остались считанные

дни, чтобы вернуть
Сокровища, украденные
Элвином Вероломным,
иначе драконы исчезнут
навсегда...

А ведь говорила мама
Иккину: сиди в норе
и не высовывайся!

Рыбенот

Именно по мотивам
этого сериала был снят
знаменитейший
мультфильм

«КАК ПРИРУЧИТЬ ДРАКОНА»!

ISBN 978-5-389-10120-3

05

9

785389 101203

ЕАС